

Вторая

Попытка

Владимир Хачатуров

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Владимир Хачатуров

Вторая попытка

«ЛитРес: Самиздат»

2006

Хачатуров В.

Вторая попытка / В. Хачатуров — «ЛитРес: Самиздат», 2006

1974 год. СССР. Ереван. После двух суток, проведенных в местном отделении КГБ из-за неудавшегося побега на Запад в компании своих друзей-школьников, девятиклассник Владимир возвращается домой. Казалось бы, история закончилась, но родители главного героя начинают подозревать, что вернувшийся домой подросток вовсе не их сын. Была ли эта подмена, и как она грозит безопасности государства? PDF-формат издания не отображает используемый в книге шрифт. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть первая	5
Пробуждение	5
Урок НВП	13
Урок физики	24
Урок биологии	45
Большая перемена	65
Контрольное сочинение	72
Большое окно	93
Урок истории	101
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Владимир Хачатуров

Вторая попытка

Часть первая

Возвращение блудного сына

Пробуждение

...Что-то ему точно снилось. Но что именно – было не вспомнить. Возможно, то самое, что увидел, проснувшись.

Увидел же он то, что можно увидеть лежа в кровати, если кровать находится в застекленной лоджии, где справа тумбочка, напротив, у торцевой стены, – сработанный из досок ДСП письменный стол, над столом несколько книжных полок, поодаль, у окна в гостиную – едва угадываемый, погребенный под одеждой, стул... А еще плотные шторы слева, закрывающие всю наружную стену, сплошь состоящую из окон; всю, кроме одного-единственного, узенького, чуть ли не стрельчатого, расположенного в самом конце комнатки, по левую руку от письменного стола...

Ну да, признал он, это мой личный закуток площадью 2 на 4...

Из узенького окошка струился сумеречный свет, не столько настаивая на своем утреннем происхождении, сколько намекая на это обстоятельство.

Ну да, вроде как зима на дворе, не греша разнообразием в выборе слов, присовокупил он к единству места довесок времени. Какое-то там января... – и забуксовал, вспоминая порядковый номер наступившего года.

Да и фиг с ним, – решительно прервал он мнемоническую попытку. Какая разница, какими цифрами его обозначить. Бог весть который год по предполагаемому рождению незабвенного Христа, Иисуса Иосифовича...

Встав с постели, обнаружил себя в трусах и майке. Провел рукой по животу: до чего я исхудал!.. Нашупал тапочки, ступил к окошку и после непродолжительной схватки с двумя – верхней и нижней – ручками-шпинга-летами, отворил его. Отворил и... Все же не всегда это плохо, когда прожиточный минимум минимален. Будь иначе, лежать ему сейчас опрокинутым необычайной свежестью холодного воздуха. А так, с одной стороны угол письменного стола, с другой – спинка кровати поддержали его в нежданную минуту слабости. Честь им и хвала... Впрочем, головокружение отличалось приятностью ощущений, превозмогать его не хотелось. Само превозмоглось, рассосалось, подчинившись неизменному закону подлого бытия – привыканию... Но и с ним дышалось великолепно. Чистая, не засоренная носоглотка да пара легких – вот все, что человеку при наличии такого воздуха требуется. Стой да дыши, да вздыхай, да трепещи ноздрями от наслаждения... Но увы нам, теплокровным: прочие члены и конечно-сти возроптали от переохлаждения. Как ни печально, но окошечко пришлось прикрыть, оставив дюймовую щель для вентиляции. Ничего, решил он для себя, оденусь и продолжу. Он щелкнул кнопкой настольной лампы и удивился идеальному порядку на столе. Книги аккуратной стопкой в одном углу, тетради в том же состоянии – в другом, посередине, у стены, стаканчик с карандашами и ручками: читай, пиши – не хочу! По всему видать, не его рук это дело, поскольку его руки, если ему не изменяет память, ни на что, кроме произведения художественного беспорядка, не пригодны.

– Ладно, не суть...

Верхней книгой в стопке оказался учебник русской литературы для 9-го класса средней школы, утвержденный Министерством Просвещения РСФСР, изданный в Москве в 1973-м году.

– С чего это вдруг? – подумалось ему. Подумалось совершенно безотчетно, неизвестно с чего, но тоже – вдруг.

Гончаров, Герцен, Тургенев, Чернышевский, Добролюбов, Некрасов, Салтыков-Щедрин, Достоевский. Толстой, Чехов... Вот, значит, кого изучают в девятых классах средних школ. Знакомые все лица! Даже названия произведений мне явно о чем-то говорят, – бормотал он мысленно, наружно веселея. Судя по именам, девятиклассников заикливают на второй половине XIX века. Однако список неполон. Где Лесков, Писемский, Тютчев, Боборыкин, Гаршин, Апухтин, оба Успенских, Мятлев, Майков, Полонский, Аполлон Григорьев, Дружинин, Фет, Страхов, Надсон, наконец? Не сподобились? Или приберегли для высшего образования?

Всех беднее, кто беден участием.
Всех несчастнее нищий любви.

Всплыло вдруг из глубин памяти двестишестидесятое последнее по списку автора. Ишь ты! – изумился он едва ли не вслух: видать Мнемозина¹ не оставляет меня своими заботами. Ну-ну, давай, тетенька, сподобляй, – подбодрил он богиню в благих намерениях, чем, очевидно, и отвратил небожительницу. Богини, как известно, не терпят амикошонства и фамильярности. Ты б ее еще чувырлой назвал, нехристь. Надо же чего удумал: «тетенька»... Но нет, не отвратил: тетеньке, видимо, было наплевать, как ее называли, главное, что вспомнили об ее существовании. А это нынче такая редкость, такое дежа вю!

Душа моя – Элизиум теней,
Теней безмолвных, светлых и прекрасных...

Нет, эта знойная любительница чабанов просто издевается! Эй, Мнемозина Урановна, Титанидочка ты наша ненаглядная, этот «отче наш» я и без тебя, помню. Ты бы меня еще моим костром, который в тумане светит, разодолжила...

Видимо, «любительница чабанов» оказалось уж слишком беспардонно. Все-таки Зевс – не обычный чабан, а божественный: от него парнасские музы рождаются, а не пасторальные пастухи со пастушками. Дежа вю забуксовало, дальняя память уткнулась в тряпочку... Ну и хрен с ними, а он вот возьмет и на зло им всем вспомнит!

И он действительно – взял и вспомнил. Или почти вспомнил:

Жарко ей, не спится,
Сон от глаз гоня,
Чтой-то шевелится.
В попе у нея.

Мать Божья! – ужаснулся он. – Это кто же у нас анальной-то фиксацией страдает? Апухтин, что ли? Рефлективные последствия многомесячного пребывания в мужском монастыре?.. Ой, не верится мне! Ой, наговор и клевета это! И я даже догадываюсь, кто их автор...

И тут вдруг, то ли в опровержение, то ли, наоборот, в подтверждение его догадок, на него обрушился перевод никому не известного Минского всем до боли известного гимна:

---

¹ Мнемозина – в греческой мифологии дочь Геи и Урана, богиня памяти и мать Муз, рожденных ею от Зевса, являвшегося к ней в образе пастуха в течение девяти ночей.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Наша сила, наша воля, наша власть.
В бой последний, как на праздник собирайтесь.
Кто не с нами, тот наш враг, тот должен пасть.

Тьфу ты, Господи! – едва не осенил он себя крестным знамением. – Тоже мне, передаточное звено от Христа к Горькому: «Кто не со Мной, тот против Меня» – «Если враг не сдастся, его уничтожают». Хорошо хоть свой вариант «Интернационала» додумался правдиво закончить: «В Интернационале сопьется род людской». Как там было у Ключевского насчет дурной трансформации великих идей в очумелых массах?.. Вспоминал, вспоминал, но так и не вспомнил, как там было... Тут его внимание привлёк любопытный агрегат на стуле, которого он спросонку не заметил и в котором, после ряда мучительных попыток вспомнить, признал бобиновый магнитофон. Интересно, какая там музыка записана?.. Поискал глазами наушники окрест – ничего похожего не обнаружил. Ладно, послушаем так, тихонько, одним ушком к динамику приложившись... Однако все попытки вспомнить, каким образом сей агрегат приводится в движение, окончились неудачей. Так и подмывало с возмущением воскликнуть: Ну, Мнимая Зинка, ну ты даешь! В смысле, ни шиша не даешь, кроме грешащих неточностью поэтических обрывков... Но вовремя передумал и обратился к небожительнице так: Однако, госпожа Мнемозина, вы меня удивляете! Причем пренебрежительно, мадам... Повременил, прислушался к себе, хмыкнул, зябко поежился, юркнул под одеяло, укрылся с головой, старательно задыхался, свернувшись внутриутробным комочком. Встать – выключить лампу, или пусть себе пылает огоньком надежды в тоннеле непоняток?..

Дверь из лоджии в гостиную, вернее, наоборот, отворилась, явив его единственному выставленному наружу глазу огромный живот под теплым женским халатом.

– Вовочка, сынок, – позвал его кто-то явно материнским голосом. В голосе, правда, чувствовалось некоторое напряжение.

Он выпростал из-под одеяла в помощь единственному оку прочие органы чувств: второй глаз, уши, нос, рот и верхние конечности. Так и есть, не только голос, но и все остальное тоже оказалось маминим. Мама выглядела подозрительно молодо, лет на сорок, не больше.

– Проснулся? – сказала мама.

– Еще не знаю, – ответил он.

– Чего не знаешь?

– Проснулся твой сынок или нет, – не знаю, – сказал он серьезно и на всякий случай улыбнулся...

– В школу пойдешь? – построжела мать.

– А что, надо?

– Еще и шутишь, – вздохнула она с педагогической укоризной.

«Должно быть, чего-то натворил», – догадался он, и решил быть наперед осторожнее, потому как, сколько ни шарил в ближней памяти, ничего криминального за собой вспомнить не мог. В дальнюю же память лезть не спешил, – что-то его удерживало от столь опрометчивого шага.

– Давай, сынок, вставай, одевайся, умывайся и иди в школу, а то совсем отстанешь. Шутка ли, целую неделю пропустил...

– Так уж и неделю? – зная за матерью склонность к числовым преувеличениям, расчетливо усомнился он.

– Ну как же! – возмутилась мать столь беззащитному отрицанию очевидной истины. – Два дня вы бегали, три дня дома лежмя лежал, бука буккой...

– Итого: пять дней, – подытожил он. – А в неделе, если я не ошибаюсь, на два больше...

– Буквоед! – сказала мать и стала протискиваться обратно в гостиную.

«Кажется, у нас ожидается прибавление семейства», – меланхолично подумалось ему.

Мать задержалась в дверях с вопросом:

– Так ты идешь в школу? Завтрак готовить?

– Завтракать в такую рань! – удивленно вырвалось у него.

– Какая рань! Полвосьмого! Бабуля уже и проснулась и умылась и чай с бутербродом съела...

– Чай, говоришь, съела, это хорошо, – пробормотал он неразборчиво, зато вдумчиво, подспудно удивляясь бабулиному наличию, потому что бабуля – это не бабушка, а бабушкина мать: древняя женщина на костылях. Ее походы в уборную по большой нужде напоминали торжественную процессию и, как правило, предварялись оповещением всех обитателей квартиры о готовящемся мероприятии, дабы каждый мог решить для себя, где ему сподручнее в ближайшие полчаса быть запертым: на кухне или в комнатах, с которыми кухня соединялась узким коридорчиком, с глухой стеной по одну сторону и дверями ванной и уборной – по другую.

Ноги, как он слышал, отнялись у нее сразу после нашей великой победы над фашистской Германией. Не иначе как от соответствующей событию радости... Впрочем, нет, не от соответствующей, сконфузился он, вспомнив действительную причину, приведшую к таким последствиям. И не от радости, естественно, а от горя. От радости даже икоты не бывает, тогда, как икота от горя есть счастливое недомогание, именуемое «легко отделался»... И не сразу после войны, но, кажется, в ее процессе. Везла сына-туберкулезника из кисловодсков домой, а он возьми и отдай Богу душу прямо в вагоне. Что делать? Ни зареветь, ни завывать, ни даже заплакать. Ссадят с поезда вместе с покойником да еще и схоронить невесть на каком полустанке заставят. Пришлось всю дорогу до дому делать вид, будто спит сынок не вечным сном, но обычным. Притомился в пути, к тому же нездоров, знобит его, сердечного, свет глаза режет, потому и укрылся с головой... И так далее. До станции назначения. А было сыну что-то около сорока. Матери своей пятнадцатью годами моложе. На станции назначения выяснилось, что ноги ее не слушаются: его вынесли на носилках, ее – на руках...

Мать вышла. Он встал с намерением одеться, справить утренний гигиенический обряд, откушать кофею, словом, выйти в люди и действовать по обстановке.

На спинке стула обнаружилось аж двое брюк. Серые и цвета хаки. Последние, судя по стрелке, являлись выходными. Да и материал у них был какой-то фактурный: лоснящийся, полубликами на что-то намекающий. И тут же вспомнил, что это дело зовется не то лафсаном, не то лавсаном. И любопытство разобрало его: что в оригинале это значит: солнечная любовь, солнце жизни или все же сыновнюю привязанность? Штаны любящего сына – звучит много скромнее, чем брюки солнечной любви, и куда менее кощунственно, чем панталоны сына жизни, способные завести в безбрежный лес евангельских ассоциаций... А пока он забавлялся английскими созвучиями, оказалось, что он уже миновал полутемную гостиную, освещенную электричеством прихожую, дверь ванной комнаты и стоит себе, мнетя перед стеклянной дверью, занавешенной изнутри непроницаемо-матовой материей, и недоумевает на вполне законных основаниях показаниям собственных очей. Потому что, ежели это уборная, то почему дверь у нее стеклянная. А если это не туалет, то ведь и не чулан, и не кладовка, тем более, что кухня вот она, двери в нее всегда нараспашку...

– А, – мысленно изрек он про себя да в сторону, ибо память вновь сжалилась над ним, позволив извлечь из своих недр разгадку этого таинственного явления. Да, действительно, это вход в уборную типа ватерклозет, а стеклянная дверь – как прикалывался отец, когда они эту квартиру только-только получили, – телевизор в подарок от строителей...

Телевизор оказался занят. Должно быть, профилактика. Заглянул в кухню.

– Мам, а можно мне кофе... без сахара...

Мать отреагировала немедленно, по-матерински:

– Какой еще кофе! Вот чай с бутербродами. Сам ведь говорил... Рубашку наизнанку надел... А брюки почему домашние? Ты что, в школу не идешь?

– Иду.

– Тогда быстренько переодевайся, умывайся и ешь, а то опоздаешь, уже без пятнадцати...

– Карэнчик! – перебила она сама себя и с взыскательной ласковостью взглянула на стенку, отделяющую кухню от уборной. – Поторопись, сынок, а то Вова не успеет...

И, уже глядя на Вову, который действительно начинал не успевать и даже торопиться, поделилась наболевшим:

– То ничего читать не хотел, замучились тебя в пример ставить, а теперь без книги – никуда. Особенно – в туалет. Между прочим, с тебя пример берет...

– Кого ставили в пример, с того и берет, – рассудительно заметил старший брат. Затем шагнул к стеклянной двери и, воздержавшись от стука, строго уведомил:

– Так, Карэн, официально предупреждаю: ежели я обоссусь, стирать мои трусы, штаны и прочие аксессуары подмоченного туалета будешь ты!

– Вова! – возмутилась мать, – что за выражения! По губам тебе дать...

– Чем это тебе, маманя, аксессуары не угодили? – не скрыл своего удивления сынок.

– Я не аксессуары имела в виду, сам прекрасно знаешь что! – отчеканила, было, родительница, и вдруг вспомнила, а вспомнив, не смогла умолчать:

– И что это еще за «маманя»? С каких это пор ты стал меня «маманей» называть? Фу, терпеть не могу этих «мамань», а еще в особенности, когда «мать» называют...

– Твои антиматеринские идеи, маменька, несколько не вяжутся с твоим интересным положением, ты не находишь?

– Ты нарочно, да?

Стеклянная дверь открылась и выпустила Карэна, – мальчика лет 13-ти, губастого, ширококостного, все еще по-детски припухлого, – местами. В руках книжка. Разумеется. На устах – ехидца младшего брата.

– Идите писать, пожалуйста.

– Сударь, вы сама любезность, – не затруднился с благодарностью старший. И вдруг пригнувшись, чмокнул братца в щечку, юркнул в туалет, быстренько заперся и, переведя стесненный дух, смахнул слезу, ни черта при этом не понимая.

Предательски расцелованный брат исходил за дверью отнюдь не братскими эпитетами типа «дурак», «идиот», «скотина» и даже презренная «сволочь» (не запоздал ли я с кавычками, не словом ли раньше их следовало ставить?).

Телячьих нежностей Карэн терпеть не мог едва ли не с колыбели. Вечно приходилось выклянчивать у него разрешение на ласку, задаривая оторванными от сердца сладостями, задабривая обещаниями... А все от того, что этот тип наотрез отказывался считаться со своим социальным положением и семейным статусом самого маленького. «Подумаешь! Каких-то дурацких два года разницы!» «Не дурацких, а исполненных суровых испытаний взросления и возмужания. И не два года, а два года, один месяц и целых четыре дня!...»

– Ладно, брателло, не гони волну. Вот родится сестренка, соскучишься еще по моей суровой братской ласке. Еще приползешь ко мне на коленях умолять меня о поцелуе, но я останусь тверд и непреклонен...

Тут он, наконец, разобрался с ширинкой, извлек наружу свое хозяйство и не узнал собственного члена. Что-то было с ним не так. Не то чтобы чего-то не хватало, а скорее наоборот, что-то было явно лишним. Однако что именно – с наскоку не разобрать...

– Не дождешься, гад! – кричал между тем брателло за дверью, едва не плача от унижительных перспектив.

Но гад молчал, сосредоточенно исследуя свой причиндал, вертя его и так и этак, и довертелся в результате до того, что мочеиспускаться ему решительно расхотелось, а захотелось

размножаться. Точнее, немедленно заняться тем, что способствует размножению. Вот только беда, что не с кем... Он попытался взять себя в руки и для начала спрятал их в карманы брюк. Затем, вспомнив кстати и к месту анекдот, спросил у собственного члена:

– Чего стоим? Кого ждем?

Член в ответ обиженно промолчал, но стойкости не утратил.

– Будем ссать или глазки строить? – подбросила память еще один анекдот на ту же тему.

– Ты с кем там разговариваешь? – поинтересовалась мать из кухни.

– С унитазом, – соврал он на всякий случай.

– Нашел время болтать! Уже скоро восемь!..

– Слыхал? – обратился он с укোরизной все к той же самой части своего организма. – Уже восемь почти, а ты ни бэ, ни мэ, ни кукареку!..

Пристыженный причиндал с мнимой покорностью брызнул струей мимо унитаза. Ну и вредина же он у него!..

Но вот, наконец, он в ванной, старательно мылит руки и разглядывает собственное отражение в зеркале. В отличие от предыдущей встречи в соседнем помещении, омраченной неузнаванием и непониманием, эта вроде бы не сулит никаких отрицательных эмоций. Лицо, отразившееся в зеркале, он сразу признал своим. Ничего лишнего, если не считать зубов. Во всем прочем даже ощущается какая-то нехватка. Ну, например, пушок над верхней губой мог бы быть погуще, пороскошнее, не говоря уже о щетине, роль которой пытаются исполнить несколько длинных разрозненных волосков на подбородке. Зато прыщи удались! Прямо не сопатка, а смоковница цветущая в неурочное время, – дабы взалкавший насытился, а насытившись, благословил, а не проклял...

Тут он решил, что достаточно тверд и психически устойчив, чтобы сейчас же, не сходя с места, узнать о себе всю правду, а не растягивать это сомнительное удовольствие гомеопатическими дозами. Неприятные сюрпризы следует по мере возможности из ближайшего будущего исключать, – насколько это в нашей власти, разумеется...

В его власти было стянуть с себя рубашку, майку и пересчитать ребра своей худобы: спереди без труда, со спины – едва не вывернув шею. То ли торс непропорционально длинен, то ли ноги коротковаты. Зато мускулисты, в отличие от рук и плеч. Длинноватое обличье юного футболиста. На груди ни волоска, на ногах многообещающие побеги. Ясно: верхней частью маменька одарила, нижней – папенька оделил. Физиономия свидетельствует о любовном вхождении Восточной Армении в состав матушки России. О рожа, кем вы были?..

– Вова! Ты до сих пор в ванной? Уже...

– Знаю, мамочка: уже двенадцать часов ночи, всем спать!

Ссыпался с лестницы, обогнул пятиэтажный блочный дом, в котором жил, здороваясь направо и налево (молодым – демократический «привет», взрослым – церемонное «здрассте»), догнал не шибко поспешающего брата, окликнул, поравнялся, озадачил вопросом.

– Слушай, Карэн, ты не в курсе, отчего это папаша на меня дуется? Я ему «привет, пап», а он в ответ только взглянул на меня, как вошь на лысину, вздохнул тяжело и – в ванную...

– А то ты не знаешь, – фыркнул скептически младший брат.

– Кабы знал, не спрашивал. А ты, если тебе не трудно, сначала ответь на вопрос, а уж потом давай волю своему скепсису...

– А ты не мог бы говорить со мной нормально, а не так... по-идиотски?

– Ладно, я не собираюсь открывать дискуссию о моем синтаксисе и лексиконе. Во всяком случае, не сейчас. Итак, что я натворил?

Карэн сделал по инерции несколько шагов и встал, как вкопанный. Владимиру тоже пришлось остановиться.

– Ты серьезно, Вов?

– Более чем.

- У тебя что, память отшибло от переживаний?
- Напрочь. От волнения, от осознания и просветления...
- Кто это сказал? – встрепенулся Карэн.
- Не сказал, а спел. Высоцкий. Ответишь, напою тебе по дороге всю песню. Называется «Милицейский протокол»...
- Ладно, идет. Ты ничего особенного не натворил: просто решил в Америку смыться на пару со своим одноклассником Еремом и еще одним парнем, не знаю, как его зовут, он не из нашей школы...
- И что, сержант Карацюпа со своим верным Индусом остановил нас на канадской границе?
- Ага, Карацюпа с Индусом, как же! Наши родственники нашли вас на ленинканском вокзале. Вы вроде как в Москву собирались двинуть...
- Изумительный план: пересечь границу по воздуху в багажном отделении лайнера «Пан-америкэн»! Причем зимой! Предполагается, что коварные капиталисты не только герметизируют багажные отделения своих самолетов, но и оснащают их центральным отоплением: для удобства нелегальных перебежчиков... Ты не в курсе, братишка, нас психиатрически освидетельствовали?
- Вов, а вас в КГБ били?
- Ты же сказал, нас родственники нашли...
- Ну да, нашли, а потом вас в КГБ забрали...
- Спасение утопающих – дело рук самих утопающих! Вы нам только разыщите всех шпионов, предателей и вредителей, а уж мы с ними разберемся.
- Замечательно устроились, господи чекисты!..
- Вов, а зачем ты в Америку бежал?
- Что называется, вопрос на засыпку, засолку и закатку. Хотел бы я знать, чего я в этой Америке не видел.
- Отцу ты сказал, что вы собирались поднять американский пролетариат на борьбу с американским империализмом, для чего с собой и Маркса прихватили...
- Одного? Или вместе с Энгельсом?
- Ну, если «Коммунистический манифест» они вместе сочиняли, значит, обоих.
- И что отец?
- Сказал, что хотя вы и дураки, но не безнадежные...
- Он нам польстил. Из педагогических соображений, наверное...
- Слушай, а ты, правда, ничего не помнишь или придуливаешься?
- Они вышли из пределов своего микрорайона, пересекли оживленную мостовую и углубились в следующий, в котором и находилась школа.
- Нет, кое-что я все-таки помню. Помню, что собирался в Америке встретиться с Джоном Ленноном и строго спросить у него, за каким хреном ему понадобилось портить «Белый альбом» своим ужасным «Revolution Nine»...
- А это которая вещь? Напомни мелодию...
- Слушай, Карэн, если бы у нее была мелодия, я бы не имел к Джону никаких претензий. Да и вообще может быть ни в какую Америку не побежал бы... Кстати, эти широченные штаны, это что, мода такая? Ни фига себе ветрила: ходишь как яхтсмен под парусом...
- Опять?! Кончай придуливаться!
- Ладно, не шуми, прости, братик. Придуливаться – мой крест. А крест в наших социалистических краях эмблема запрещенная. Как в Штатах красная пятиконечная звезда. Вот я и мечтал, чтобы меня с моим крестом обменяли на Гесса Холла с его звездочкой...
- А кто этот Гесс Холл?

– Двоюродный папа Анджелы Дэвис. Стыдно не знать платных мучеников коммунизма, особенно американских!

– Да ну тебя, Вовка! Сволочь ты...

– Сволота я сволота, сволочь безобразная. Сволота и гопота хвори незаразные... Карэн, а ты стихов еще не пишешь?

Смушение брата было минутным, но искренним. Он не стал настаивать на ответе, зачистил обещанное с характерной хрипотцей: «Считай по нашему мы выпили немного. Не вру, ей-богу; скажи, Серега. И если б водку гнать не из опилок, то чтоб нам было с пяти бутылок?..»

Урок НВП

Кабинет математики оказался наглухо заперт. В замочную скважину можно было различить две сиротливо пустующие парты. На всякий случай приложил ухо к дверям. С той стороны тишина, а с этой – саркастический вопрос завуча, Лидии, дай Бог памяти, Парамоновны, кажись:

– Что, Брамфатуров, у тебя опять армянский язык?

– Вообще-то у меня по расписанию математика, Лидия Парамоновна...

– Не придуривайся, Брамфатуров, вас еще в субботу предупредили, что сегодня вместо математики будет НВП.

– Эн-Вэ-Кто, простите?

– Конь в пальто! Бегом в кабинет военной подготовки, Брамфатуров! Проверю по журналу...

Не дожидаясь окончания педагогических посулов, рванул на первый этаж, оттуда в подвал с тиром... Опять пролет. Опять все не слава Богу. Опять он болтается по коридорам, вместо того чтобы набираться необходимых знаний в классах.

...Оказавшись на третьем этаже, вспомнил местонахождение резиденции подполковника Крапова.

– Еще один злостный нарушитель дисциплины, – прокомментировал Крапов появление его особы в классе, – разумеется, после деликатного стука в дверь и гостеприимного «ну кто там еще?» в ответ.

– Расскажи нам, Брамфатуров, как ты умудрился за трое суток не узнать, что первым уроком сегодня у вас вместо математики будет военная подготовка?

– Товарищ подполковник, – раздалось с парт, – он действительно не знал, его не было...

– А где он был? – не сдавался военрук.

– Разрешите доложить, товарищ подполковник, штурмовал Атлантический океан в эмалированном тазике! Но это не оправдание, – как вы совершенно верно заметите после того как я замолчу, что произойдет еще нескоро. Да, товарищ подполковник, я действительно не знал, что у нас вместо математики военная подготовка. А когда узнал, то так обрадовался, что от радости буквально голову потерял. Пришлось искать. Не являться же на урок НВП без головы! Ибо нигде так не нужна голова, и желательна светлая, аккуратно причесанная и по уставу постриженная, как на занятиях по военной подготовке...

– Ты уверен, что это именно твоя голова? – веселились за партами одноклассники.

– Не уверен. Но претензий к ней у меня пока не имеется...

– А к той, которую потерял, тоже не было претензий?

– Тишина в классе! – рявкнул военрук.

Класс притих.

– Скидывай пальто, и иди, умник, отвечать. У нас, к твоему сведению, повторение пройденного. Так что ни-ка-ких отговорок!

– С превеликим удовольствием, товарищ подполковник! Что из пройденного прикажете повторить?

Военрук сунул руку вглубь стола, извлек на свет Божий учебный автомат, любовно оглядел его и водрузил на стол.

– Разборка оружия!

Реакция ученика оказалась неожиданной даже для него самого. Точнее, сперва только для него одного таковой и оказалась, потому что реакция была внутренней.

– Что, опять?! – содрогнулось в нем что-то. – Мало мне с ним и с его модификациями по жизни возиться пришлось? А тут еще и не настоящий, а учебная хрень какая-то! Не буду! Не прикоснусь! Надоело!..

Вслух же сказал:

– Разбирать? Это? А зачем? Оно и так неплохо выглядит...

В классе заржали. Пока еще не все, лишь некоторые. Но на общий смешливый лад настроились все до единого.

– Не понял! – не постеснялся признаться военрук.

– Вера мне не позволяет, товарищ подполковник...

– Какая еще Вера?!

– Разрешите доложить, товарищ подполковник, – донесся с задней парты глумливый голосок Бори Татунца, – та, которая Надежда и Любовь...

– Заглохни, – дружески посоветовал военрук остроумцу и вновь обернулся к отвечающему, вернее, увиливающему от ответа ученику. – Слушай, Брамфатуров, кончай тут ерундой заниматься! Если не учил, так и скажи. Двойка не геморрой: пятерку заработаешь – рассосется...

Но ученик был неумолим:

– Обычная вера, Анатолий Карпович, квакерская...

Класс уже начавший местами обманываться серьезным выражением лица отвечающего, теперь всё понял и едва не заквакал от облегчения.

Круглый отличник по всем предметам по имени Седрак Асатурян вздернул руку и весь задергался от просветительского нетерпения:

– Анатолий Карпович, можно я скажу? Можно скажу?!

– Что скажешь, Асатурян?

– Не что, а о ком. О квакерах. Они происходят от английского слова Quakers, что означает «трясущиеся». Вот!..

– Это что-то типа прыгунов-молокан, что ли? – наморщил лоб подполковник.

– Хуже, Анатолий Карпович, – успокоил его Брамфатуров. – Молокане в армии служат, а мы, квакеры, ни-ни! Скорее правоверный мусульманин во время курбан-байрама принесет в жертву свинью, чем мы, члены Society of Friend² (как мы в действительности самоназываемся) возьмем в руки оружие. Ибо всякое насилие, даже в целях самозащиты, есть грех, есть посягательство на внутренний свет, что светит в каждом из нас свидетельством присутствия Бога. Разве может быть оправдано любыми земными человеческими соображениями убийство Бога? Никоим образом, братья мои! Ибо Бога можно убить только единожды, причем сделать это надлежит руками язычников, не ведающих, что они творят. Убить с единственной целью, чтобы он на третий день воскрес. Что и было уже сделано в свое время. Повторение исключено! Нельзя никого убивать! А предлагаемый вами к разборке автомат, Анатолий Карпович, есть ничто иное, как орудие убийства. Сегодня я разберу его, завтра – соберу. А на третий день, глядишь, в людей начну стрелять... Вы на это меня толкаете, товарищ подполковник?

Трудно было решить, что и как понял из сказанного учеником учитель, но он честно сидел, честно молчал и очень правдиво хлопал глазами.

Впрочем, и класс большей частью своих составляющих выглядел не умнее педагога.

– Кажется, пора идти на попятную, – вдруг подумалось стойкому пацифисту. – А то влепит двойку за злостное миролюбие и трепетное отношение к жизни вообще, и к жизням подлых империалистов в частности, – иди потом, доказывай, что ты не верблюд, а честный пионер-попрошайка: «А подайте мне макулатуры и железного лома сколько не жалко!»

– Полная или частичная? – вдруг деловито осведомился Брамфатуров.

---

² Общество друзей (англ.).

– Чего? – не врубился военрук.

– Я интересуюсь, товарищ подполковник, какой разборке мне следует подвергнуть этот автомат: полной или частичной?

– Полную вы еще не проходили, – удивленно пробормотал Крапов.

– Да ладно, Анатолий Карпович, тоже мне бином Ньютона: АК-47. Разрешите?

– погоди, погоди! А как же вера? Как же друзья общества трясунув? – ехидно спросил Крапов.

– А никак, Анатолий Карпович. Неувязочка вышла. Запомнил я совсем, что меня из этого общества намерен турнули. Причем с великим позором!..

– За что, Вов? – не скрыл своего удивления класс такому неожиданному обороту дела.

– За неправильное отношение к ядерному оружию, ребята. Они полагают его безусловным злом, а я наоборот – положительным фактором нашей эпохи. Именно благодаря наличию этого оружия, на земле до сих пор не разразилась Третья мировая война... Так мне разбирать, товарищ подполковник?

– Ага. Валяй, не стесняйся...

Военрук с готовностью отодвинулся в сторону вместе со стулом, всем своим видом давая понять, что на его снисходительность можно рассчитывать лишь в разумных, уставом ограниченных пределах. Брамфатуров так и понял, шагнул к столу, взял учебный автомат, оглядел его внимательно от приклада до мушки, прикрыл, словно в мнемоническом усилии, глаза, затем хмыкнул, щелкнул предохранителем, отделил магазин от автомата, передернул затвор, произвел контрольный «выстрел», направив ствол в потолок, и пошел, и поехал разносить гордость русских оружейников на части: затвор, цевье, шомпол, газовая камера, пенал с чистящим инструментом, которого в прикладе не оказалось, наконец, жестом фокусника извлек из рожка патронную пружину, щелкнул каблучками и доложил, отметив попутно некомплект – отсутствие пенала.

В классе раздались отдельные попытки аплодисментов. Подполковник грозно выпрямился на стуле, пожевал раздумчиво губами и, обнаружив упущение, строго спросил:

– Почему в ствол не заглянул, Брамфатуров?

– А чего в него заглядывать, товарищ подполковник, если он дырявый? Сколько в него не заглядывай, ни на волос лучше не станет. Бесплезная в бою вещь – учебный автомат.

– Тоже мне, ветеран Халхин-Гола нашелся, – проворчал военрук, вызвав фырканье и смешки у отдельных завистливых элементов.

– Ну ладно, практику ты знаешь, не зря у тебя отец офицер... А как насчет теории, Брамфатуров? Что ты можешь рассказать об этом оружии? Во-первых, какое оно?

– Во-первых, товарищ подполковник, оно огнестрельное. В принципе. Кто скажет, что это холодное оружие, тоже не ошибется, если будет иметь в виду этот конкретный экземпляр. Им вполне можно пользоваться как дубинкой, применяя в качестве ударной части приклад... Во-вторых, это стрелковое оружие. Называется Автомат Калашникова Сорок Семь. Цифры обозначают год изобретения сержантом советской армии Степаном Тимофеевичем Калашниковым этого оружия. По советской классификации это автомат, по зарубежной – автоматический карабин. Принят на вооружение в 1949 году. Его автоматика действует за счет пороховых газов, отводимых через отверстие в стенке канала ствола в газовую камеру. Ударно-спусковой механизм куркового типа обеспечивает одиночный и непрерывный огонь. Запирание канала ствола осуществляется поворотом затвора. Предохранитель флажкового типа одновременно является переводчиком вида огня. Прицел секторный. Калибр – 7,62 мм. Прицельная дальность – 800 метров. Дальность прямого выстрела по грудной фигуре – 350 метров. Темп стрельбы – 600 выстрелов в минуту. Практическая скорострельность: одиночными – до сорока выстрелов в минуту, очередями – до ста. Начальная скорость пули – 715 метров в секунду. Убойное действие пули – до 1500 метров. Предельная дальность полета пули – 3000 метров. Емкость мага-

зина – 30 патронов. Вес автомата без штыка и магазина 3,47 кг. Масса штыка – 370 граммов. Масса пустого магазина: стального 330, из легкого сплава – 170 граммов. Используемые патроны: 7,62×39 образца 1943 года. Масса патрона – 16,2 грамма. Масса пули – 7,9 грамма, масса заряда – 1,67 грамма. Габариты со штыком и прикладом – 1070 миллиметров. Длина ствола – 415 мм. Длина прицельной линии – 378 мм. Гарантия: двадцать тысяч выстрелов. Применяемые пули: обыкновенная со стальным сердечником, бронебойно-зажигательная, трассирующая, зажигательная, разрывная, со смещенным центром. Модификации: со складным прикладом, АКМ, АКМС, АК-74, АКСУ...

– Молчать! Смирно! Всем выйти из класса!

Подполковник стоял красный, как рак, свирепый, как бык, и растерянный, как маршал Груши, упустивший Блюхера.

– Отставить! – брызнул слюной бедняга. – Выйти из класса Брамфатурову!

– За что, Анатолий Карпович?

– За... за... за... – военрук был в явном затруднении с формулировкой проступка.

– За то, что знаешь больше, чем в учебнике написано, – пришел преподавателю на выручку Борька Татунц.

– А это уже военная тайна, – сделал напрашивающийся вывод Седрак Асатурян.

– Да не переживайте вы так, Анатолий Карпович, – попытался успокоить военрука возмутитель спокойствия. – У нас, куда ни кинь, всюду военные и государственные тайны. Это потому что государство бюрократическое. А бюрократу хлебом не корми, дай только свои канцелярские секретки засекретить. У этой мании секретности нет никаких разумных пределов. Перед войной, например, так всю новую технику засекретили, что первым сбитым самолетом будущего трехкратного героя Советского Союза Покрышкина стал наш же новейший бомбардировщик СУ-2. Он просто не признал в нем своего. И только сбив, заметил на крыльях звезды. Хорошо еще, что экипаж спасся, выпрыгнув с парашютами. А если бы не спасся, виноватым оказался бы Покрышкин, а не те чинодралы, которые не удосужились ознакомить истребителей хотя бы с контурами новейших отечественных самолетов. Или вот наш новейший танк Т-72, который приняли на вооружение Советской Армии в прошлом году... Ну и кто же не знает, что производят эту замечательную по всем характеристикам машину на «Уралвагонзаводе» в славном городе Екатеринбурге?..

– Вов, а это где? – прошептал класс в гробовой тишине всеобщего шока.

– Это в Свердловске, – так же шепотом поделился своей эрудицией Седрак Асатурян.

– Или взять, к примеру, смерть маршала Неделина, – продолжал между тем свою филиппику Брамфатуров, – что погиб вместе с кучей технического персонала во время запуска стратегической ракеты Янгеля 8К64. Так этот клоун Хрущёв додумался в целях секретности объявить, что маршал Неделин погиб в авиационной катастрофе. Об остальных приказал молчать. Военных хоронить в запретной зоне ракетного полигона, конструкторов Южмаша – в Днепропетровске, но не в одном месте, а на разных концах кладбища в разное время, дату смерти на могильных плитах не писать, только год: 1960-й. Чтобы никто не вычислил, что сразу многие умерли в один день. Вот такая вот тотальная секретность и тотальная показуха. И вообще, создается такое впечатление, что будь это в их власти, то наши бюрократы не только кое-какие подробности на географических картах скрыли бы, но и шарообразность Земли под шестью ромбами высшей секретности упрятали. Пусть думают, что она, плоская и горемычная, на трех китах стоит, так спокойнее...

– Ракета Янгеля... Южмаш... Шестью ромбами... – прошептал подполковник и едва не промахнулся седалищем мимо стула, на который обессилено опустился.

– А выше просто нет, Анатолий Карпович, а то бы они хоть двадцать нарисовали. Уж такая это публика... Да что там говорить, если скрывается даже то, что прототипом этого автомата послужила немецкая штурмовая винтовка StG-44 конструкции Хуго Шмайссера. А о

том, что конструкция основных узлов знаменитого пистолета ТТ скопирована с американского пистолета Кольта образца 1911 года, лучше вообще не заикаться: обвинят в преклонении перед Западом. Хотя все об этом знают, правда, ребята?

– Правда! Правда! – поддержал успокоителя класс. – Все знают, что советское – значит лучшее!

– Да там за нашими «жигулями» и «москвичами» знаете какие очереди стоят! – вклинился со свежей информацией в общий хор Татунц. – Как в блокадном Ленинграде за хлебом! Вот, Гасамыч не даст соврать...

Гасамыч, то бишь Гасамян Артур, усиленно изучавший английский в виду скорого легального переезда всей семьей в Калифорнию, убедительно кивнул как очевидец невиданных очередей американских автолюбителей, жаждущих приобрести советские иномарки. Кивнул, подумал и добавил в качестве решающего аргумента, что за нашими «волгами» очереди еще длиннее, особенно за «двадцать первыми»: американские фермеры используют их вместо тракторов; стоят они дешевле, а служат дольше...

Рачик по кличке «Купец» (в классном журнале «Рачия Авакян»), как любимый сын обладателя такого американского трактора, ревниво поинтересовался на малопонятном для военрука армянском языке, правду ли глаголет Гасамыч, или для общей хохмы лапшу на уши вешает. В ответ Гасамыч двусмысленно подмигнул, чего для удовлетворения проснувшегося у купчины любопытства оказалось недостаточно. Авакян пожелал узнать, сколько стоит в американских магазинах двадцать первая «волга» и сколько за нее дают на тамошнем черном рынке. Он поменялся с соседом Гасамыча, Игорем Деридухом, местами и у них завязалось оживленное торгово-экономическое перешептывание на той русско-армянской смеси, какой пользовались школьники для неформального общения.

– Товарищ подполковник, – поднял руку по своей несносной отличницей привычке Седрак Асатуриян, – можно вопрос Брамфатурову?

– О чем? – бдительно насторожился военрук.

– Об АК-47. Можно?

Военрук от разрешения воздержался, но и запрещать не стал, по-соломоновски рассудив, что если что, он был против, а если ничего, то – не возражал. Седрак так и понял.

– Каким образом пистолет-пулемет «Шмайссер» мог послужить прототипом автомата Калашникова, если у них не только конструкции разные, но даже патроны у одного пистолетные, а у другого автоматные?

– Честно говоря, Асатуриян, ты меня удивил тем, что чуть раньше не поинтересовался с присущей тебе введливостью, каким образом основные узлы конструкции пистолета можно скопировать с револьвера...

– А то я не знаю, что кроме револьвера, Кольт изобрел и пистолет, – усмехнулся Асатуриян язвительно. – Ты давай, Брамфатуров, не увильвай от моего прямого вопроса по существу...

– Чтобы я увильнул от прямого вопроса, да еще и заданного по существу! – возмутился отвечающий. – Мой тебе совет, Седрак: меньше доверяй киношникам. То, что с их легкой руки известно тебе как пистолет-пулемет «Шмайссер», на самом деле именуется МП-38/40. И Хуго Шмайссер не имеет к нему никакого отношения, поскольку сконструировали его в конструкторском бюро фирмы «Эрма», возглавлявшемся Гельмутом Фольмером. Кстати, пехотные части вермахта этими пистолетами-пулеметами практически не вооружались, это оружие было предназначено для парашютистов, танкистов, артиллеристов и саперов...

– А чем же тогда их пехота воевала, прототипами Калашникова? – не сдержал сарказма Асатуриян.

Класс загудел, выражая недовольство провокаторской деятельностью отличника. Кто-то даже умудрился процитировать скороговоркой народную армянскую частушку, в которой повествовалось о том, как бабушка означенного Седрака (Մերճի տանը) обделалась (քարվա

ишцн), захотела привести обгаженное в прежний гигиенический вид (пiрпiшцш ишррп), однако, как ни старалась, не смогла обнаружить соответствующего для выдворения дерьма отверстия (шh qиnиnиц дшцн). Седрак за бабушку в душе, конечно, обиделся, но виду не подал. И то сказать, если бы он реагировал на каждое критическое замечание своих завистников, то давно бы скатился из отличников, из единственного в классе претендента на золотую медаль, в ударники, а то и ниже...

– Прискорбный эпизод, произошедший с бабушкой нашего Седрака, может случиться с каждым из нас, если мы доживем до ее почтенных седин, – рассудительно заметил Брамфатуров.

– Не обязательно дожидаться седин, можно и в молодости этого добиться, если фасоле-вый суп запить кислым молоком, – возразил Виктор Вагра-мян и, видимо, не чувствуя твердой уверенности в справедливости своих возражений, обратился через ряд за поддержкой: – Правда, Ерем?

Ерем Никополян – существо с крайне растрепанными нервами, легковозбудимое, долго остывающее, – вскочил со своего места и, моментально раскалившись примерно до трех тысяч градусов по Цельсию, изверг из себя на не чающую худого Помпею дым, пепел и обжигающую лаву слов, в основном касавшихся не сути заданного вопроса, а персональных недостатков задавшего вопрос.

– Тишина в классе! – заорал Грант Похатян, умудрявшийся совмещать в своей довольно нескромной особе множество взаимоисключающих и взаимодополняющих должностей и призываний. В данном конкретном случае он напрягал голосовые связки в качестве официально назначенного военруком командира класса.

– Правильно, Похатян! – поддержал командира подполковник. – Командуй... А то совсем распустились: хотят – поют, хотят – нервные припадки устраивают... Никополян, сядь на место!

Никополян, после недолгого, но бурного сопротивления, сел, и продолжил извержение в сидячем положении...

Тем временем Грант успел бросить украдкой выразительный взгляд на Брамфатурова, получить в ответ одобрительную ухмылку, после чего и приступил к завершающей стадии восстановления дисциплины и порядка.

– А теперь пусть Вова сообщит Седраку, чем воевала немецкая пехота...

– А еще американская, английская, итальянская, румынская, венгерская, финская и испанская голубая дивизия, – дополнил список Седрак.

– В общем, пусть проторчит там до конца урока, – подытожил себе под нос, но достаточно внятно, чтобы острота не пропала даром, Борька Татунц.

– Есть, товарищ командир, объяснить, чем кто воевал! – шелкнул каблуками Брамфатуров, принял позу вольно, подмигнул Борьке и приступил.

– Основным стрелковым оружием пехотных частей вермахта был карабин 98 К, являющийся по сути усеченным вариантом знаменитой немецкой винтовки «Маузер» образца 1898-го года. Характеристики приводить?

– Обязательно, – сказал Седрак.

– Обойдемся, – решил класс. – Сыпь про американскую и английскую...

– Vox populi – vox Dei, – пожал плечами Брамфатуров, – что в переводе с латинского означает: коллектив всегда прав. Итак, воевали американцы винтовкой Спрингфилд М-1903, М-1917, которая выпускалась до 1944 г. Калибр – 30, это в сотых дюйма. По-нашему – 7,62 миллиметра. Магазин – 5 патронов. Прицельная дальность – 2500 метров. А еще чуть позже появилась у американцев на вооружении... Погоди, погоди, – вдруг прервал он сам себя на полуслове и с нескрываемым подозрением уставился на круглого отличника.

– А почему это тебя, Седрак, заинтересовало вооружение только этих шести стран-участниц Второй Мировой войны? Ведь в «Антигитлеровской коалиции демократических стран» состояло более пятидесяти государств, включая такие великие державы, как Гватемала, Коста-Рика и Гондурас. Разве тебе не любопытно, каким оружием воевала с Вермахтом армия Гондураса?

– Ну это и так всем известно – каким, – не скрыл своего разочарования Татунц. – Мушкетерами и пищалями, оставшимися от конкистадоров...

– Допустим, – не стал возражать отвечающий. – А о том, чем громила Германию Либерия, тоже все осведомлены?

– Либерия – это в Африке, да? – уточнил на всякий случай Чудик³ Ваграмян.

– Господи, какая жуть, если представить – чем, – молвил задумчиво военрук, обхватив щеки ладонями.

– Вот именно! – согласился с подполковником однофамилец Чудика Витя. – Отравленными стрелами и копьями с каменными наконечниками...

– Бедные немцы! – не сдержал судороги жалости Купец.

– Итак, Седрак, ты всё еще настаиваешь на том, чтобы узнать о стрелковом оружии своего куцега списка? Или желаешь его расширить. Например, узнать, чем были вооружены такие гитлеровские союзники, как Таиланд и Бирма?

– Перебьется Седрак обо всех узнавать, – решили в классе. – Ты, Вова, лучше скажи, это правда, что американские зеленые береты воевали во Вьетнаме нашими Калашниковыми?

– Правда. При определенных обстоятельствах...

– Но он еще не сказал, чем воевали румыны, венгры... – встрял было дотошный Седрак, но тут же пожалел об этом, хотя и обогатился в результате несколькими лишними шариковыми ручками, одной точилкой для карандашей, спичечным коробком и множеством бумажных шариков, заботливо скатанных, обслюнявленных, забитых в пустые пластмассовые корпуса от авторучек и пущенных ловкими плевками в его любознательную голову.

– Перекрестный обстрел из всех видов огневого поражения, – прокомментировал происходящее военрук.

– Как я понял, – объяснил отличнику Брамфатуров, – общественность желает знать, почему эти ненормальные американцы предпочитают наше рабоче-крестьянское оружие своему буржуйскому, а не из каких стволов палили в белый свет, как в копеечку, твои румыны и венгры, Асатурян...

– Правильно понял, – подтвердил класс. – Давай, Вов, валяй об американцах...

– О'кей, валяю об американцах, воевавших во Вьетнаме нашими автоматами... Конечно, для человека непосвященного напрашивается самое простое, идеологически выдержанное объяснение: те из американских зеленых беретов, которые по своему классовому происхождению являются представителями пролетариата или трудящегося фермерства, предпочитают наше, классово родственное им оружие АК-47. Соответственно выходцы из буржуйских слоев верны империалистической автоматической винтовке М-16. Но это, к сожалению, не так. Точнее, не совсем так. В основном нашими автоматами пользовались те из американских солдат, которым приходилось действовать в тылу противника. Это, во-первых, позволяло им обеспечивать себя боеприпасами, захваченными у врага, а во-вторых, делало невозможным их идентификацию в бою по характерному звуку выстрелов...

– Чего-чего? – призналась в непонимании самая честная часть класса в лице Вартана Чудика Ваграмяна.

– Объясняю персонально для невежд: я к болгарам уезжаю, в польский город Будапешт...

---

³ Здесь «малыш», от армянского ճիւղ – цыпленок.

– К каким еще болгарам, Брамфатуров! – встрепенулся военрук. – Ты это дело кончай – от родины бегать. Тем более что и с географией у тебя совсем худо...

Класс двусмысленно заржал. Подполковник довольно улыбнулся. Не примкнули к общему веселью только трое: Брамфатуров, Чудик и Седрак.

– Ты хочешь сказать, что, когда вьетнамцы проникают в тыл американцев, они воюют американскими автоматами?

– Это, Седрак, вряд ли...

– Значит, наш «Калашников» все-таки лучше! – вынес заключительный вердикт отличник.

– В чем-то лучше, в чем-то хуже...

Класс притих. Военрук мигом утратил благодушие.

– И в чем же наш хуже, Брамфатуров?

– Вы из любопытства интересуетесь, Анатолий Карпович, или в порядке темы урока: повторение пройденного?

– Но мы ведь американский автомат не проходили, – не очень уверенно, но достаточно растерянно произнес Седрак Асатурян, которого вдруг шандарахнуло шальным паническим соображением: а что если проходили, а я пропустил, не выучил, остался полным неуком в этом вопросе?!

– В порядке патриотического воспитания, Брамфатуров, – нашелся подполковник.

– С патриотической точки зрения, недооценка потенциального противника может обернуться катастрофой, товарищ подполковник. Поэтому мой долг советского патриота – дать объективный сравнительный анализ нашего и американского стрелкового оружия. Даю. Беглый. Автоматическая винтовка М-16 имеет лучшую кучность боя и обладает большим убойным воздействием пуль за счет меньшего, чем у АК-47, калибра (5,56 против 7,62 мм) и недостаточной стабилизации пули, создающей эффект «кувыркания». Зато пробивная способность Калашникова намного превышает возможности американской винтовки. К тому же наш автомат менее габаритен, чем американский. Обобщая, можно сказать, что М-16 предназначен для солдат-профессионалов, поскольку требует внимательного и бережного ухода, тогда как наш Калашников куда более неприхотлив в обращении: влажность, грязь не сказываются на его боевых характеристиках так, как они сказываются на М-16. Наш автомат даже не обязательно чистить после каждого непродолжительного боя, можно через раз...

– Что?! – рванул военрук за ручкой и – к журналу, – Садись, два!

– Я не договорил, товарищ подполковник! Я хотел сказать, что высокая надежность АК-47 вовсе не означает, что он не нуждается в уходе. Только полный кретин, маниакальный лентяй или зеленый юнец, не нюхавший пороха, может позволить себе риск остаться в самый ответственный момент безоружным, с отказавшим автоматом. Поэтому все опытные бойцы, все порядочные и дисциплинированные солдаты, офицеры, генералы и старшеклассники чистят свое оружие при первой возможности после его применения. А иногда и не дожидаясь применения чистят – для профилактики. Правильно я говорю, Анатолий Карпович?

– Правильно, правильно! – поддержали с мест одноклассники.

– Ладно, – смягчился военрук – садись, три...

Класс взбурлил негодованием: чувство справедливости не желало мириться с таким явным его попранием. Грант поднял руку, одновременно успокаивая класс и прося у подполковника слова.

– Анатолий Карпович, вы допускаете ошибку. Брамфатуров знает не только АК-47, но и оружие нашего потенциального противника. Причем как в теории, так и на практике, что он доказал, разобрав автомат быстрее нормативного времени. Если он и соберет его за то же время, то я как командир, как комсорг класса, как второй секретарь комсомольской организа-

ции нашей школы, как член педсовета полагаю, что он будет достоин высшей оценки, и верю и надеюсь, что именно такую оценку вы поставите ему в журнал...

Пока военрук раздумывал над ответом, а класс молча дивился дипломатическим талантам своего командира, Брамфатуров успел, завязав себе глаза собственным шарфом, собрать автомат в исходное положение. В контрастирующей с предшествовавшим шумом тишине грозный лязг и клац оружейных деталей звучал с особой убедительностью.

– Товарищ подполковник, задание выполнено, автомат собран!

Военрук, покачав с чувством головой, склонился над журналом, задумался, обернулся к претенденту на пятерку.

– А скажи-ка мне, Брамфатуров, какое бы ты сам выбрал себе оружие?

– На азах ловите, Анатолий Карпович? – улыбнулся претендент. – Выбор оружия, ежели он возможен, зависит от задачи, которую ставит перед бойцом командир. Это во-первых. Во-вторых от местности – пересеченная или непересеченная. Наконец, от погоды...

Подполковник удовлетворенно кивнул и отбросив всякие сомнения относительно оценки, которую заслуживал отвечающий, щедро нарисовал в журнале две пятерки: за нынешний и за предыдущий уроки...

– И вообще, товарищ подполковник, хотелось бы знать, когда мы, наконец, от теории к практике перейдем? – не унимался разошедшийся знаток вооружений.

– К какой еще практике, Брамфатуров? – лоб военрука в который раз изрезали глубокие горизонтальные морщины. – Воевать, что ли?

– Ну да, разделимся на две группы и перебьем друг дружку по всем правилам военного искусства, – кивнул как о чем-то само собой разумеющемся Владимир. Оглядел притихший в паузе недоумения класс и улыбнулся: – Шутка, господа. Шутка. Причем дурацкая. Я имел в виду другое. Когда мы перейдем к тактике? Пока зима – можно над теорией корпеть, а как потеплеет, то хорошо бы нам в поля, в горы – подтверждать практикой теорию.

– Команды паясничать, Брамфатуров, никто не давал!

– А я и не паясничаю, я дело говорю, Анатолий Карпович. Почему бы нам, например, не изучить в полевых условиях устройство оборонительной позиции и ее защиты? Или организацию днёвки или ночёвки? Ведь это не только интересно, но и полезно. Кто знает, что нас ждет впереди? Надо быть готовым, по возможности, если не ко всему, то ко многому... Вы согласны со мной, товарищ подполковник?

– Категорически не согласен! Категорически!.. А то я не знаю: стоит вам оказаться в поле, как ищи-свищи вас потом по горам...

Класс задумчиво безмолвствовал, словно соображая, нужны ли ему эти военные учения в антисанитарных условиях, или прав военрук – нехрен превращать пикник в тяжелый солдатский труд?

– Вов, – вдруг нарушил молчание Сергей Саргисов по кличке Бойлух (что в переводе значит дылда; когда-то Сергей был самым высоким в классе и, хотя в последние полтора года утратил это преимущество, кличку сохранил).

– Вов, – сказа Бойлух, обычно стеснявшийся публично выделяться из общей массы, – а в скольких войнах ты участвовал?

Он явно не собирался острить. Никто и не засмеялся, даже не улыбнулся, кроме Игоря Деридуха, который улыбался всегда.

– Я? В этой жизни еще ни в одной, а в прошлых... в прошлых во многих... Самая памятная – Московский поход Наполеона...

– А! Значит маршал Мюрат – это был ты?! А я-то голову ломаю, кого мне этот Мюрат напоминает, – неожиданно развеселился Борька Татунц. Вернее, предпринял такую попытку. Довольно, впрочем, нервную.

– Нет, Боря, ты ошибаешься. Если бы я был Мюратом, я бы приложил все силы для того, чтобы уговорить императора остановиться в Витебске и не идти дальше – на Смоленск и Москву – и если бы мне это удалось, мы бы сейчас жили в совершенно другой стране и в другом мире. Но увы, я был простым понтером в инженерных частях генерала Эбле. Погиб при наведении мостов через Березину. Борисовский мост был сожжен и восстановить его не представлялось возможным. Пришлось наводить сразу два моста: один для пехоты, другой для конницы и артиллерии. Работали по пояс в воде, в которой уже плавали льдины... Из той сотни понтеров, которые принимали в этом участие, мало кто выжил. Зато остатки великой армии спаслись вместе с императором... *En un mot, vive l'Empereur!*⁴

И действительно – виват: грянул звонок и класс, словно очнувшись от наваждения, забурлил, загалдел и рванул, не прощаясь, вон из военно-патриотического кабинета. Дисциплина мгновенно упала ниже нуля, устремляясь в беспредел анархии.

Подполковник Крапов, сидя за столом, изучал классный журнал, делая вид, будто происходящее его уже не касается, будто звонок отменил не только субординацию, воинский долг, педагогический такт, но и самую обыкновенную вежливость.

– Господа ученики! – встал в дверях понтер его величества, герой Березины Вальдемар де Брам Ла Фа Турофф. – Сейчас вы похожи не на будущих воинов, мужчин, защитников Отечества, а на сброд зеленых юнцов! Где ваше самолюбие? За что вы так себя не уважаете, ребята?

– Вов, кончай бузить, – попросили его дружелюбно и попытались нежно и ласково оттереть в сторону. – Покурить не успеем...

– Успеем, – не согласился бузотер. – Если не будем толпиться как бараны, обязательно успеем: и покурить, и выпить, и брехней обменяться.

Грант, командуй!

– Чего командовать?

– Ясно чего: строиться и с песней по жизни строевым на выход до ближайшей курилки. Вряд ли какой-нибудь другой класс додумался до нас до этого...

Последний довод попал в цель, в самое яблочко общеклассного тщеславия. Даже команды не потребовалось, хотя она и раздалась: Равняйся! Смирно! Нале-во! Шагом марш! За-пе-вай!

И худшая, то бишь мужская половина 9-го «а», беспощадно топая по паркету и немилосердно фальшивя, с воплями и присвистом устремилась к ближайшей уборной. Она же – курилка. Пели они, если этот рев по воду и вопли по дрова можно было назвать пением, следующее произведение:

Наша Маша горько плачет,
Уронила в речку мячик.
Скоро выйдет на свободу Хачик
И тогда получишь ты свой мячик!..

И так – почти до дверей мужского туалета на третьем этаже, сопровождаемые возмущенными взглядами отдельных представителей преподавательского состава и недоумевающими – учащегося населения...

– Вов, – обратился к Брамфатурову Рачик по кличке «Купец», угощая сигаретой из красно-белой пачки. У Купца всегда имелось при себе по несколько самых разных марок сигарет: от зловонной «Примы» до благоуханного «Ахтамара», и в зависимости от того, какой из сигарет угощал (оденял) того или иного страждущего Купец, можно было без труда судить

---

⁴ Словом, да здравствует император! (фр.).

о степени уважения, питаемого им к данному конкретному субъекту. Выше предложенного «Арин-берда» значился только упомянутый «Ахтамар».

– Вов, – значит, сказал Купец, – у вас дома что, автомат есть? Отец принес? Тренируешься?

– Автомата нет. Тренируюсь мысленно: книжки читаю, – хотел было ответить Брамфатуров, но тут ему поднесли огонек спички и он стал прикуривать, прикуривая, прикидывая, прикидывая, вспоминать и, прежде чем разразиться безудержным кашлем, успел вспомнить, что Рачик—Купец совсем не дурак, даром что второгодник, и что, пожалуй, такой ответ его не устроит, и правильно сделает, потому что по книжке навыка обращения с оружием не приобрести. Будь это иначе, регулярные армии оказались бы ненужной роскошью. В самом деле, зачем тратить столько средств и времени для обучения молодых мужчин правилам эффективного уничтожения себе подобных, если той же цели можно достичь с помощью печати и регулярной сдачи несложных экзаменов на предмет усвоения необходимого минимума?..

Все это промелькнуло в голове не дословно, но моментальной догадкой, мгновенным соображением. А дальше начался приступ кашля, согнувший его пополам и сотрясавший добрых полминуты – к вящему недоумению присутствующих. Недоумевать и правда было чему: вроде бы в курении не новичок, и сигарета хорошая, а его вишь как раздирает! Может, дым не в то горло попал? Так ведь дым не хлебная крошка...

– Ёкорный бабай! – наконец сумел выдавить из себя эмоцию Брамфатуров, отделяясь от сигареты и утирая глаза платком. – Как можно курить эту дрянь?! Не табак, а дуст какой-то! Да еще и влажный, мать этих производителей за ногу!.. Ребята, есть у кого-нибудь что-нибудь нормальное: «Кент», «ЭлЭм» или хотя бы «Честерфилд»?

Тягостное, местами обиженное, молчание прервал ироничный голос Вити Ваграмяна:

– Да, сразу видать, Вова, ты не куда-нибудь бежал, а именно в Америку. Теперь ясно – за чем...

Все облегченно рассмеялись, включая незадачливого беглеца и привередливого курильщика.

– А Ерем, видать, бежал в Штаты не за куревом, а за чем-то другим: «Салют» сосет – как младенец соску!..

Ерем отнял от губ сигарету, порозовел, выставил вперед правую ногу и, дрыгая ею в такт своей тирады, обвинил автора реплики в пристрастии к оральному сексу. На что автор лишь незлобиво рассмеялся, причем в реакции своей не остался одинок.

– Ерем бежал не вообще в Америку, а конкретно – в Голливуд, в кино сниматься. Не пропадать же даром его фотогеничности, – ввернул Варданчик-Чудик и немедленно выскочил из туалета, пока Ерем не опомнился и не дал волю своему негодованию, которое он имел дурную привычку выражать не только пустым матерным словом, но и, по мере возможности, – прямым физическим воздействием.

Урок физики

Кабинет физики находился прямо над учительской на том же третьем этаже, что и рассадник военно-прикладного патриотизма. Вертикальное соседство с педагогической кают-компанией обеспечивало относительную тишину на уроках. Даже на переменах шуметь здесь старались в меру. Впрочем, каждый в свою.

Брамфатуров, сколько ему помнилось, всегда и везде располагался, как правило, на последней парте. На физике – у окна. Туда он и сложил свой скарб – пальто, портфель, благие намерения. Вернувшись с перемены, обнаружил, что его место занято какой-то миниатюрной незнакомкой. У девочки были тонкие, несколько нервные черты лица, крупные серые глаза и выющиеся русые волосы. Сочетание, прямо скажем, недурственное. Однако узенькие плечики, скорее великодушно угадываемая, нежели наличествующая грудь, а также расстояние от спинки парты до упомянутых плечиков указывали на невысокий рост и тщедушную конституцию. Рядом со всем этим восседал на своем законном месте Борька Татунц – обладатель сходных с описанными статей в их мужском воплощении. В общем, идеальная пара...

– Вов, знакомься, это Жанна, новенькая, из Жданова.

– Прошу прощения за невежество моего друга, Бабкена Татунца из Еревана. Мама его конечно учила, что первым представляют джентльмена даме, а никак не наоборот, но он такой у нас рассеянный... Впрочем, все равно – очень приятно познакомиться! Я – Владимир из Тифлиса.

– Тифлиса? – неожиданно грудным голосом выразила легкое недоумение новенькая.

– Из Тбилиси, – несколько раздраженно внес поправку Татунц и, игнорируя знаки препинания, прибавил: – Подумаешь, слегка перепутал!

– Если Жанна из Жданова, то я – из Тифлиса, – стоял на своем Владимир.

– Какая разница?

– Существенная. Но если вы, Жанночка, согласитесь быть из Мариуполя, то я, так и быть, не стану отрицать, что я из Тбилиси.

Девушка неуверенно улыбнулась и взглянула на Борю.

– Соглашайся, пока он добрый, – оглушительным шепотом посоветовал въехавший в тему Татунц.

– Вы не любите Жданова? – задала наводящий невинный провокационный вопрос новенькая.

– Андрей Саныча? – изумился Брамфатуров. – Да я в нем души не чаю! И не я один, весь Питер в нем не только души не чаял, но и много чего еще, помимо души, не ощущал...

– Понятно, – многозначительно протянула девушка, переводя взгляд с одного молодого человека на другого и обратно.

– Да, Вов, – вспомнил Татунц, понижая голос до конфиденциального минимума. – Извини, но ты не мог бы...

– Не только мог бы, но действительно могу, причем прямо сейчас, – перебил Вов. – И это не просто слова, дорогие мои! Я готов подтвердить их конкретными делами. Жанночка, если вы вытяните ваши чудные ножки, а ты, Татунц, уберешь свои копыта из-под парты в проход, то я смогу извлечь мой портфель и гордо удалиться, в смысле – проследовать в изгнание. Клянусь Ждановым под юбку не заглядывать! Даже одним глазком. Точнее, левым – он у меня шибкий...

Бойлух Сергей, сидевший на предпоследней парте в том же ряду и едва не свернувший себе шею в попытке не только подслушать, но и узреть слышимое, запылал лопухими ушами и повалился грудью на парту, сдавленно рыдая от смеха.

– Здравствуйте, ребята! – поприветствовала вскочивший на ноги класс учительница физики. – Садитесь... Брамфатуров, ты куда?

– Я? Никуда, Эмма Вардановна. Ухожу с дороги, подчиняясь закону третьего лишнего... Уйду-у с дороги, тако-ой закон – третий должен уйти...

Эмма Вардановна взглянула на парту, за которой восседали те самые двое счастливых виновников добровольного изгнания третьего и понимающе улыбнулась.

Тем временем «изгнанник», заметив, что отличница Маша Бодрова сидит за второй партой того же ряда в гордом вынужденном одиночестве, не преминул этим обстоятельством воспользоваться.

– Машенька, разрешите бедному изгнаннику земли родной найти в вашем обществе утешение...

Маша покладисто отодвинулась к окну, однако в полном согласии с противоречивой женской натурой ехидно уточнила, на какое такое утешение рассчитывает несчастный изгнанник.

– О, претензии мои невелики, надежды – невинны: слепое поклонение да нежное обожаение, – вот тот мизер, коим готова довольствоваться душа моя...

– Смерть от скромности тебе, Брамфатуров, явно не грозит!

– Умереть от скромности, Эмма Вардановна, немислимое дело для живущих, потому как настоящие скромники – те, которые действительно могли бы откинуть коньки от скромности, – попросту не рождаются, причем именно из скромности, которая не позволяет им принять деятельное участие в нахрапистом забеге своры сперматозоидов в матку обетованную. Ergo⁵ от скромности можно только не родиться, но никак не умереть. Вот и получается, что смерть от скромности есть проявление такой нескромности, какая только возможна среди живущих. Помереть от мании величия или белой горячки было бы куда как скромнее...

Гы-гы-гы – заржали те, кто был осведомлен о скромных проявлениях белой горячки. Прочие понимающе ухмыльнулись.

– И потом, зачем помирать от скромности, если есть такие дивные причины для кончины, как рак, insult, несчастный случай, смерть от старости, наконец...

– Или от чахотки, к которой так любит прибегать в своих романах твой любимый Достоевский, – дополнила перечень учительница.

– Все, что надо знать о жизни, есть в книге «Братья Карамазовы»...

– Кто это сказал? Ты?

– Боже упаси, Эмма Вардановна! Это не я, это Курт Воннегут, автор «Бойни № 5»...

– Слышала, но не читала, – призналась физичка.

– Рекомендую. Не пожалеете...

– Сомневаюсь, Брамфатуров. Если он выдает такие перлы о Достоевском...

– Так ведь он не к нам адресуется, Эмма Вардановна, а к своим американским читателям. Скажи он что-либо подобное об «Обломове» вашего любимого Гончарова, его бы все пятьдесят штатов на смех подняли. Ибо с американской точки зрения, у Ильи Ильича, кроме лени, научиться нечему. А только лень они бы в этом романе и увидели. Прочее им было бы недоступно. Тогда как у Достоевского, который официально ставил занимательность выше художественности, никто из героев сиднем не сидит, все в движении, в душевной смуте, в деловой заботе, проповедуют, прожектерствуют, скандалят...

– И все это натянута, суетливо, многословно, безвкусно и нудно...

– Встречный вопрос, Эмма Вардановна: это вы или Набоков?

– Объяснись, не поняла...

– Я имею в виду авторство высказанной вами оценки болезненного гения нашей классики.

---

⁵ Следовательно (лат.).

– Ну, разумеется, я! – воскликнула физичка, но тут же спохватилась, заинтересовалась, сбавила тон. – А что, Набоков тоже не был в восторге от Достоевского?

– Почему «не был»? Он и сейчас в своем Монтре от него не в восторге. Мокрого места от бедняги не оставил. Особенно этого сноба коробит от сцены, в которой Раскольников и Соня Мармеладова читают главу из Евангелия от Иоанна о воскресении Лазаря. Он считает эту сцену низкопробным литературным трюком. В ней нет ни художественно оправданной связи, ни художественной соразмерности, поскольку преступление Раскольникова описано во всех гнусных подробностях, и автор приводит множество различных его объяснений. Тогда как сцены, в которых Соня занимается своим ремеслом, совершенно отсутствуют. То есть читатель имеет дело с типичным штампом. Он должен верить автору на слово. Между тем настоящий художник никогда не опустится до того, чтобы ему верили на слово...

– По-моему, очень даже убедительно!

– А, по-моему, не очень. Набоков углубился непосредственно в тему, а ведь есть еще и периметр. При желании в этом сравнении блудницы с убийцей можно различить иную связь. Контекстуальную, например. Или подтекстуальную. Ведь ни Соня, ни Раскольников не являются теми, кем они автором заявлены. Равным образом это относится к «вечной книге», то есть к Библии, которая вовсе не вечная... Эпизод с мнимым воскрешением мнимого Лазаря это только подтверждает. Все дело в вере: Соня верит, что она проститутка, Раскольников – что он убийца, Христос – что он Сын Божий, автор – что он написал замечательный роман, читатель – что он читает шедевр мировой литературы. И так далее. Иначе говоря, сблизая «убийцу и блудницу» Достоевский вольно или невольно опровергает эти определения. Можно изменить фокус оптики анализа: если Раскольников и убил, то сделал это невольно, точнее, подневно. Если Соня и сделалась проституткой, то исключительно в силу неблагоприятных обстоятельств, самое неблагоприятное из которых, – святая воля ее создателя – автора романа. Далее неизбежно придем к методу «остранения» от Шкловского... Можно возразить Набокову и прямо «по существу». Христианский Бог простил не только блудницу, но и убийцу, или, по крайней мере, обещал прощение, если тот раскается. Причем сделал это уже будучи на кресте... Впрочем, существует более простое и внятное оправдание нашего «жестокоего таланта». Цензура, общественное мнение и собственные моральные убеждения не позволили автору дать соразмерное описание «падения» Сони, то есть сцену плотского греха, сопоставимую со сценой убийства. Отсюда – крен, антихудожественная связь и прочие преступления против высокого искусства литературы, за которые его беспощадно критиковали современники и упрекают потомки. Так, например, Тургенев назвал Достоевского прыщом на носу русской литературы, за что и удостоился чести быть выведенным в «Бесах» в образе Кармазинова. Плеханов ставил ему в вину, что каждый угнетенный в его романах обязательно хоть немного сумасшедший. Андрей Белый издевательски восхищался силой Федора Михайловича, благодаря которой он смог вынести до конца бремя собственного безвкусыя. Набоков же выразился еще категоричнее: «Обратное превращение Бедлама в Вифлеем, – вот вам Достоевский».

– Постой, ты хочешь сказать, что читал Набокова?

– Обижаете, Эмма Вардановна! Набоков, Борхес и Беккет – мои литературные наставники от словесности двадцатого века. Вы можете, конечно, возразить: а как же Джеймс Джойс? И я вам отвечу: Джойс, безусловно, превосходный писатель, но нарочитой усложненностью своих текстов он нарушает баланс между чтением как трудом и чтением как удовольствием. Особенно он перебарщивает с этим в «Поминках по Финнегану»... Кстати, Эмма Вардановна, – перебил Брамфатуров сам себя, – обратите внимание на нашего будущего медалиста. Он же руку себе вывихнет, до того ему не терпится ученым физическим словом с вами поделиться...

– А если он литературным словом хочет со мной поделиться? Может, он тоже Набокова читал...

– Ну что вы, Эмма Вардановна! Набоков не входит в учебную программу, следовательно, абсолютно бесполезен в деле соискания академических отличий, правда Седрак? – И Брамфатуров, не давая раскрыть рта вскочившему Асатуряну, замолвил за него словечко: – Урок он выучил, Эмма Вардановна. Пятерку хочет. Зря учил, что ли... Хоть бы один разочек хватило совести у этого Седрака попроситься отвечать, не выучив урока!

– Не выучив? – вздрогнул отличник. – Зачем?

– А затем, чтобы пострадать и очиститься!

– Ты неправ, Владимир, – вступилась за будущего медалиста учительница. – От чего ему очищаться? Вот побриться ему действительно не помешало бы...

Улыбки юношей, чьи подбородки еще не познали губительного воздействия бритвы, одобрили последнее замечание педагога.

– Как от чего? Разумеется, от скверны академического превосходства над ближними.

– Правильно Вова говорит, – поддержал Брамфатурова Купец из задних, естественно, рядов. – Пусть хоть один раз двойку схватит, тогда мы его уважаем. А то, как автомат: пять, пять, пять. Сколько можно!

– Между прочим, – ткнула Маша Вову в тощий бок острым локотком, – я тоже отличница.

– «Ик» и «ца», – разные вещи, Машенька, – интимным шепотом, но просветительским тоном объяснил Брамфатуров. – Девушке не пристало плохо учиться. Более того, чем женственнее девушка, тем выше у нее оценки. Покажи мне хотя бы одну симпатичную двоечницу, если не веришь...

Бодрова обернулась к классу и задумчиво его оглядела.

– Можно, Эмма Вардановна? – гнул свою линию Асатурян, стора от нетерпения поскорее выложить весь выученный урок.

– Эмма Вардановна, да поставьте вы ему его несчастную пятерку, пусть успокоится. Что такого он может поведать вам о физике, чего бы вы не знали?

Класс с подлинным энтузиазмом воспринял это предложение. С задних парт даже раздались решительные требования – «пятерку Седраку Асатуряну», интонационно очень напоминавшие «Свободу Юрию Деточкину!» из известного фильма.

– А ты, Брамфатуров, можешь чего-нибудь такого мне поведать?

– Чего бы вы не знали? О физике? Конечно, нет!

– А о чем можешь?

– О литературе, о философии, об истории, о футболе, о любви, о жизни и смерти. Кажись, всё...

– Да, негусто, – вздохнули в классе.

– Действительно, не Бог весть, – улыбнулась физичка. – Но даже на этот скудный перечень у нас, боюсь, не хватит времени. Поэтому, давай-ка, Брамфатуров, поведай нам все, что знаешь о физике.

– Как? Вообще всё? То есть всё-всё-всё, Эмма Вардановна?

– Именно. Не думаю, что это займет больше двух-трех минут, – подтвердила учительница под общее одобрение класса свою педагогическую просьбу. Причем Седрак под шумок одобрения изловчился незаметно показать Брамфатурову язык.

– Выйти к доске или обойдемся без официоза?

– Лучше с ним.

– Ладно. Только учтите, Эмма Вардановна, мысли человека стоящего, сидящего и лежащего ощутимо рознятся.

– Учту. Начнем с тех, которые приходят тебе в голову, когда ты стоишь...

– А закончим возлежанием? Интересно, на чем?

– Брамфатуров, не дерзи, – посоветовала физичка.

– В смысле – дерзай? То есть выйди, встань лицом к аудитории и взгляни в честные глаза одноклассников бесстыжими гляделками невежды? Выхожу глядеть, ребята, срочно придавайте вашим взорам честное выражение. Кто не успеет, я не виноват...

И он действительно вышел, встал, взгляделся и как бы в скобках, как бы между прочим осведомился:

– А что мы сейчас по физике проходим?

Это очень смахивало на банальную школярскую клоунаду. И какая-нибудь другая учительница на месте Эммы Вардановны потеряла бы на этом терпение и, выставив «неуд», отправила б клоуна восвояси. Но Эмма Вардановна была не обычной учительницей, педагогических институтов не кончала, учительствовать стала по велению хреновых обстоятельств; по профессии же была физиком, о чем свидетельствовало и место ее проживания: физический городок близ Института физики имени Алиханяна. К тому же к обоим братьям Брамфатуровым питала слабость. Однажды, перед долгими летними каникулами даже посоветовала своему классу прочитать за лето хотя бы «Братьев Брамфатуровых»... то есть, тьфу ты, «Братьев Карамазовых», конечно... Возможно, именно эта роковая оговорка и положила начало пересмотру ее отношения к Достоевскому...

– Вообще-то мы динамику проходим, Брамфатуров. Но пусть тебя это не смущает. Твое задание шире: что имеешь в голове о физике, то и выкладывай. А мы оценим...

– По двухбалльной системе, – мстительно вставил Седрак и, услышав безошибочную реакцию класса на острое словцо, потупился, зарумянившись от неведомого дотоле удовольствия.

– Про динамику я, кажется, тоже что-то помню, – неуверенно молвил отвечающий.

– Отрадно слышать это «тоже». Обнадёживает. Если ты, конечно, не путаешь динамику с тбилиским «Динамо».

Как говорится, гы-гы-гы, в смысле, ха-ха-ха изо всех глоток. Столь редко проявляющееся остроумие учителей нуждается в поощрении, желательно – шумном.

– Постараюсь, – покладисто улыбнулся Брамфатуров и, напрягши дырявую память юности, выдал примерно следующее:

– Если не ошибаюсь, существует всего три основных типа динамической теории. Учение о твердых протяженных атомах, для которого соответствующим аппаратом является теория импульса. Вторая теория – это учение о всепроникающей жидкости, своего рода современная теория об эфире, для которой создала необходимый аппарат, по крайней мере, частично, теория электричества. И третий тип – это учение о непротяженных центрах силы, действующих на расстоянии, учение, которое математически оснастил сэр Исаак Ньютон в своей книге «Математические начала натуральной философии»...

Брамфатуров замолчал и вопросительно взглянул на учительницу: не помирает ли та со смеху над его памятью. Но та не помидала.

– Еще я помню, Эмма Вардановна, – продолжил экскурс в заглавные Мнемозины, подбодренный отсутствием обескураживающей реакции нерадивый ученик, – что всё в физическом мире (в отличие от мира ментального) существует относительно наблюдателя, что два элемента, имеющие одно и то же атомное число, называются изотопами, что самый простой из известных атомов водород состоит из одного протона, и что кинетическая энергия частицы суть половина массы, умноженная на квадрат скорости...

– Это всё? – не скрывая слабой надежды на благополучный исход, спросила физичка.

– Нет, оказывается, еще не всё, – удивляясь самому себе признался Брамфатуров. – Продолжать?

– О физике? – уточнила на всякий пожарный училка.

– За точность не ручаюсь, но, по-моему, о ней...

– Ладно, выкладывай...

– Мне тут ненароком вспомнилось, что уже упомянутый мною Ньютон, впервые введший в науку понятие массы, использовал тавтологию: масса есть мера таковой, определяемая через плотность и объем, – тогда как понятие плотности не может быть введено без объяснения того, что такое масса... А еще я набрел в извилинах своих на какие-то фундаментальные положения квантовой механики: на «корпускулярно-волновой дуализм», на «принцип неопределенности», которые абсолютно несовместимы с простой логикой, что почему-то вовсе не мешает лазерам работать...

Отвечающий умолк, перевел дух и, видимо, хотел на этом закончить свой ответ улыбкой облегчения, но вдруг погрузнел, задумался, пробормотал что-то неллицеприятное о какой-то Музоматери и поведал извиняющимся тоном:

– Эмма Вардановна, можете мне не верить, но мне в придачу ко всему еще и специальная теория относительности вспомнилась, будь она неладна!..

– Брамфатуров, полегче с проклятиями! – строго одернула зарвавшегося ученика слегка обескураженная учительница. – И объясни нам, что ты имеешь в виду, говоря о специальной теории относительности. Формулу вспомнил?

– Если бы только её! – вздохнул ученик. – Так ведь я еще и суть ее в словесном выражении вдруг в памяти освежил... Пожалуйста, не перебивайте, пока еще чего похуже мне не вспомнилось!.. Итак, специальная теория относительности ставит перед собой задачу сделать законы физики одинаковыми по отношению к любым двум системам координат, движущимся относительно друг друга прямолинейно и равномерно, для чего необходимо принять во внимание два вида уравнений: уравнения ньютоновской динамики и уравнения Максвелла. При этом последние не изменяются в результате трансформации Лоренца, но требуют определенных корректировок... Уравнения на доске написать или все же не стоит, Эмма Вардановна?

Брамфатуров вопросительно умолк, как бы разделив с классом его озадаченное молчание. Седрак Асатурян лихорадочно листал учебник физики, стремительно приближаясь к окончанию учебного года. Физичка позволила себе сделать редкостное исключение из правил – закурить на уроке.

– Ладно, Брамфатуров. Сам напросился... Нет, писать ничего пока не надо. Просто поведай своим потрясенным одноклассникам и об общей теории относительности, и, прежде всего о том, чем отличается общая от специальной.

– Насколько мне известно, математической оснащенностью конкретной физической проблемы. Специальная теория эту проблему полностью разрешила, чего нельзя сказать об общей теории относительности. Что не удивительно, если учесть, что автор общей теории относительности, великий Альберт Эйнштейн, был плохим математиком и главные формулы специальной теории, мягко говоря, слизал с частного письма великого математика Анри Пуанкаре, который потом до самой своей смерти не простил Эйнштейну этого воровства... А пропос, этот Пуанкаре считал, что научные законы представляют собой произвольные соглашения, то есть конвенции, служащие для наиболее удобного и полезного описания соответствующих явлений. Лично мне теория Пуанкаре кажется более убедительной, чем физикализм Карнапа с его символической логикой...

– Не уводи нас в сторону, Брамфатуров, из физики в философию...

– Иначе говоря, не иди на попятную, – повеселел вдруг отвечающий. – Ибо, как говаривал старина Джон Локк: «Смысл философии заключается в том, чтобы остановиться, как только нам начинает недоставать светоча физики»...

– Золотые слова! У тебя всё?

– Всё! Почти... Если только вы, Эмма Вардановна, не станете напрягать мою память по части Рудольфа Клаузиуса, создателя первой теории термодинамики, в которой еще не было и не могло быть понятия о тепловом движении атомов и молекул, что неминуемо приведет меня к попыткам воскресить в памяти все, связанное с Людвигом Больцманом, введшим в

науку атомизм. А это, скорее всего, закончится неудачей, потому что вспоминать эту его формулу, определяющую энтропию с точки зрения информации о состоянии атомов и молекул, для меня, человека насквозь гуманитарного, умственно расхлябанного, математически неполноценного, и скучно и грустно...

– Действительно, куда как веселее верить в конвенционализм, как ортодокс в Троицу, – торжественно заключила преподавательница. После чего прошлась к форточке, избавилась от окурка, вернулась, обратилась к классу:

– Предоставляю вам решить, какой оценки заслуживает Брамфатуров.

– По физике? – насторожился класс.

– По ней, родимой, – вздохнула учительница.

– Эмма Вардановна, а об Эйнштейне он правду сказал?

– Что касается специальной теории относительности – правду. А насчет взаимоотношений Эйнштейна с Пуанкаре, врать не буду, не знаю. Знаю, что в науке считается, что Пуанкаре пришел к открытию специальной теории относительности независимо от Эйнштейна примерно в одно с ним время. В каком году, Брамфатуров, не подскажешь?

– В 1906-м. Разрешите считать ваш вопрос первым дополнительным?

– Разрешаю, Брамфатуров...

– Тогда, скорее всего, правда, – пришли к неутешительному для Эйнштейна выводу девятиклассники. – И как ему было не ай-яй-яй! А еще великий физик, гений человечества...

– Не судите Эйнштейна слишком строго, ребята, он всего лишь следовал научной традиции. Небезызвестный Мопертюи, например, воспользовался своим положением президента Берлинской академии, чтобы приписать себе честь открытия принципа наименьшего действия, хотя великий Лейбниц сформулировал этот принцип за сорок лет до него. Только не спешите жалеть Лейбница, господа, этот двуличный философ не заслуживает снисхождения...

– Эмма Вардановна, – пожаловался Седрак, – его опять занесло в философию...

– Не меня одного, Асатурян, – не замедлил с оправданиями отвечающий, – Ньютона, например, заносило еще дальше, аж в богословие. Так что своим современникам он больше был известен не как автор гравитационной теории, а как комментатор Апокалипсиса. Если верить Вольтеру, этим комментарием сэр Исаак явно хотел успокоить род человеческий относительно своего над ним превосходства... Кстати, Эмма Вардановна, мне тут в связи с вашими нападками на конвенционализм Эйнштейнова лямбда вспомнилась. С ней-то как быть? Разве не для удобства родил ее Эйнштейн, чтобы хоть как-то объяснить, почему Вселенная до сих пор не съезжилась в одну точку, а заодно, чтобы уравнивать члены в своей формуле?

– Ты знаешь о лямбде Эйнштейна? Откуда? – недоверчиво прищурилась физичка.

– Опять вы меня обижаете, Эмма Вардановна! Я же рассказывал вам, что с третьего по пятый класс собирался стать астрономом... Кстати, хорошо, что напомнили. Внимание, девятый «А»! Нижайшая просьба: не спрашивать меня, откуда я всё то или это знаю. Давайте условимся, что всё, что я знаю, я знаю оттуда – от Верблюда с большой буквы. Того самого, который изображен на пачке сигарет Camel...

– Это что же получается? – задался вопросом Татунц. – Кури Camel – академиком станешь?

В ответ смешки и неудачные попытки сострить в тему, типа «Соси «Памир» – завоеешь весь мир!» Или: «Если куришь ты «Oral», значит, будешь генерал!»

– По-моему, ты, Татунц, перепутал изображение на пачке сигарет с ее содержимым, – ревниво заметил Седрак Асатурян, у которого для ревности было, по крайней мере, целых две причины. Первая: он сам втайне мечтал сделаться когда-нибудь академиком. И вторая: являлся принципиальным противником табака, равно как и алкоголя вкупе с добрачными половыми связями...

– Седрак совершенно прав, – поддержал отличника Брамфатуров. – Я имел в виду верблюда, а не, упаси Боже, турецко-американский табак...

– Вот и славно, – закрыла дискуссию физичка. – Надеюсь, вопрос исчерпан?.. Тогда перейдем к исчерпанию того вопроса, который задала я: Какой оценки заслуживает Брамфатуров за свой ответ по физике?

– Брамфатуров достоин пятерки, – подала голос Маша. – Но надо сначала удостовериться, понимает ли он, о чем говорит, или просто так повторяет то, что случайно запомнил.

– О, женщины, коварство ваша суть! – то ли процитировал, то ли дошел своим умом до эпохального обобщения Брамфатуров.

– Не надо нам ни в чем удостоверяться! – запротестовали иные из одноклассниц, очевидно, уязвленные восклицанием. – Большинство отметок ставится именно за память. Учил, помнишь, садись, пять. Эмма Вардановна, поставьте Вове пятерку. Вон сколько он всякой всячины по физике помнит!

– Вот именно, что всякой всячины...

– А то, что он помнит то, что мы еще не проходили, разве ничего не стоит?

– А вы ему еще дополнительные вопросы задайте, Эмма Вардановна, – поделился умом Седрак.

– О чем?

– А вот об этом самом Больцмане. Пусть формулу вспомнит. Если правильно вспомнит, тогда можно будет и четверку ему поставить...

– Ш-ш-ш, – зашипели на мудреца глупые девы. – Предатель, завистник, обормот, – определили они же.

– Эмма Вардановна, – заныл Брамфатуров, – о Больцмане не интересно, в лом. Лучше давайте я вам о сингулярности, из которой возникла Вселенная, немножко расскажу... Впрочем, если вы настаиваете...

Брамфатуров развернулся на сто восемьдесят градусов – лицом к доске, задом к классу, – секунду-другую полюбовался легкими клубами табачного дыма, вспыхнувшего всеми оттенками сизого, лилового, фиолетового в конусе внезапного солнечного лучика, вырвавшегося из-за туч, шагнул к доске, сердито застучал по ней мелом: $S = k \ln W \max$.

– Ladies and gentlemen, you can see on the black desk the formula of Ludwig Boltzmann, – полуобернувшись к аудитории, заунывным голосом приступил к объяснениям Брамфатуров. – If you insist I can explain it in detail⁶...

– Hey, guy! – опомнился первым будущий калифорнийский житель Артур Гасамян. – We don't insist to details⁷...

– Bless you⁸, – кивнул Брамфатуров, однако тут же спохватился, устремил взгляд на инициатора дополнительного вопроса о Больцмане. – Mister Asaturian, have you any objections?⁹

К чести отличника следует сказать, что он почти не растерялся, хотя и имел по английскому языку, как собственно и по всем прочим предметам, твердую пятерку.

– No, – произнес он с простительной запинкой, – I have not. – И немедленно воззвал к справедливости: – Эмма Вардановна, это нечестно! Даже в наших английских школах физику проходят на русском или армянском языках!..

– Но формулы везде пишутся одинаково, – возразила физичка. – Или ты, Седрак, нашел в ней ошибку?

---

⁶ Дамы и господа, перед вами на доске формула Людвиг Больцмана. Если вы настаиваете, я могу объяснить подробно... (англ.).

⁷ Эй, парень! Мы не настаиваем на подробностях... (англ.).

⁸ Благодарю вас (англ.).

⁹ Мистер Асатурян, у вас нет возражений? (англ.).

– Откуда мне знать, Эмма Вардановна? Мы же это не проходили. А он еще и объясняет ее на английском. Это нечестно! Пусть объяснит по-русски.

– Да будь я и чукча преклонных годов,
И то без унынья и лени
Английский бы выучил только за то,
Что им нам поёт Леннон!

– приняв соответствующую позу горлопана и главаря, гордо заявил Брамфатуров.

– Ой, это же Маяковский! – воскликнул, придуриваясь, Борька Татунц. – Откуда он мог знать про «Битлз»?

– Как говаривал Жак Кокто, *Le poète, mon petit, se souvient de l'avenir*, – поэт помнит будущее, – сияя самодовольной улыбкой, поднял назидательно указующий перст главный персонаж.

– Эмма Вардановна, это просто анахронизм, – заныл Асатурян. – Да он сам этот стишок выдумал, лишь бы про Больцмана не объяснять!..

– Не анахронизм, а контаминация, невежда, – строго поправил отличника троечник. – А тебе, Седрак, абы о ком послушать – только бы английский не учить! Ну что ж, уговорил. Будет тебе Больцман на русском языке...

– Не надо про Больцмана! – запротестовало несколько встревоженных голосов. – Не будем забегать вперед! В следующем году расскажешь... А сейчас лучше расскажи нам о жизни, о любви, о смерти, о философии, истории, футболе...

Эмма Вардановна сидела, улыбалась и не вмешивалась.

– О смерти? – оживился отвечающий. – Запросто! Тем более, что смерть и энтропия, к которой относится формула Больцмана, в определенном смысле являются синонимами. Итак, во-первых, не стану утомлять вас немецким оригиналом Райнера Рильке, процитирую сразу перевод: Смерть велика, мы все принадлежим ей с улыбкой на устах. Когда мы мним себя среди жизни, она вдруг может зарыдать внутри нас... Иначе говоря, точнее, говоря словами Томаса Стерна Элиота: Земля наш общий лазарет, Небеса – наша мертвецкая. Вывод: смерть есть способ транспортировки с этого света на тот...

– И обратно? – попытался еще раз состричь вошедший во вкус Седрак.

– Обратно, это уже не смертью называется, а... как Машенька?

– Воскресением, – усмехнулась Бодрова.

– Вот именно! Стыдитесь, Седрак Амазаспович! В вашем щекотливом положении претендента на драгметалл в таких вещах необходимо разбираться!

– Я знаю, что никакого того света нет! – огрызнулся стыдимый.

– Забавно, забавно, Седрак Амазаспович. Может, вы станете утверждать, что и этого света не существует?

– Никакой я не Амазаспович!

– Ну вот, так и думал! Этого и опасался! Ни того света нет, ни этого не существует, и сам он – не Амазаспович. Может, ты и не Седрак вовсе, а какое-нибудь единственно сущее мировое «Я»? Ну, знаете ли, господин пятерочник, это уже слишком! Это уже не что иное, как воинственный солипсизм какой-то. Ничего кругом нет, а есть только вы, господин Асатурян, который, плюс ко всем нашим бедам, еще и не Амазаспович...

– Я этого не говорил! Ты всё... я... ты... – Отличник так много имел что возразить, и такой разительной силы были его возражения, что он не знал с какого начать, и едва не плакал от мучительной широты выбора.

– Ладно, Брамфатуров, оставь Асатуряна в покое, – пришла на помощь будущему медалисту Эмма Вардановна. – А вы там прекратите ржать, это кабинет физики, между прочим, а

не конюшня... Так вот, Владимир, я, к примеру, тоже считаю, что того света нет, а есть только этот. Интересно, как ты докажешь обратное...

– Что есть тот, а нет этого?

– Не передергивай, Брамфатуров! И не разводи демагогию. Ты прекрасно понял, что я имела в виду.

– Прошу прощения и возможности исправиться.

– Исправляйся.

– Исправляюсь. Я не стану утомлять вас онтологическим, космологическим, физико-теологическим и даже этическим доказательствами существования Бога, причем не только потому, что сам в него не верую и нахожу эти доказательства ничуть не более убедительными, чем те, которые приводит в одном анекдоте ученик грузинской школы в ответ на требование учителя доказать, что дважды два четыре, но и потому, что не вижу логически оправданной связи между существованием Бога и наличием того света...

– Вов, не будь сволочью, не морочь нам головы неизвестными словами, – попросили с задних парт. – Лучше расскажи анекдот! Это преступно – утаивать от общественности доказательства грузинского школьника!..

– Кто это сказал? – нахмурилась физичка. – Неужели Вардан Ваграмян?

– Кто? Я? Я вообще молчу с самой перемены!

– А кто?

– Я сказал, Эмма Вардановна, – мрачно признался Грант, вставая.

– А-а! Тогда все в порядке. А то мне показалось, что это Вардан. Хотела четверкой его наградить...

– За что? – оживился Чудик.

– За грамотно построенную русскую фразу... Но раз это не ты, а Похатян...

– Я это был, Эмма Вардановна! Я! Похатян все врет! Это я сказал грамотную русскую фразу!

– Правильно, это он, Чудик, сказал. Я вру, – поддержал обвинителя обвиняемый. – Поставьте ему четверку, Эмма Вардановна...

– Поставлю, если повторит то, что он якобы сказал. Что ты сказал, Вардан?

– Я? Кому?

– Брамфатурову.

– Ну-у, сказал, что... это... что так нехорошо, не по инкеравари...

– Не по инкеравари¹⁰, говоришь? – угрожающе переспросила учительница и, вооружившись ручкой, застыла в выжидательной позе: еще одно неверное слово и ровно половина обещанной награды окажется в соответствующей графе напротив соответствующей фамилии с именем: Ваграмян Вардан.

– Ребята, что я сказал? – прошептал Чудик шпионским шепотом, не разжимая губ, одним носом.

– Грант, Грант, Грант... – прошелестел эхом сострадательный ветерок по кабинету.

– Вот! Вспомнил! – обрадовался Вардан, получив по срочной доставке шпаргалку с грамотной русской фразой. – Я сказал, – Чудик еще раз скосил глаза в клочок бумажки и уверенно продолжил, – что общественность устает от его домогательств, – последнее слово Варданчик прочитал по складам под общий всеми силами сдерживаемый смех этой самой общественности.

– Сам придумал или кто подсказал?

– Я подсказал совсем другое, – оправдывался Грант, – он все перепутал...

– Лично? – не унималась училка.

---

¹⁰ Искаженное «не по товарищески», от армянского «րիւժիր» – товарищ.

– Не надо мне никакой четверки, Эмма Вардановна! – махнул рукой на свою успеваемость Варданчик. – Это не я сказал. Я только хотел анекдот послушать...

– Назло поставлю! – заявила вдруг Эмма Вардановна. И поставила. Действительно четверку, о чем поведал большой палец Гасамяна, сидевшего на первой парте впритык к учительскому столу.

– Можешь продолжать, Брамфатуров. Только встань с подоконника...

– О чем? О том, что в критических точках раздвоения термодинамических ветвей должна быть обеспечена тождественность малых возмущений?

– Нет, не об этом! – вздрогнул класс. – Ты анекдот хотел рассказать.

– Политический?

– Арифметический.

– А, – несколько устало отреагировал Брамфатуров, – вы все о том же. Дался вам этот глупый анекдот. Ну как еще грузин может доказать, что дважды два – четыре? Почти также, как армянин или русский. Вся разница в словоупотреблении. Грузин скажет: «Мамой клянусь, четыре!» Армянин заявит примерно то же самое, упоминая вместо мамы ампутацию собственного носа. Русский кратко и доходчиво сообщит: «Мля буду, не больше четырех!» Что-то не слышу вашего дружного одобрительного хохота...

Справедливости ради, следует отметить, что смешки в классе все же раздались, чувство юмора не совсем оставило 9-а.

– Весьма оригинальное доказательство бытия Божия и существования того света. Садись, Брамфатуров, четыре так четыре...

И тут, перекрывая разноречивую реакцию аудитории, вскочила с места Лариса Мамвелян, комсомольская активистка, член родительского комитета, староста класса, и вообще особа честная, бойкая, всюду сующая свой милый носик. Вскочила и заявила примерно следующее. Что-де Эмма Вардановна напрасно идет на поводу у завистливых мальчишек, которые потому и сбивают Брамфатурова, что завидуют ему, в особенности его эрудиции, умению интересно говорить, а также доскональному знанию автомата, который он разбирает и собирает быстрее всех в классе, если не во всей школе...

– Спасибо, Ларисонька, за лестное мнение обо мне, но я вынужден с тобой не согласиться. Эрудиция моя сродни курской аномалии: она однобока и переменчива. А что касается автомата, то завидовать тут нечему. Все знают, что отец у меня офицер, кому же, спрашивается, и разбираться в орудиях смертоубийства, как не сыну того, кто обучен убивать профессионально? Вот у Павлика Зурабяна папа – оперный певец, и если Павлик прочтет нам лекцию о вокале, опере и трудностях заучивания наизусть идиотских либретто, вроде Пиковой Дамы или Евгения Онегина, никто ни удивляться, ни тем более завидовать ему не станет. Я правильно, ребята, излагаю?

– Почти, – сказали одни.

– Пусть лучше Павлик расскажет, сколько его отец за утро сырых яиц выпивает, – не согласились с отдельными положениями другие.

– Три, – сказал Павлик. Покраснел и добавил, – яйца.

– Значит, Чайковского мы тоже не любим, как я поняла? – вмешалась и подавила посторонние звуки Эмма Вардановна.

– Чайковского любим. Опер его не любим. Не его это было дело – оперы сочинять. Тем более на такие пошлые либретто: Лиза утопилась, Герман застрелился. Бездари несчастные! Беспардонно воспользовались тем, что любую глупость можно спеть!.. Единственное, что можно слушать в Евгении Онегине – это увертюра...

– А в Пиковой Даме?

– Ее вообще лучше не слушать. И не смотреть. Лучше Пушкина почитать... Как зрелище опера не смешна и не нелепа только итальянская и только в Италии.

– Как?! А Моцарт?!

– Гениальное исключение, подтверждающее правило.

– А «Ануш» Тиграняна? – вмешался патриотичный Ерем.

– При всем моем уважении к Тиграняну, я, к сожалению, не могу со-причислить его к исключенному из правила Моцарту. Совесть не позволяет...

– Какая-то неармянская у тебя совесть, Брамфатуров! – вынес вердикт Ерем. – Впрочем, что с тебя, перевернутого полу-армянина, и требовать!..

– Միշտ արհր¹¹, – зашипели на патриота одноклассницы, а сидевшая неподалеку Лариса не поленилась дотянуться до предплечья отчизнолюбца и как следует это предплечье ушипнуть.

– Ерем, – сказал Купец, – ври да не завирайся! – И, понизив голос, но не внушительность тона, добавил: – Хотел бы я, чтобы таких перевернутых полу-армян было побольше! Между прочим, Вова уже второй урок подряд за всех нас отдувается. Или ты сегодня физику выучил? Так чего скрываешь? Скажи, попросим Эмму, вызовет...

Ерем, пылавший румянцем от противоречивых чувств, не огрызнулся и не оправдывался: молчал, уставившись в пространство.

– Ладно, ребята, уймись. Я не в обиде на арийца Никополяна. Его можно понять: чистота расы – святое дело! Самыми чистыми из существующих сегодня рас являются пигмеи, готтентоты и австралийские аборигены.

Тасманцы, чья раса, вероятно, была еще чище, уже вымерли...

Эмма Вардановна прыснула. Класс облегченно захихикал.

– Разрешите ваше благодарное «хи-хи» считать адресованным истинному автору приведенного мною мнения, лорду Бертрану Артуру Уильяму Расселу. Кстати, этот английский аристократ, по совместительству философ, логик и математик (Если кому-нибудь подвернется его фундаментальный труд «История Западной философии», обязательно прочтите, не пожалеете...

– А сам-то читал?

– На наглые вопросы отвечаю наглым молчанием.) высказался довольно определенно и о патриотизме. Но, прежде чем процитировать его, проведем предварительный блиц-опрос. Итак, кто из вас гордится тем, что он (она) армянин (армянка)? И без подсчета поднятых рук ясно, что все армяне очень этим обстоятельством гордятся. Но среди нас присутствуют не одни армяне. Кто из вас, товарищи неармяне, гордится тем, что он неармянин?.. Никто, как и следовало предполагать. Из этого можно заключить, что те, кто гордятся тем, что они армяне, имеют для своей национальной гордости кое-какие основания, поскольку заведомые неармяне отказываются гордиться тем, что они не... Они, пожалуй, склонны гордиться тем, что они – русские, – правда, Маша, Оля, Галя, Игорь?.. Однако национальный состав нашего класса не исчерпывается всего двумя нациями. У нас, слава Богу, даже китаец имеется. Пусть только по отцу, но все же китаец... Артур Янц, скажи нам честно, как на духу, ты гордишься тем, что ты китаец? Разреши твою сардоническую усмешку считать проявлением твоей национальной гордости, а также отсутствием таковой в связи с твоей непринадлежностью ни к армянам, ни к русским, ни к чукчам, ни даже к тибетцам?.. Very well, guy!¹² Теперь поставим вопрос иначе: острее и принципиальнее. Милостивые государи, кто из вас, армян, русских и китайцев, гордится тем, что он не турок? Предупреждаю: каждого, кто не поднял руку, я автоматически зачисляю в славные ряды великого турецкого народа... Ну вот, видите какое трогательное единогласие – просто лес рук. На турках все сошлись, невзирая на свою национальную гордость. Полное единодушное благоволение и растворение интернациональных воздухов...

---

¹¹ Невежа. Точнее: бесстыжий невежа (армян.).

¹² Отлично, парень! (англ.).

– Ты, Брамфатуров, профессиональный провокатор-затейник, – рассмеялась одиноким смехом Эмма Вардановна.

– А что, – согласился с ней Брамфатуров, – звучит неплохо, я бы не отказался. Только в каком вузе таким дипломом можно разжиться?

– А сам ты, Брамфатуров, гордишься тем, что ты армянин по отцу или хотя бы, что русский по матери? – не снес Ерем полной неопределенности в столь важном вопросе. – Или ты у нас такой умный, что стоишь выше этого? Считаешь себя гражданином мира, да?

– Я не выше, Ерем, я ниже. Мне никак своим утлым умишком не понять, почему я должен гордиться тем, что родился кем-то – армянином, русским, китайцем, англичанином... Ведь не мы выбираем, родиться нам или нет. Не мы решаем где, когда, у кого, при каких обстоятельствах, с каким набором хромосом душевного склада и генов характера... Наш выбор ограничен нашим изначальным бесправием. Если бы Господь или Мойры или неисповедимый случай (неубедительное вычеркнуть) заранее поинтересовался моим мнением, я бы предпочел не родиться, ни в этом мире, ни в том, остаться своего рода Богом Скотта Эриугены, который утверждал, что Бог есть никто и ничто. Ведь быть кем-то – значит не быть всем остальным. А когда ты никто и ничто, ты – всё, кем можно быть и кем нельзя, в том числе, нельзя онтологически... Я не слишком замысловато излагаю, друзья?

– Не слишком, – всхлипнула Карина Нерсеян, – только очень грустно...

– Постараюсь поизощреннее. Пушкин как-то воскликнул: «Черт догадал меня родиться в России с умом и талантом!» Думается, проживи поэт подольше, сподобясь побывать за границей, куда так рвался, он бы несколько пересмотрел свое восклицание: сжал бы его до крайней определенности и законченности, и выглядело бы оно в итоге так: «Черт догадал меня родиться!» И всё. Больше ни слова... Кстати, «Илиада» Гомера именно об этом повествует – о полном бесправии человека, о чем был прекрасно осведомлен Менелай, благородно простивший Елену, ибо понял: она была всего лишь игрушкой в руках безжалостных богов...

– А о чем в таком случае «Одиссея», Брамфатуров? – поинтересовалась Эмма Вардановна.

– О любви.

– К странствиям?

– И об этом тоже, хотя странствия эти в начале – вынужденные, а где-то с середины – следствие возникшего чувства между простым смертным Одиссеем и небожительницей Афиной Палладой. Одиссеей не смеет ей признаться в своей любви, а она высокомерно заблуждается на собственный счет, полагая, что испытывает к этому смертному всего лишь покровительственную снисходительность. Правда привела бы Афины в ярость. Так они странствовали лишних десять-пятнадцать лет, бессознательно ища приключений, дабы продлить во времени и пространстве свое общение. Не могла небожительница так плохо знать географию, как прикидывалась Афина. А у хитроумного Одиссея наверняка имелся компас, которым он нарочно не пользовался...

– Сам придумал или где-то прочитал?

– Честно говоря, не помню, Эмма Вардановна. Да и так ли уж это важно в контексте изначального нашего бесправия?

– Ерем! – вдруг вскричал Брамфатуров неожиданно и грозно, так что Никополян даже привстал. – Ответь нам честно: что лично ты сделал, какие труды положил на то, чтобы родиться армянином, вот таким вот чистокровным как ты есть: сероглазым, русоволосым, носатым, умным, трудолюбивым, любознательным?

– Я? Ничего, – горестно признал Ерем, не обращая внимания на подлые смешки, спротоцированные описанием внешнего вида древних армян, на которых он походил не больше, чем Пушкин на былинного славянина. – А ты, Брамфатуров, сам что-нибудь сделал, чтобы родиться тем, кем родился? – перешел он в атаку.

– И я, Ерем, тоже ничего не сделал. Какое удивительное совпадение, не правда ли, Никопольян? Может быть, еще и поэтому Бертран Рассел утверждает, что разделение людей на нации является тривиальной глупостью. Заметь, Ерем Хоренович, не какой-то там особенной или выдающейся, а тривиальной. Ведь нация, народ – это, прежде всего, общность предрассудков, и лишь потом все стальное – язык, территория et cetera¹³. Национализм, как ртутные пары, – только в микроскопических дозах может быть полезен, в любых иных он отравляет напрочь весь организм, в первую очередь – разум. Следовательно, долг честного человека – защитить свой разум от патриотизма...

– И что ты предлагаешь, Брамфатуров, – вмешалась учительница, – вместо конкретной родины любить весь шар земной и изъясняться исключительно на эсперанто? Ведь существуют такие понятия, как «семья народов» или «сообщество стран», которые отнюдь не исключают особого отношения к своей стране, любви к родине...

– Действительно, Эмма Вардановна, такие понятия существуют: абстрактно, отвлеченно, как правда у Луначарского, которой дела нет до плачевной конкретики, ибо она вся в пропагандистском движении, в агитационном полете... Наверное, исходя именно из такого положения вещей, Бертран Рассел и ратует за то, чтобы мы научились беспристрастно оценивать любой спор между своей и чужой страной, чтобы научились не считать свой народ морально выше по отношению к другим, и даже во время войны смотреть на все проблемы, как могла бы смотреть нейтральная сторона...

– Нейтральная сторона будет смотреть, исходя из своих нейтральных интересов, – сказал Артур Янц и непримиримо сверкнул очками.

– Очень верно подмечено, – с готовностью согласился Брамфатуров. – Точнее было бы со стороны Рассела сказать: как мог бы смотреть Бог, или отец семейства на ссору своих детей... Кстати, заметь, Ерем, я специально воздерживаюсь от цитирования Сэмюэла Джонсона, который о патриотизме выразился куда нелицеприятнее и определеннее, нежели Бертран Рассел...

– Ерем, заткни на минутку уши, – попросил класс и, не дожидаясь исполнения Еремом своей просьбы, продолжил: – Валяй, Вов!

– О. К. if you insist, – пожал плечами Вов, и выдал, то бишь вывалил:

– Patriotism is the last refuge of scoundrel.

– Как? И всё? А перевод? – возмутился класс.

– Патриотизм – последнее прибежище подлеца.

Класс замер. Щеки Никопольяна пошли боевыми пятнами.

– Вряд ли Джонсон, живший в восемнадцатом веке, имел в виду кого-то из наших современников. Скорее всего, он сделал вывод из наблюдений над патриотами своего времени. К слову сказать, это было одно из самых любимых изречений Толстого...

Щеки Никопольяна двинулись обратным маршрутом – из безоглядного милитаризма в бдительный пацифизм, что, впрочем, никоим образом не сказалось на твердости его убеждений. Этот парень отличался не только повышенной возбудимостью, но и решительным упрямством. Недаром из трех беглецов, доставленных в ленинканское отделение КГБ для снятия соответствующих показаний, один лишь Ерем подвергся физическому воздействию со стороны допрашивавшего его майора. Довел-таки беднягу чекиста до пароксизмального забвения заповеданной чистоты рук, сподобился-таки вкусить от органов отеческой пощечины. Известное дело, осел нуждается либо в палке, либо в морковке. Но попадают среди них такие, которые морковки терпеть не могут, а выяснить, какой другой овощ мог бы заменить отвергнутую морковь, у погонщика нет ни времени, ни охоты, ни разума.

– Все равно, Брамфатуров, я с тобой не согласен, – не сдавался Ерем, нервно поигрывая крышкой парты.

---

¹³ И так далее (лат.).

– Не со мной, а с Бертраном Расселом, Самюэлом Джонсоном и Львом Толстым, – уточнил Брамфатуров.

– А с ними тем более! Эти англичане всегда загребали жар чужими руками. Но они не армяне, а ты все-таки армянин... Я думаю, что на самом деле ты так не думаешь, как говоришь. Ты просто хочешь произвести впечатление... Думаешь, я забыл, как ты тогда, на демонстрации в честь «Арарата» кричал «Иштоян», «Հիշիր»¹⁴...

– Боюсь ошибиться, но сдаётся мне, что это комплимент. А судя по тому, как ты трясешь крышку парты, можно предположить, что если я его не приму добровольно, ты заставишь меня сделать это силой...

– Это некрасиво, Брамфатуров! – вмещалась Лариса. – Ты, зная нервный характер Ерема, специально его провоцируешь!

– Кто нервный? – возмутился Ерем. – Я нервный? – хлопнул он крышкой парты, сел, вскочил, вновь сел, опять хлопнул и снова оказался на ногах. – Я не нервный, я просто немного вспыльчивый...

– Вот именно, – подтвердила Эмма Вардановна автодиагноз Ерема. – Не увиливай, Брамфатуров, от ответа по существу. Ерем привел конкретные доказательства...

– Ну да, куда уж конкретней! – огрызнулся Брамфатуров. – Такие доказательства римляне называли *argumentum ad hominem*, то есть доказательства, основанные не на объективных данных, а рассчитанные на чувства убеждаемых...

– *Humanum non sunt turpia*¹⁵! – возразил Седрак Асатурян.

– *Contra verbosos noli contendere verbis*¹⁶, – предостерег фьючерсного медалиста Артур Янц.

– *Sermo index animi*¹⁷, – напомнила учительница.

– *Quot hominas, tot scientiae*¹⁸, – рассудил Боря Татунц и, горделиво выпятив грудь, скосил глаза на новенькую.

– *Plaudite, cives!*¹⁹ – торжественно заключил Брамфатуров.

– А по-русски можно? – не вытерпела Лариса. – У нас тут все-таки русская школа, а...

– А не кружок латинистов, – подхватил Грант.

– А еще лучше – по-армянски, – робко предложил Чудик Варданян, но поддержки не встретил.

– А здорово было бы устроить такой кружок, – мечтательно молвила учительница физики. Впрочем, тут же сама себя и осадила: – Только кто его будет вести?

– Вот Брамфатуров пускай и ведет. Он же у нас всё знает, – раздался не идентифицированный голос с задних рядов.

– Только не знает, как объяснить, почему он кричал «Иштоян» и «Հիշիր», – живо откликнулся подуспокоившийся в процессе древнеримской перепалки Ерем.

– Странно было бы мне в этой толпе кричать «Блохин» и «Хай живе рідна Україна». И потом, давно и не мною замечено, что следует иногда разрешать несчастным смертным не согласовывать свои взгляды с чувствами. Разумеется, это не касается тех уникалов, которые подобно тебе, Ерем, сумели сотворить из своих чувств мировоззренческие догматы веры. У большинства же, к которому, увы, принадлежу и я, ум всегда в дураках у сердца.

---

¹⁴ «Армяне» (армян.).

¹⁵ Человеческое не постыдно (лат.).

¹⁶ В спор с краснобаем вступать – словами на ветер бросаться (лат.).

¹⁷ Спор – показатель ума (лат.).

¹⁸ Сколько людей, столько и мнений (лат.).

¹⁹ Рукоплещите, граждане! (лат.). (Традиционное обращение актеров к публике после представления.)

– Ну вот, наконец-то мы докопались до истины, – подытожила дискуссию Эмма Вардановна. – Любви, как и кашля, не утаишь...

– Эмма Вардановна, можно вопрос Брамфатурову?

– Дополнительный по физике? Или провокационный по межнациональным отношениям?

– Личный.

– О, это интересно! Задавай.

– Вов, ты не устал там стоять?

– То есть, не устал ли я купаться в лучах всеобщего внимания? Нет, Кариночка, не устал. Но если тебе хочется поменяться со мной местами, я возражать не стану...

– Ой, только не это!

– А зря, Кариночка, зря! Фигурка у тебя обворожительная, ножки стройные, глаза – как два озера, полные тайн. Твоим одноклассникам было бы полезно посозерцать красоту в немом и благодарном восхищении...

– Звучит как признание в любви, – мрачно заметил Грант Похатян.

Нашлись инфантилы, встретившие этот не лишенный ноток ревности комментарий идиотским смехом. Карина, зардевшись сперва от удовольствия, стала неудержимо пунцовать, но уже как бы от смущения, стыда и обиды.

– Дурак! – сказала она Гранту. После чего перевела взгляд на Брамфатурова и пополнила перечень недоумков. – Два дурака. – Далее: дробно стуча каблучками, спешно покинула кабинет физики.

– Эмма Вардановна, можно выйти? – не столько спросил, сколько поставил в известность о своих намерениях Грант Похатян.

– Бегом, Похатян! И не забудь извиниться...

– Грантик, – понеслась вдогонку не страдающая избыточной искренностью просьба, – и за меня, дурака, пожалуйста, тоже...

Похатян в ответ ничего не сказал, не кивнул, только взгляда удостоил, прежде чем скрыться в дверном проеме.

– Храни, Голубица,
От града – посевы,
Девуцу – от гада,
Героя – от девы!

– возведя очи горе и молитвенно сложив на груди руки, продекламировал с чувством взгляда удостоенный.

– Вот и до Марины Цветаевой добрались, наконец, – не скрывая удовлетворения, сообщила классу Эмма Вардановна.

– А кого это она там гадом называет? – заподозрил неладное Купец.

– Ничего личного, Рач-джан, – поспешил с разъяснениями Брамфатуров. – Take it easy. Не бери в голову. Библейские мотивы. Голубица – Богоматерь. Девуца – Ева. Гад – змий, соблазвивший ее отвесть от плода запретного. Ну а герой – конечно же, Адам, из ребра которого Господь создал Еву, как жену ему и помощницу. Вот она и помогла в меру сил: запретным плодом накормила, Божье проклятие на весь род людской навлекла. Потому и просит поэт Голубицу хранить девуцу от гада, а героя – от девы...

– А посевы причем? – въедливо любопытствовал Седрак.

– Это обобщение: хранить людей от Божьего гнева, который, согласно народным поверьям, зачастую выражается в форме губительных осадков...

– При этом все стихотворение называется для большей ясности «Георгий», – рассмеялась Эмма Вардановна. – Ну чем тебе Цветаева не угодила? Сделал из нее сплошную аллессию!..

– Аллессию, Эмма Вардановна, – один из первоначальных грехов литературы, и, если верить Гилберту Честертону, вовсе не настолько чужда искусству слова, и уж тем более не является утомительным плеоназмом и игрой пустых повторений, как полагал Бенедетто Кроче. Отнимите аллессию у Данте и получите на выходе нагромождение уродств. То же самое можно сказать в отношении иных стихов Цветаевой...

– Каких именно, Брамфатуров? – требовательно спросила физичка.

– Да вот хотя бы следующих:

Выбрала сама я долю
Другу сердца моего:
Отпустила я на волю
В Благовещенье его.
Да вернулся голубь сизый,
Бьется крыльями в стекло.
Как от блеска дивной ризы,
Стало в горнице светло.

В классе одни впечатлительные личности решились на аплодисменты, другие – на пресыщенное ворчание ценителей поэтического слова: дескать, опять голуби, опять Пикассо, опять пернатые символы мира...

– Не спешите ворчать, погодите хлопать, – предостерегла их бдительная училка. – То есть хлопать можете, только знайте, что аплодируете не

Марине Цветаевой, а Анне Ахматовой.

– Ой, – сказал резонер, декламатор и чтец, – дико извиняюсь, ошибочка вышла. Сейчас вспомню что надо.

И действительно – вспомнил, правда, лишь после краткой, но жаркой мольбы в сторону, произнесенной скороговоркой невнятным для непосвященных шепотом («О, прекраснейшая из титанид, дочь Уранова, всеблагая Мать Муз великих! Сподобь вспомнить должное, дабы не осрамиться мне!»):

– Должно быть, жизнь и хороша,
Да что поймешь ты в ней, спеша
Между купелию и моргом,
Когда мытарится душа
То отвращеньем, то восторгом?
Непостижимостей свинец
Всё толще над мечтой понурой, —
Вот и дуреешь наконец,
Как любознательный кузнец
Над просветительской брошюрой.

Пора не быть, а пребывать,
Пора не бодрствовать, а спать,
Как спит зародыш крутолобий,
И мягкой вечностью опять
Обволокнулся, как утробой.

На сей раз ни оваций, ни брюзжаний. Все смотрели на учительницу, дожидаясь подтверждения либо развенчания заявленного авторства. И оно последовало незамедлительно.

– Это не она. И не другая. Но стихи хорошие. Признавайся – чьи?

– А мне казалось, что Цветаевой, – впал в недоумение чтец, косясь с укоризной в сторону. – Что, действительно не её?

– Не переигрывай, Брамфатуров!

– А, ну тогда, скорее всего, Владислава Ходасевича...

– Честно?

– Ей-ей, Эмма Вардановна. Жаль, что я некрещеный, а то бы перекрестился и воскликнул: «Видит Мнемо... то есть Бог, не вру!»

– Ну что, – обратилась училка к классу, – поверим ему на слово, ребята, или пусть еще одно стихотворение Ходасевича прочтает, а мы сравним?

– А что там сравнивать? – не удержался Чудик Варданян не пожаловаться на тяготины. – Чарарá-ра – чарарá... Лучше бы анекдот какой-нибудь рассказал...

На него зашикали со всех сторон, обозвали неуком, дураком, невеждой, бескультурным типом и другими нехорошими, принятыми в приличном обществе, словами. Один только сосед по парте, Рачик-Купец, никак не обозвал, а ткнул в бок и объяснил на доходчивом армянском конфиденциальным шепотом всю глупость его поведения, потому как до конца урока осталось всего ничего, нового уже не зададут, старый спросить не успеют, так какого ляда ты возникаешь, вместо того, чтобы сидеть, помалкивать и тихо радоваться жизни...

– Сравним, сравним! – настаивали между тем энтузиасты немедленной атрибуции.

– ОК, compare:

Webster was much possessed by death
And saw the skull beneath the skin;
And breastless creatures under ground
Leaned backward with a lipless grin²⁰.

Продолжить ему не позволили протестующие возгласы с мест: «Это нечестно!», «Долой перевод, даешь оригинал!», «Кончай выпендриваться!» и «Այ տղա, հերիք չեղա՞վ սեր հոգու հետ խաղա՞»²¹.

– Брамфатуров, не хами, – проникновенно попросила Эмма Вардановна.

– Ну вот, двух эмигрантов уже и перепутать нельзя, – надул губки Брамфатуров. – Сразу в хамы записывают... Ладно, будет вам Ходасевич:

По дому бродит полуночник —
То улыбнется, то вздохнет,
То ослабевший позвоночник
Над письменным столом согнет.
Черкнет и бросит. Выпьет чаю,
Загрезит чем-то наяву.
...Нельзя сказать, что я скучаю.
Нельзя сказать, что я живу.
Не обижаясь, не жалея,
Не вспоминая, не грустя.

²⁰ Ладно, сравнивайте: Вот Уэбстер, смертью заморожен —Его из гулкой темнотыВлекли безгрудые созданья,Безгубые манили рты. (англ.) (Из стихотворения Томаса Стерна Элиота «Аромат бессмертия», перевод В. Шубинского)

²¹ Эй, парень, не буди лиха! (армян.).

...Так труп в песке лежит, не тлея
И так рожденья ждет дитя.

- На этот раз вроде как не надул, – поскреб в затылке Седрак.
- Ты уверен? – не скрывая скепсиса, спросила Эмма Вардановна.
- Я понял! – возопил сущим Архимедом Сергей Бойлух. – Это он свои стихи под видом чужих нам подсовывает!
- Ты мне льстишь, Бойлух. Где Кура, где мой дом!..
- Идея! – осенило еще одного, на этот раз Артура Гасамяна. – Давайте свяжем его и подвергнем пытке. Сразу признается, чьи стихи он нам вместо чьих втюхал!
- Без шума и пыли не получится, – тоном профессионального сноповязальщика протянул Виктор. – Здоровый лось...
- Ну хорошо, хорошо, уговорили: вспомнил я, чьи это стихи. Георгия Иванова. Но если вам так загорелось послушать мои шедевры, то ради Бога, у меня ведь совести практически не осталось. Только, чур, потом не жаловаться на мои ча-ра-ра...

Отравлен хлеб, и воздух выпит.
Как трудно раны врачевать!
Иосиф, проданный в Египет,
Не мог сильнее тосковать!

Под звездным небом бедуины,
Закрыв глаза и на коне,
Слагают вольные былины
О смутно пережитом дне.

Немного нужно для наитий:
Кто потерял в песке колчан,
Кто выменял коня – событий
Рассеивается туман.

И, если подлинно поется
И полной грудью, наконец,
Всё исчезает – остается
Пространство, звезды и певец!

Кто-то поморщился, кто-то снисходительно похлопал. Борька Татунц впился в физиономию чтеца, ища ему одному ведомые мимические приметы очередного розыгрыша. Все прочие выжидательно уставились на учительницу. Все, кроме сердобольной Ларисы, не удержавшейся от похвал, слегка сдобренных конструктивной товарищеской критикой.

– А что, – сказала она, – совсем неплохо для его лет. Правда не совсем понятно, причем тут Иосиф, почему туман не рассеивается, а рассеивается, да и «конь событий», по-моему, не слишком удачный образ, но в целом...

– В целом, – подхватила физичка, – бесподобно! Гениально!

Класс с любопытством следил за Эммой Вардановной, не понимая, но догадываясь, что расточает похвалы она неспроста. Между тем учительница, встала, вышла из-за стола, и сделала легкий приглашающий жест чтецу:

– Осип Эмильевич, присядьте, пожалуйста. Не обессудьте, что раньше не догадалась предложить, но кто же мог подумать, глядя на вас, что вам не шестнадцать лет, а все восемьде-

сят с хвостиком... Дети, встаньте и поприветствуйте замечательнейшего русского поэта Осипа Мандельштама!

– Какая же ты, Вовка, сволочь! – произнесла с чувством Лариса Мамвелян и, упав грудью на парту, закрылась руками.

– Ничего себе – урок физики, – прокомментировал происходящее Артур Янц. – Две женских истерики, две явные мужские обиды, не считая десятка тайных, и весь день на манеже провокатор-затейник: шуточки, прибауточки вперемешку со стихами и беспорядочным центавром...

– А это уже камешек в мой огород, – задумчиво отозвалась Эмма Вардановна. – Очень жаль, что для тебя, Артур, не прозвучало за весь урок ничего нового...

– Нового прозвучало, Эмма Вардановна, – признался Янц, – форма подачи меня не устроила...

Провокатор же затейник тем временем приблизился к парте с горящей Ларисой, опустился на колени и негромко, почти вполголоса, заговорил с ней:

Только б ты согласилась. Только б ты приказала.
Ты моя королева! Ну об чем разговор?!
Комнатенка три на три станет тронною залой,
Пред тобою склонится законный твой двор.

И соседние страны отощуют от стрессов,
И расстроятся браки барышам вопреки,
И не будет отбою от знатных балбесов,
Возжелавших твоей королевской руки.

Хрен им! Всех этих принцев я повешу по стенам
И гульну в фаворитах – до смешного велик...
Но монархия все же дрянная система, —
Ни в одном королевстве нельзя без интриг.

Так и есть! Вон уж сплетню на ощупь пустили...
Ах ты зависть людская! Ах, дворянская блажь!
Комнатенка три на три покруче Бастилии,
А за окнами дворник – бесчувственный страж.

– Если и эти не твоими окажутся, я... я не знаю, что я с тобой сделаю, Брамфатуров! – сообщила Лариса, хлюпая носиком и моргая мокрыми глазками.

– Вообще-то, все лучшее в мировой поэзии, Ларисонька, принадлежит Единому Духу. Все худшее – дьяволу. А поскольку эти стихи не то и не это, значит, они принадлежат мне...

– Не кокетничай, Брамфатуров. Очень даже неплохие стихи. Правда, Эмма Вардановна?

– Правда, – согласилась учительница. – Я их тоже слышу впервые. И насколько понимаю, они никому, кроме него, не могут принадлежать. Разве что его брату... Но он еще мал для таких... Впрочем, для пущей уверенности тебе следует поинтересоваться мнением Артура Янца.

– Учитель говорил: Бывает, появляются ростки, но не цветут; Бывает, цветут, но не дают плодов, – невозмутимо, как и подобает китайцу, ответил Янц на этот не слишком педагогичный выпад.

– Бывает, что дают плоды, но лучше бы не давали, – подхватил все еще коленапреклоненный затейник, и, наморщив лоб, присовокупил: – Конфуций, «Лунь Юй»...

– Я так и подозревал, что ты все цитаты либо перевираешь, либо дополняешь на собственный лад, – сказал Янц.

В дверь постучали, постучав, открыли, открыв, вошли. Примиренная парочка. Пока еще не сладкая, но обещающая стать таковой, если ничего непредвиденного не случится.

– Можно, Эмма Вардановна?

– Мо... – открыла было рот училка, но была прервана неучтивым возгласом Гранта.

– Ну вот, что я тебе, Карина, говорил! Полюбуйся: он уже на коленях перед Ларисой красуется! А ты переживала, что зря обидела...

– Грант прав, – не меняя позы поддержал Похатяна Брамфатуров, – не все дураки, осознавшие свою дурость, перестают быть дураками. Попадаются, Кариночка, среди них такие дурни, что сколько свою дурость ни осознают, дураками быть не прекращают... А ты, Артур, можешь торжествовать: я опять кого-то переврал или дополнил. То ли Владимира Ильича Ленина, то ли немецкую народную мудрость...

– Брамфатуров, как долго ты собираешься пребывать в этой нелепой позе? – поинтересовалась физичка.

– Пока Лариса не простит или звонок не грянет. Епитимья у меня такая. Сам на себя наложил...

Не успела Лариса простить его, как грянул звонок.

– Брамфатуров, Асатурян, Янц, Никополян, Лариса Мамвелян, ко мне с дневниками. Остальные свободны...

Урок биологии

Учительница биологии была женщиной, что называется, монументальной и вела себя соответствующе. То есть в полном противоречии с измышлениями школярского стишка следующего пасквильного содержания: «Гром гремит, земля трясется – Антилопа в класс несется». Никто никогда не видел, чтобы Вилена Акоповна (именно отчество породило по созвучию прозвище Антилопа, а вовсе не фольклорная склонность ученических масс к антонимическим преувеличениям) куда-нибудь торопилась, не говоря уже о том, чтобы она сменила свою неизменно величественную поступь на нечто такое, что можно было счесть хотя бы бодрой походкой ортопеда, разжившегося подходящей обувкой. Как ни странно, но именно отсутствие прецедента поддерживало в школярских кругах уверенность в том, что если бы Вилене Акоповне вдруг вздумалось перейти – не говорим на рысь, но хотя бы на аллюр, – то указанные в стишке тектонические катаклизмы были бы неизбежны. Относительно неизбежности небесных явлений, таких как гром, молнии и солнечные затмения сходного единодушия не наблюдалось...

К своему предмету Вилена Акоповна относилась чуть менее трепетно, чем пушкинский рыцарь к личным сбережениям, однако в скупости ни в чем ему не уступала. Получить высший балл от Антилопы было так же трудно, как сдать кандидатский минимум, никого предварительно не подмалив. Вилена Акоповна заслуженно гордилась тем, что все отличники по ее предмету, державшие вступительный экзамен на престижный биологический факультет, удостоились высших оценок. И это была сушая правда, как бы ни изгалялись злопыхатели, тщась исказить ее не относящимися к сути дела арифметическими уточнениями, что-де за все годы таких триумфаторов было ровным счетом три, причем один из них приходился Антилопе родной дочкой, а два остальных – ее частными учениками...

Лучше было не выучить урока, придти и от души покаяться перед Виленой Акоповной во грехах своих, чем не сделать того же самого и прогулять. Никто из учителей *09-й школы не проявлял такой скрупулезной педантичности при заполнении классных журналов, как Антилопа. Переключку присутствующих она проводила лично, не полагаясь на доклады дежурных, и никогда не ленилась полюбопытствовать, присутствовал ли ныне отсутствующий на предыдущем уроке, и если нет, то где он шляется: болеет честно дома или подло покуривает себе в школьном подвале. Горе было тому, кого уличали в последнем – как минимум три двойки в журнале ему были обеспечены: за прогул, за невыученный урок и за неуважение к предмету. При этом уважительность отсутствия могла доказать только справка от врача, все прочие доказательства уважительности считались не стоящими внимания отговорами.

Брамфатуров не был на трех уроках кряду. Справки от врача не имел. Особой любовью к предмету никогда не отличался, урок учил от случая к случаю, балансируя при подведении итогов за четверть между тройкой и четверкой. Согласно всем математическим выкладкам, он заслуживал девяти двоек, но Вилена Акоповна, решила на сей раз проявить в виде исключения педагогическую снисходительность, ограничившись всего тремя парами, как если бы Брамфатуров прогулял не три, а всего-навсего один урок биологии. Класс к ее удивлению, возроптал и принялся дружно и поврозь уговаривать ее и даже стыдить, взывая к справедливости и упирая на форс-мажорные обстоятельства. Удивление биологички сменилось менее индифферентным чувством.

– В конце концов, никто не заставлял его убежать из дому, да еще и в Америку, – пустила в действие тяжелую артиллерию своих самых веских аргументов раздосадованная учительница. – Спрашивается, чего он там не видел? Зачем ему это понадобилось? Молчите? Я вам скажу – зачем. Затем, чтобы уроков не учить! Чтобы бездельничать, вот зачем!

Класс подавленно молчал, силясь коллективным разумом постичь логику во вспышке педагогических рассуждений.

– Совершенно верно, Вилена Акоповна! – неожиданно поддержал Антилопу неудавшийся американский бездельник. – Именно эту причину я и указал в своей объяснительной, данной в известном учреждении. Да и Ерем тоже, правда, Ерем? Потому нас так быстро и отпустили. Только подписку взяли...

– О невыезде? – не столько спросил, сколько констатировал осведомленный обо всем на свете Седрак Асатурян, знавший наизусть не только столицы всех государств, но и поименно всех их руководителей.

– Нет, не о невыезде, а о том, что мы обязуемся прилежно учиться, учиться и учиться, как завещал сами знаете кто...

– Вот и прекрасно, – пресекая смешки на корню, повысила тон Вилена Акоповна. – Раз обязались, значит, урок ты учил...

– Учил, – подтвердил Брамфатуров. – А что нам было задано?

Антилопа под общий хохот склонилась над журналом с явным намерением привести приговор в исполнение в полном его девятидвоячном объеме.

– Вилена Акоповна, пожалуйста, прошу вас, не спешите с выводами, – забеспокоился Брамфатуров. – Двойки вы всегда успеете поставить... Мне сказали, что нам было задано о размножении, и я вспомнил, что действительно кое-что об этом знаю...

Не в меру смешливый Сергей Бойлух практически уже валялся под партой. Прочие ограничились тем, что припали к ним грудью.

Антилопа, вопреки ожиданиям, отложила ручку, выпрямилась на стуле и, не сдержав многообещающей улыбки, сухо осведомилась у паяца, прогульщика и бездельника, сколько типов размножения он знает.

– Я знаю два типа размножения: половое и бесполое. Вилена Акоповна, разрешите выйти к доске и рассказать все с самого начала, а то собьюсь...

Весь класс горячо поддержал просьбу прогульщика. Величественным кивком биологичка дала понять, что не имеет ничего против.

– Grand merci, – с чувством поблагодарил Брамфатуров, вышел к доске, принял позу двоечника, ищущего на потолке ответы на вопросы учителя, и начал отвечать.

– Когда Господь создал, если мне не изменяет память, на третий, четвертый и пятый дни Творения всякую живность и растительность и велел ей плодиться и размножаться, то всякая живность, как и всякая растительность, поняла этот наказ по-своему и в меру своего разума бросилась его исполнять. Одни додумались до бесполого размножения, другие сподобились полового...

– Достаточно, Брамфатуров! Садись! Два!

– За что? Почему? – запротестовали в классе. – Он ведь только начал, Вилена Акоповна...

– Почему? Да потому что ни о каких днях творения в ваших учебниках не говорится! Потому что никакого бога нет...

– Не было и не будет! – поддержал преподавателя вызванный к доске ученик. – Вилена Акоповна, это я так, к слову, для образности и ясности Господа приплел... Ведь что такое, по сути, эти пресловутые дни творения, как не геологические эпохи, сменяющие одна другую в виде вех эволюционного развития организмов, борющихся за выживание методом приспособления к климатическим, биотическим и другим факторам среды своего обитания?.. Эволюция, как известно, есть последовательность медленных, иногда ошибочных, но всегда неуклонных изменений от простого к сложному. Неудивительно, что бесполое размножение не оправдало надежд матушки природы. Она-то думала с помощью всяких там хламидомонад, амёб да эвглен зеленых, размножающихся путем скудоумного митотического деления клеток, добиться ощутимых результатов в деле населения Земли существами высокоорганизованными, высоконрав-

ственными и морально устойчивыми, но потерпела неудачу в своих благих намерениях. От митотического деления пришлось отказаться как от эволюционно бесперспективного, но бесполое размножение все еще представлялось природе наиболее оптимальным. Она долго и безуспешно экспериментировала с этим типом...

– Каким еще типом, Брамфатуров? – раздраженно прервала учительница, воспользовавшись первым подходящим поводом.

– Типом размножения, Вилена Акоповна... Ну так вот, она долго экспериментировала с этим типом, попутно создав несколько оригинальных форм, таких как спорообразование, почкование и вегетативное размножение...

– Стоп! – скомандовала биологичка. – Не скачи галопом по Европам...

– Через океан в Америку, – вставил кто-то с задних рядов. Замечание, вызвавшее бы в другое время и при иных обстоятельствах море смеха, при этих – лишь усугубило напряженность молчания.

– Что ты знаешь о почковании, кроме того, что оно является одной из форм бесполого размножения? Назови хотя бы два-три организма, которые размножаются почкованием.

– No problem my dear teacher²², – пожал плечами отвечающий. – Дрожжевые грибы и некоторые из инфузорий. Например, сосущие инфузории, которые только тем и заняты, что насосутся и почкуются, и почкуются. Нечто это достойное занятие для приличного организма?

– Брамфатуров!

– Я как раз перехожу к тому, что я знаю о почковании, Вилена Акоповна. Во-первых, мне известно, что если бы мы, люди, размножались почкованием, то никому никогда бы в голову не пришло написать такие строки:

Уж если ты разлюбишь, – так теперь,
Теперь, когда весь мир со мной в раздоре,
Будь самой горькой из моих потерь,
Но только не последней каплей горя!

Потому что, в самом деле, о каком разлюблении может идти речь у материнской клетки с бугорком, образовавшемся на ее пречистом теле, если содержание последнего исчерпывается ядром, то есть почкой, у которой одно на уме – достичь размеров близких к материнским и отделиться в порыве самостоятельного существования? Уверяю вас, Вилена Акоповна, это отделение отнюдь не та горькая потеря, о которой сокрушается поэт в приведенном мною отрывке...

– А чьи это стихи? – задал обдуманно-целенаправленный вопрос Купец, не без оснований опасавшийся, что следующим на очереди отвечающих окажется он, и пытающийся таким, уже апробированным, способом оттянуть момент неизбежной расплаты за злостно невыученный урок.

– Шекспир в переводе Маршака. Девяностый сонет. Что-то не так?

– Не знаю, – капризным тоном избалованного поэтическими шедеврами знатока молвил Купец. – Может, это и Маршак в переводе Шекспира, а может, наоборот, Омар Хайям в переводе Ходасевича...

– Нам, Брамфатуров, переводы без надобности! Ты нам оригинал давай, а мы сравним, Шекспир это или Саят-Нова, – не скрывая скепсиса заслуженного шекспироведа, распорядился Чудик Ваграмян.

Биологичка в полной растерянности хлопала глазами, дивясь на невероятное и, тем не менее, очевидное Божие чудо: на то, как двое завянутых неучков рассуждают о поэзии, причем не

---

²² Без проблем, мой дорогой учитель (англ.).

о каком-нибудь уличном ашуге, с его тюремной лирикой и музой-рецидивисткой (Вах, какая доля воровская – Сижу я за каменной решеткой – А тачка-тачка лагерный жена...), а о самом Уильяме, понимаешь, о Шекспире!

Брамфатуров между тем, не входя в препирательства, покладисто выдал то, что назвал 90-м сонетом, на языке оригинала:

Then hate me when thou wilt, if ever, now
Now while the world is bent my deeds to cross,
Join with the spite of Fortune, make me bow,
And do not drop in for an after-loss.

– Hate – значит «ненавидеть», – включилась в диспут Маша Бодрова. – Что-то я не заметила в твоём переводе никакой ненависти...

– Это не мой перевод, это – Маршака. Но если тебе, Маша, необходима ненависть, то есть перевод Кушнера, в котором она присутствует.

Уж если так – возненавидь скорей,
Покуда мир навис свинцовой тучей...

– Врет твой Кушнер, нет там никаких туч! – радостно прервал чтеца Седрак Асатурян. – Туча по-английски cloud, а это слово в оригинале отсутствует!

– Правильно Седрак говорит, – вмешался будущий калифорнийский обыватель Артур Гасамян, – нет там никаких туч, а есть смерть на кресте...

– Так я и знал! – вскричал Ерем в негодовании. – Опять этот Брамфатуров нас за нос водит!

– На каком еще кресте! – пришла в себя Вилена Акоповна. – А ну прекратить безобразничать! Брамфатуров, это все ты виноват! Не смей отвлекаться! У нас урок биологии, а не литературы... и даже не физики, – мстительно ввернула Антилопа. – Или ты отвечаешь, что ты знаешь о почковании «во-вторых», или получаешь все свои девять двоек и...

– И отправляюсь на крест вслед за Христом и Шекспиром? – сострил безобразник, но тут же выразил горькое сожаление по этому поводу: – Вилена Акоповна, каюсь, это была дурацкая шутка, достойная какой-нибудь безмозглой амебы, а не высшего млекопитающего, к числу которых я, к вашему глубочайшему сожалению, принадлежу. Итак, во-вторых, я знаю, что почкованием занимаются некоторые многоклеточные организмы. Например, пресноводная гидра. Прошу не путать ее с Лернейской гидрой, ставшей второй жертвой отморозка Геракла. Хотя Лернейская гидра и жила в болоте, то есть тоже была пресноводной, но по размерам несколько отличалась от простейшей своей тезки. И не только по размерам, но и по способу размножения. Если обычная пресноводная гидра почкуется с помощью группы клеток обеих слоев стенки тела, то Лернейская разновидность гидр размножается совершенно иначе и лишь в специфических условиях смертельной опасности. Это даже нельзя назвать размножением в обычном смысле слова, поскольку появление новой особи происходит по принципу народной поговорки – «за одного битого двух небитых дают». То есть вместо одной удаленной с помощью дубинки головы, вырастают сразу две новые. Причем, судя по сказаниям о Геракле, новорожденные головы уже обладают житейским опытом, отличают врагов от друзей и одержимы зверским аппетитом...

– Можно вопрос, Вилена Акоповна? – рванул в водоворот науки все тот же Чудик Ваграмян.

– О чем? – бдительно насторожилась биологичка.

– О Керинейской лани, – намекнул какой-то грамотей, вроде бы к месту и ко времени, да не тому, кому следовало об этом намекать.

– Нет, не о лани, – отверг подсказку Чудик. – Я хотел спросить, что такое отморозок?

– Это, Ваграмян, гомо сапиенс, который вопреки своей конституции сумел впасть в анабиоз и отморозить себе всю нравственность.

– Что за антинаучная дичь! – всплеснула руками Антилопа. – Гомо сапиенс, которого вы еще не проходили, не может впасть в анабиоз, он для этого слишком теплокровен и умственно развит. Если же ты подразумеваешь летаргию...

– Вилена Акоповна, я имею в виду не летаргию и не обычный, присущий всяким там беспозвоночным анабиоз, а нравственный, то есть тот, в который в состоянии впадать только люди, как единственные носители нравственного чувства. Геракл в их числе...

– Постой, какое еще нравственное чувство?! И причем тут Геракл, когда речь у нас идет о простейших и бесполом размножении? Опять от темы урока в сторону улизнуть норовишь, Брамфатуров! Учти, у меня этот фокус не пройдет! Или ты отвечаешь так, как полагается ученику отвечать урок, или получаешь свои заслуженные двойки и садишься на место. Так что выбирай!

Брамфатуров тяжело вздохнул и горестно уставился в пространство.

– Что, проблемы с памятью, Брамфатуров? – осведомилась со всем доступным ей сарказмом училка.

– Затрудняется с выбором, – предположил Грант Похатян и, сокрушенно покачав головой, объяснил, – очень уж он у него богатый...

Последовавшие вслед за этой репликой хихиканья снисходительности биологичке не прибавили.

– Ну что ж, Брамфатуров...

– Вилена Акоповна, а можно я перейду сразу к обобщениям?

– Каким еще обобщениям?

– Научным. Биологическим. Эволюционным.

– По теме урока?

– По ней, голимой. Итак, «во-вторых» у нас уже было, ничем хорошим, кроме возмутительных смешков, оно в смысле отметок не ознаменовалось. Попробуем «в-третьих», вдруг ему повезет больше, чем двум предыдущим. Итак, в-третьих! В-третьих, нам известно, что природа во всем, что касается низших форм, предельно рациональна. Или, как изволил выразиться Шарль Луи Монтескье, «Природа всегда действует не спеша и по своему экономно». Бесполое размножение при достаточном разнообразии его форм ставит некий барьер, каковой под силу преодолеть только считанным организмам, да и то лишь в результате редких мутаций. Последние же напрямую зависят от доли «молчащих» участков ДНК, в которых накапливаются изменения до тех пор, пока не возникнут возможности участия этих участков в реакции на изменение внешних условий, то есть в переходе их из «молчания» к эффективной для организма работе. Для сравнения, доля «молчащих» участков ДНК человека составляет 99 процентов, тогда как, к примеру, у бактерий не достигает и одного. А это приговаривает последних к однотипному повторению одних и тех же форм, что при изменении условий среды обитания чревато гибелью всего вида.

– Например? – потребовала биологичка.

– Например, первичные простейшие формы жизни на Земле, у которых энергетика была построена на анаэробной, бескислородной основе, а кислород выделялся в качестве побочного продукта. И навывделяли эти простейшие, в конце концов, столько кислорода, что возникли организмы с энергетически более выгодным кислородным обменом, которые в итоге и уничтожили скудоумных анаэробов. Хотя, конечно, бесполое размножение бессмертно и сколько бы ни длилась эволюция, сколь бы прихотливо ни спиралась оттуда через сюда и в вечность, все-

гда, на любой стадии развития, сыщется какая-нибудь одноклеточная тварь, которую хлебом не корми, дай только поразмножиться путем бесконечного деления одного и того же на самое себя. И даже не обязательно одноклеточная, подобные бесполое эксцессы порой случаются и с высшими млекопитающими, чему примером всем нам хорошо известная Цовинар, умудрившаяся забеременеть Санасаром и Багдасаром от полутора пригорошен пресной воды²³... То ли дело, леди и джентльмены, размножение половое! Любо-дорого посмотреть, понаблюдать – пусть даже в замочную скважину, – не говоря уже о том, чтобы самому принять в этом сладостном процессе деятельное участие...

– Стоп, Брамфатуров! Достаточно! О половом размножении нам расскажет кто-нибудь другой. И не смей там хихикать!

– Правильно, Вилена Акоповна, – подхватили Купец, Чудик и другие, справившиеся с крамольным хихиканьем, товарищи с задних парт. – Пусть Седрак расскажет. Он уже давно рвется отвечать. Правда, Сето?

Это было неправдой. Никуда Седрак не рвался. Уже целых 10 минут не тянул руки, не ерзал, не порывался. Должно быть, вконец отчаялся бедняга заслужить сегодня свои привычные пятерки.

– Не надо Седрака, – возразили леди и джентльмены с парт передних. – Ничего интересного он нам не расскажет. Небось, заведет волюнку о пестиках и тычинках...

– А вам о чем бы хотелось, бесстыдники!

– Что вы, Вилена Акоповна, – взял под защиту нелюбителей ботаники Брамфатуров, – какие же они бесстыдники? Как особи они отличаются повышенной стыдливостью. А в еще большей степени – неимоверной любознательностью. Любознательность же, как известно, есть тот признак, отбор по которому оказался эволюционно более выгодным, чем отбор по силе, росту и охотничьим навыкам. А если учесть, что согласно Евангелию от Дарвина, человек есть не что иное, как выродившаяся от порочного любопытства и непосильного труда обезьяна, сама себя изгнавшая из райских кущ естественного отбора в социальный ад исторического существования, то становится понятным, почему только человек нуждается в хорошем воспитании, тогда как прочая живность умудряется обходиться без этих пропедевтических тонкостей. Так вот, именно отменная воспитанность не позволяет моим одноклассникам в тридесятый раз с умным видом выслушивать захватывающие истории о пестиках, тычинках, паутинках и прочей Божьей мелочевке. Им куда интереснее узнать, наконец, из чего состоит мейоз, что такое диплоидный набор хромосом, и вообще – в чем заключается эволюционное преимущество полового размножения в сравнении с бесполом. Правда, ребята?

– Ага! – подтвердили самые любознательные из стыдливых и воспитанных. – А еще о сперматозоидах, яйцеклетках и оплодотворении!

– Ни в коем случае! – запротестовала училка. – Представляю, что ты им наговоришь!

– Согласен вообще обойтись без единого слова, Вилена Акоповна, берусь поведать обо всем об этом единственно с помощью пантомимы...

– Только не показывай на себе – плохая примета!

– Еще один такой похабный выкрик с места и я ставлю Брамфатурову два и задаю всему классу самостоятельную письменную работу!

– На какую тему, Вилена Акоповна? – оживился заскучавший Седрак.

– Тычинок и пестиков, – опередил учительницу Грант Похатян.

– Вот-вот, – подтвердила искренность своих кровожадных намерений Антилопа.

– Вилена Акоповна, мы больше не будем! Только не надо о пестиках, не надо о тычинках – мы же все тут от скуки зачихнем!..

– А вот и не все, – возразил Седрак – а только некоторые...

²³ Аллюзия из армянского народного эпоса «Давид Сасунский».

– Сам ты некоторый, отморозок-геразанчик!²⁴ – обиделся за всех противников тычинок и пестиков Чудик Ваграмян.

– Ваграмян! Как тебе не стыдно! Извинись или выйди из класса! – решительно взяла бразды педагогического правления в свои руки биологичка.

– За что, Вилена Акоповна? – впал в глубокое недоумение Ваграмян. – За то, что отличником назвал?

– Не прикидывайся, Вардан! Ты прекрасно знаешь, за что ты должен извиниться.

– Вилена Акоповна, – вмешался Брамфатуров. – Разрешите я ему объясню. А то знать-то он, конечно, знает, да только осознать не может. Отморозок, Вардан, это, как уже говорилось, человек, лишенный нравственных ориентиров, что, как ты теперь понимаешь, абсолютно не применимо к нашему Седраку, у которого нравственные ориентиры как раз определены и незыблемы: золотая медаль – красный диплом – кандидатский минимум – докторская диссертация – профессорско-преподавательский состав – международные симпозиумы – научные работы – Госпремия – атараксическая старость – склероз – маразм – сердечная недостаточность – преждевременная кончина на 91-м году жизни – барельеф над входом в нашу школу: здесь учился, но, слава Богу, не жил выдающийся пестиклюб и тычинковед Седрак Амазаспович Асатурян...

– Вай-вай-вай! Аман-аман-аман! – запричитал профессиональной плакальщицей Гасамыч, припав мокрой щекой к плечу отбивающегося от посмертных почестей Седрака. – Бедный Сето! И ста лет не протянул, совсем молодой помер! Вай-вай-вай! Քնիւիւիւիւ Խ²⁵...

– Я не Амазаспович!

– Первая парта, прекратить истерику! – прикрикнула на всякий случай Антилопа.

– Надеюсь, Чудик, теперь тебе ясно, что ты совершенно зря обозвал нашего Нобелевского лауреата отморозком?

– Теперь ясно, – кивнул повинной головой Ваграмян, однако тут же вернул ей прежнюю осанку гордого любопытства: – А как надо было?

– А надо было подойти к нему и в ножки ему поклониться, как старец Зосима будущим страданиям Дмитрия Карамазова. Хотя, разумеется, страдания Мити Карамазова не идут ни в какое сравнение с теми, что ожидают нашего Седрака...

– Вилена Акоповна, – попросил совершенно присмиривший, вставший на путь исправления и нравственного самосовершенствования Чудик Ваграмян. – Можно выйти, Асатуряну в ножки поклониться?

– И мне!

– И я хочу будущим страданиям Нобелевского лауреата...

– А коллективные заявки принимаются?

– Седрак, ты хоть ноги сегодня мыл?

– А ну все замолчали! Тихо, я сказала! Опять тебя, Брамфатуров, в литературу завернуло! Но я не Эмма Вардановна, мне мой предмет дороже! Или ты сейчас же, немедленно отвечаешь, что такое...

– Аденозинтрифосфорная кислота?.. Синтез биомолекул?..

– Нет, – удивленно протянула биологичка, однако тут же взяла себя в руки. – Нет, отвечаешь, что такое мейоз...

– О Господи, всего-то? – обрадовался Брамфатуров. – Отвечаю немедленно, безотлагательно, тотчас: мейоз – это период созревания, в котором, как и в митозе, выделяют четыре, следующие друг за другом фазы: протозофаза, метафаза, анафаза...

---

²⁴ От армянского «գերանիկ» – отличник.

²⁵ Ослепнуть мне (армян.).

– И фас на колбас! – вдруг разродился каламбуром позабытый всеми Ерем Никополян. Между прочим, к всеобщему восторгу заскучавших от обилия научной терминологии учащихся масс.

Расплата последовала незамедлительно. И была она жестокой. Любое искусство требует жертв. Но искусство острословия требует их в неограниченных количествах.

– Никополян, вон из класса!

– Иду, уже иду, Вилена Акоповна, только двойку не ставьте!..

– Вот как раз двойку я тебе и поставлю, если не скажешь как называется последняя стадия мейоза... Всем молчать! Ни звука! Подсказчику – три двойки! Я не шучу!

Поскольку Ерем был от рождения косоглаз, точно определить направление его взгляда было практически невозможно. Каждый, находившийся в пределах его окоема, мог глубоко заблуждаться на свой счет, полагая, что Ерем смотрит на него, или воображая, что в другую сторону. В данной конкретной ситуации это обстоятельство привело к оцепенению почти половины класса. Каждый вдруг впал в сомнения: а на меня ли тарачится Ерем, чтобы мне в мимических подсказках изощряться? И действительно, Ерем тарачился не на них, он уставился на Брамфатурова, хотя сам Брамфатуров, исподтишка показывавший глазами на свой торс, а губами изображавший беззвучное слово «фаза», в этом не был уверен.

– Грудная жаба, – догадался понятливый Ерем.

– Как прикажешь тебя понимать?

– Ну это... это, – покрылся пунцовыми пятнами девичьего смущения Никополян, – это когда... когда, в общем, молоко пропадает...

– Правильно, Ерем! – поддержали его отдельные знатоки грудных жаб. – А еще когда мацун, сметана и другие молочные продукты питания...

– Спас²⁶ тоже? – встревожился Чудик.

– Садись, два, Никополян!

Ерем сел, хлопнув крышкой парты от досады, и нервно забарабанил пальцами, не желая слушать ничьих увещаний, предлагавших ему радоваться тому обстоятельству, что из класса его не выгнали. И он был прав в своем упрямстве. Радоваться тут было нечему. Вот если бы случилось наоборот: из класса выгнали, а двойки не вlepили, тогда да, тогда действительно можно было бы скромно порадоваться такой удаче: и ты уроку не мешаешь, и он тебе не в тягость. Всего-то делов – на завуча в пустынных коридорах не нарваться. А для того, чтобы это не произошло, имеется подвал: кури себе в полной и отдохновенной темноте, свободой наслаждайся... Словом, Ерему было о чем горевать, хлопать крышкой парты и нервно барабанивать пальцами.

– А Брамфатурову – пять! – внесла предложение Лариса.

– Сколько? – в очередной раз усомнилась в собственном слухе Антилопа.

– Пять, – повторила, вставая, Лариса. – Ставлю вопрос на голосование. Голосуют только комсомолцы. Кто за то чтобы оценить знания Брамфатурова высшим баллом?

– Стоп, Мамвелян! Разве Брамфатуров комсомолец?

– Я сочувствующий, Вилена Акоповна, – застенчиво признался Брамфатуров и, не снеся недоуменного взгляда, пояснил: – Ну да, изо всех сил сочувствую делу построения бесклассового общества в отдельно взятой стране. Если думаете, что это легко, попробуйте сами...

– Вов, лучше молчи! – посоветовал Грант.

– И потом мы взяли над ним шефство, Вилена Акоповна. После того, что случилось...

– А над Никополяном не взяли? Странно...

---

²⁶ Разновидность молочного супа из дробленой пшеницы и йогурта, именуемого в России «болгарским», в Грузии – «мацони», у армян – «мацун».

– А над Никополяном взял шефство районный невропатолог, – доложил Татунц, то ли притомившийся от постоянного шепотливого общения с новенькой, то воспользовавшийся оказией блеснуть остроумием. Лучше бы воздержался. Ерем отреагировал мгновенно: выворотил многострадальную крышку парты из петель и, угрожающе стуча ребром оной, проинформировал 9-а о том, что над Татунцем взял шефство главный сексопатолог республики, изучающий половые проявления сосущих инфузорий. Больше всех веселился милой шутке многоумный Боря Татунц, демонстрируя оскорбленному Ерему большой палец в знак своего особого восхищения его остроумием.

– Никополян! Если к следующему уроку не приведешь парту в порядок, я... я не знаю, что с тобой сделаю! – призналась биологичка.

– Было бы справедливо, если бы ему в этом помог Татунц, – высказала свое мнение Лариса Мамвелян.

– Вот именно, – согласилась с нею сердобольная половина 9-а.

– Я не понял, мы голосуем или не голосуем? Сколько можно с поднятой рукой сидеть? – спросил Седрак Асатурян у комсомольского актива.

– Ой, держите меня, девочки, – Седрак устал с поднятой рукой сидеть! – воскликнул его сосед Гасамыч и попытался повалиться спиной на заднюю парту, что с его малым ростом сделать было довольно сложно.

– Как?! Седрак?! Ты за то, чтобы я удостоила Брамфатурова пятерки? – пришла в изумление Вилена Акоповна.

– Ну да, – покраснел отличник. – А что тут такого? Я конкуренции не боюсь...

– И правильно делаешь! – похвалил его Грант Похатян. – И вообще, ты это здорово придумал, Сето, – вызвать Брамфатурова на социалистическое соревнование. Мы это дело на ближайшем собрании запротоколируем. И в стенгазете упомянем, как славный почин нашего будущего медалиста, правда, Маша?

Маша Бодрова как редактор стенгазеты согласно кивнула и озабочено добавила несколько профессиональных подробностей предстоящей публикации, таких как пространное интервью, фотографии, выписка из протокола собрания...

– Все это, конечно, замечательно, – стала возражать биологичка, – но пятерки ваш Брамфатуров своим ответом пока не заслужил.

– А вы ему дополнительные вопросы задайте, Вилена Акоповна, – предложил Седрак и подмигнул своему социалистическому конкуренту: дескать, держись, учись, думаешь, легко эти пятерки даются...

– Нет, Седрак, лучше мы их зададим, – не согласился Гасамыч. – Правильно, Вилена Акоповна?

– Смотря какие, – уклонилась от ответа по существу Антилопа.

– Интересные, по теме урока, – пришел на выручку Артур Янц.

– Это как? – удивились в классе.

– А вот так. В самом начале своего ответа Брамфатуров упомянул о днях творения, которые затем сравнил с геологическими эпохами как вехами эволюционного развития организмов. Мне, как комсомольцу, а следовательно, безбожнику, хотелось бы знать, каким образом сами церковники объясняют эту несуразицу: с одной стороны – шесть дней творения, которые потрясли мир, с другой – сотни миллионов лет развития, как это неопровержимо доказано наукой?

– И ты, Янц, считаешь, что задал вопрос по теме урока?

– Спасибо, Вилена Акоповна, за благородное намерение защитить меня от провокаций, но я постараюсь с честью выбраться из той непростой ситуации, в которую меня вогнал этот каверзный дополнительный вопрос, – произнес Брамфатуров, едва сдержавшись от соблазна подмигнуть невозмутимому Артуру.

– Церковники, а точнее, экзегеты...

– А это кто такие?

– Экзегеты – это комментаторы, или как утверждает в своем «Карманном богословии»

Поль Гольбах, «ученые люди, которым с помощью мучительных для ума изощрений удается иногда согласовать Слово Божие со здравым смыслом или найти словесное выражение, которое несколько облегчает бремя веры». Конец цитаты. Так вот, экзегеты сочинили множество интерпретаций шести догматических дней творения, призванных увязать божественную неделю творческого подъема с космогоническими данными науки. Самой удачной с точки зрения ортодоксального богословия является так называемая визионерская теория. Согласно этой теории библейские рассказы о сотворении мира есть не фактически-детальное воспроизведение всей истории процесса мироздания, но лишь только его важнейших моментов, открытых лично Господом Богом первому человеку в особом видении. Ну, то есть дело происходило следующим образом, если говорить упрощенно и по существу. В первый день творения человеку было показано, как Бог сотворил небо и землю, какой безвидной и пустынной была эта земля, какая жуткая тьма царил над бездною, и как Дух Божий носился над водою, дивясь своей безутешности. Затем он узрел, как Бог сказал: да будет свет, и стал свет, и как Бог увидел, что свет хорош, что было истинной правдой, ибо не будь света, что бы увидел Господь? Тут можно заметить, что Бог похвалил не только свет и даже не столько свет, сколько замечательные свойства зрения, которые остались бы втуне, не догадайся он произнести этой сакраментальной фразы электрика: да будет свет... Затем Бог отделил свет от тьмы, видимо, чтобы их не путали, и назвал для вящей ясности свет днем, а тьму – ночью. И так далее, и тому подобное, и так всю неделю узревал духовными очами первочеловек процесс Господнего созидания вселенной, вплоть до дня седьмого, когда Создатель почил от всех дел Своих, которые делал, и продолжает, судя по всему, почивать по сию пору почетным небесным пенсионером вселенского значения. Вот такая вот визионерская теория, доказывающая, по мнению ее автора, что и Библия права, и наука не слишком ошибается. Не знаю как у вас, господа, а у меня она вызывает некоторое недоумение...

– А у меня не вызывает! – сварливо заметил Чудик Ваграмян.

– Да? – изумилась биологичка, слушавшая дотеле довольно благосклонно. – Интересно почему?

– Потому что если плана накуриться, и не такое увидеть можно...

– А ты что, курил?

– Я?! Да я вообще ничего крепче лимонада не употребляю!

– Когда трезвый, – пояснил Ерем и первым расчихикался над собственной шуткой.

– И какие же недоумения вызывает у тебя эта теория? – полюбопытствовал Янц.

– А он уже сказал какие, не слышал, что ли? Не-ко-то-рые, – сподобился реплики Сергей Бойлух.

– Ш-ш-ш, – зашипели на него комсомольцы, – хоть ты бы, Бойлух, не возникал! Ш-ш-ш...

– Во-первых, отмечу любопытную экзегетическую закономерность: там, где Бог и его славные деяния поддаются хоть какому-то, пусть самому вымученному объяснению, там его пресловутая неисповедимость немедленно оборачивается экзегетической целесообразностью. Предлагается не вспоминать о всемогуществе Божьем, который мог бы, но почему-то не захотел внедрить в сознание своего первенца любые понятия, в том числе хронологические, всякие там эры, калпы, эпохи, а предпочел, чтобы любимая тварь его путалась в трех соснах, обрекая затаившихся в далеком будущем защитников Слова Божия на беспросветную муру хиленьких комментариев и малоубедительных теодицей. Спрашивается, зачем было Богу являть этапы своего большого творческого пути, если человек их все равно не понял адекватно, переистолковав на свой заскорузлый лад? Не лучше было бы прокрутить это кино непосред-

ственно экзегетам, – тогда бы всякие вопросы отпали, поскольку эти господа без труда смогли бы объяснить божественное происхождение вселенной в терминах, удовлетворительных для ученых мужей: геологов, биологов, астрономов...

– Почему же только мужей? – оскорбилась за весь женский пол молчаливая Асмик. – Разве среди ученых нет женщин?

Тут даже настороженно внимавшая Брамфатурову Антилопа была вынуждена выдавить из себя некое подобие снисходительной улыбки. Подобие удалось: в классе захихикали, причем иные – неизвестно чему.

– Да потому что это просто формула речи, Асмик, – ринулся ликвидировать отдельные проявления фразеологической безграмотности Бабкен (он же Боря) Татунц, но понимания среди косной массы не встретил. Среди не косной, впрочем, тоже.

– Хорошо, Асмик, – соглашательски кивнул Брамфатуров, – пусть будет «и для ученых жен» в том числе...

– Ты имеешь в виду синих чулков? – блеснул осведомленностью будущий медалист.

– Ну, чулки уже не в моде, – оповестил общественность 9-го «а» еще более осведомленный в этом вопросе Гасамыч. – Теперь все только колготки носят. Правильно я, девочки, говорю?

– Правильно, – отозвалась Оля Столярова и нежно зарделась.

– Ладно, пусть будут «синие колготки», – нехотя согласился Седрак.

– Хотя в этом случае совершенно непонятно о ком идет речь...

– Очень даже понятно о ком. О дурах в синих колготках, – возразила отличнику Асату-ряну отличница Бодрова.

– Синие колготки – какой ужас! – воскликнула Карина.

– Леди и джентльмены, предлагаю закончить эту шмоточную дискуссию полюбовно, иначе меня опять обвинят в злостном уклонении от темы, на этот раз – в область высокой моды, тогда как видит Бог, я от нее так же далек, как...

– Как Ерем от философского спокойствия, – ляпнул к собственному удивлению Сергей Бойлух и, привычно прыснув, уткнулся лбом в стиб локтя помирать со смеху, как если бы остроумничал кто-то другой, кому по штату положено это делать.

Ерем, расслышав только свое имя, вскочил из-за парты, многоопытно полагая, что ни с чем хорошим это слово не свяжут, не соположат и не ассоциируют. Однако Ларисе удалось опередить очередное извержение вулкана.

– Хватит Ерема дергать! Ты-то, Бойлух, больно философичный! Да тебе палец покажи – ты же со смеху окочуришься!

И дабы подтвердить гипотезу экспериментом, Лариса немедленно показала Бойлуху свой указательный палец. Бойлух едва не задохнулся от охватившего его веселья, но все-таки выжил. Эксперимент не удался. Комментарий Брамфатурова (*A la bouche du sot le rire abonde*²⁷) повис в воздухе, не встретив ни у кого, кроме Вилены Акоповны, вскинувшей в приятном и неожиданном удивлении обе брови, никакого понимания.

Умиротворенный Ерем плюхнулся обратно, благодарно поглядывая на Ларису и вместе с тем мучительно размышляя: не будет ли дерзостью с его стороны сказать ей «*սիրիսի Լարիսի*»²⁸.

– Я так и знала, что из всей этой затеи с вашими дополнительными вопросами получится какое-нибудь безобразие, – поделилась с классом своим пророческим даром Вилена Акоповна. – Садись, Брамфатуров. *C'est dommage!*..²⁹

– Пять?

---

²⁷ Смех без причины – признак дурачины (фр.).

²⁸ Здесь: «молодец, Лариса» (армян.).

²⁹ Жаль (фр.).

– Шесть. В рассрочку...

– А во сколько взносов, Вилен Акоповна, в три или в два? – деловито осведомился понятливый Седрак.

– Я протестую! – заявил Брамфатуров. – Кредит – дело добровольное. А я привык платить всю сумму разом, причем наличными. Не доводите меня до крайности, Вилен Акоповна! Не оставляйте весь наш 9-а во мраке религиозного невежества. Это не просто не педагогично, но я бы рискнул сказать, политически вредно и идеологически близоруко. Дайте досказать – развеять последние сомнения относительно зерна истины, якобы содержащегося в священных писаниях древних иудеев...

– Совершенно верно! Правильно! Вилен Акоповна, не оставляйте наши юные души на откуп попам! Христом Богом просим! – понеслись мольбы с парт, причем, чем дальше парта находилась, тем убедительнее неслась мольба.

– Хорошо, но с одним условием, – сдалась биологичка. – При первом же безобразии с мест, задаю всему классу самостоятельную письменную работу.

– Согласны!

– Продолжай, Брамфатуров, только учти, любое отклонение от темы будет считаться безобразием...

– Agreed, I have no choice.³⁰ Итак, с визионерской теорией мы покончили. Она нас не удовлетворила. Но есть куда более интересное объяснение шести дней творения. Оно принадлежит отцу Эдмунда Госса Филиппу Генри Госсу, натуралисту и богослову, страстному противнику эволюционизма. Пытаясь примирить Господа Бога с рептилиями, а сэра Чарльза Лайелла с библейским Моисеем, считающимся автором первых пяти книг Писания, этот Госс выдвинул следующую теорию. Все свидетельства биологов и геологов в пользу древности мира – абсолютно верны, но с лишь с той поправкой, что именно Господь их создал такими за все те же шесть дней творения; создал так, как если бы мир, будучи на самом деле новым с иголки, обладал древней историей...

– То есть получается, что Бог закопал всех доисторических животных, устроил залежи угля и нефти, причем именно таким образом, чтобы могло показаться, будто для их возникновения понадобились десятки миллионов лет?

– Сечешь с лету, Седрак! Садись пять! Правда, Вилен Акоповна?

– За что? – вздрогнула биологичка. – За такую дичь?

– Вот именно! – поддержала учительницу староста класса Лариса Мамвелян. – Это не теория, а издевательство над здравым смыслом!

– Бертран Рассел, которому и карты в руки, утверждает, что с логической точки зрения невозможно доказать, что эта теория не верна. В самом деле, если теологи пришли к единому мнению о том, что у Адама и Евы имелось по персональному пупку, несмотря на то, что сотворены они были лично Господом Богом, а не родились обычным, как все последующие люди, способом, то почему бы не распространить аналогию и на все прочее, что было создано Богом за шесть дней? Все, что было им создано, было создано так, как если бы оно не было создано, а возникло естественным путем.

– Если я правильно понимаю, вопрос: «зачем ему это понадобилось?», неуместен, поскольку ответом будет намек на неисповедимость Господню, – с церемонной почтительностью констатировал Артур Янц.

– Не обязательно. Можно сослаться, например, на Августина Аврелия. В одиннадцатой главе своей «Исповеди» этот святой так отвечает на вопрос «что делал Бог до сотворения неба и земли?»: «до создания неба и земли Бог ничего не делал. Делать ведь для него означало творить». Отталкиваясь от этого постулата, можно без труда прийти к выводу, что для Бога было

---

³⁰ Согласен. У меня нет выбора (англ.).

предпочтительнее сотворить мир по Филиппу Госсу, чем по визионерской теории, поскольку такое сотворение более подобает его всемогуществу...

– Но это ведь антинаучно, правда, Вилена Акоповна? – обратилась за поддержкой к старшему товарищу идейная материалистка и атеистка Лариса Мамвелян.

– Правда! – откликнулся старший товарищ. – Причем не просто антинаучно, но еще и самым вредным образом...

– Зато – не подкопаешься. Не чета той гипотезе, которую Вова назвал визионерской, – не скрывая удовлетворения, заметил Артур Янц. – Брамфатуров достоин пятерки, Вилена Акоповна...

– Даже двух, – поддержал Артура Седрак. – Одной по биологии, другой – по закону божьему...

– Ты мне льстишь, Седрак, – не принял дополнительной награды Брамфатуров. – Если б я действительно отвечал урок Закона Божия, то, боюсь, больше тройки не удостоился бы. Потому как не смог бы на полном серьезе изложить все эти мечтанья сердец человеческих – систематизированных, канонизированных, возведенных в догмат, в который можно только верить, но ни в коем случае не обсуждать. Нет, честное слово, ребята, спасибо большевистскому перевороту и лично Владимиру Ильичу Ульянову-Ленину за детство без обязательного закона Божия, за отрочество, свободное от принудительного изучения Библии. Сами прочтем, сами пойдем, сами выработаем соответствующее к ней отношение. Воистину, господи, слава тебе, КПСС!

Класс застыл с недоуменными полуулыбками на устах. Их еще именуют дурацкими. Одна только биологичка сумела сохранить невозмутимое выражение лица.

– Приятно от тебя это слышать, Брамфатуров, – заметила она рассудительно. – А то тут некоторые того и гляди ударятся в богоискательство...

– То есть впадут в антинаучную ересь, правильно я говорю, Вилена Акоповна?

– Неправильно, Мамвелян! Впадают в ересь только верующие, а материалисты могут лишь невольно ошибаться...

– Принимая желательное за действительное? – уточнил Брамфатуров. – По-моему, это общее родовое свойство человечества. Так сказать этограмма его существования. Стоит кому-нибудь чего-нибудь померещиться – натошак, сдуру или в результате страшного прояснения мыслей, – и вот нам, пожалуйста: летающая посуда, Бермудский треугольник, лохнесское чудовище, телепатия, экстрасенсорика, телекинез... Все в точности по старине Лукрецию: *Avidum genus auricularum*. Что в переводе с латинского означает: человеческий слух до всяких рассказов падок.

В классе возроптали. Не все, но отдельные представители неординарно мыслящей части.

– Но в Бермудском треугольнике действительно происходит что-то странное: исчезают корабли, самолеты... Это неопровержимый факт!

– Лохнесское чудовище вовсе никакое не чудовище, а уцелевший с древнейших времен пресноводный динозавр...

– А я по телику видела, как Мессинг читает мысли. Это тоже факт!

– А неопознанные летающие объекты, между прочим, даже на киноплёнку засняты...

– Так! – встала из-за стола Антилопа. – Вы, я вижу, просто мечтаете написать сегодня самостоятельную работу о пестиках и тычинках. Ну что ж, радуйтесь, 9-а, вы своего добились...

– Вилена Акоповна, – ринулся на амбразуру с встречным предложением Грант Похатян, – пусть Вова научно объяснит все эти факты с точки зрения биологии. В качестве ответа на дополнительный вопрос. А вы, если что, поправите. А некоторые, если что, будут держать свои языки за зубами...

– А если не будут, то без родителей в школе завтра не появятся, – дополнила героический порыв комсорга Похатяна губительной угрозой с фланга староста Мамвелян.

– А если...

– А если что, Вилен Акоповна, ставьте мне все мои заслуженные девять двоек. Deal?³¹

– Согласны? – дипломатично перевел Гасамыч.

– А то я без тебя бы не поняла, – оскорбилась Антилопа, изучавшая, как, наверное, уже догадался сметливый читатель, в школе, в университете и в свободное от работы и ведения домашнего хозяйства время язык Гюго, Дюма и Ромэна Роллана.

– Parfaitement!³² – моментально сориентировался в вавилонском столпотворении Брамфатуров. – Bien, mon aimable madam Vilen?³³

– Oui, mon enfant terrible!³⁴ – не сдержала довольной улыбки биологичка. Однако тут же взяла себя в руки: – Но только не девять, а десять двоек, включая за сегодняшний невыученный урок. Deal, Брамфатуров?

– Grâce!..³⁵ А впрочем, n'imororte!³⁶ Qui vit sans folie n'est pas si sage qu'il croit.³⁷ Итак, с чего начнем, господа? С летающих тарелок?

В ответ – подавленное молчание девятого «а», скорее во фрейдовском смысле (Suppression), чем в собственном. Особенно несчастным чувствовал себя Чудик Ваграмян, которому окружающие не позволили вклинуться в великосветскую беседу со своим прочувствованным французским словом: «де манже квасе де хиярэ»...

– С лохнесского чудовища, – решительно определилась Вилен Акоповна. – И учти, Владимир, любое отклонение в сторону от биологии карается двойками лично тебе и самостоятельной письменной работой для всего класса.

– О боги! спрямите стези моей речи! – взмолился Брамфатуров, однако тут же посерьезнел и приступил, говоря: – Итак, шестьдесят пять миллионов лет тому назад на нашей планете случилась страшная катастрофа: то ли шальной метеорит, размером в два Арарата в нее врезался, то ли загулявшая комета меньших размеров, но с большей кинетической энергией по Земле-матушке нашей шандарахнула – в точности неизвестно. Известно, что последствия были ужасающими для организмов, которым довелось жить в то время, а именно в точке смены мелового периода периодом третичным. Поднялась такая пылица, что бедные организмы света не взвидели. В результате прекратился всякий фотосинтез, что повлекло за собой обрывы в пищевой цепочке биосферы, а это, в свой черед, привело к повальному вымиранию тысяч видов животных. Особенно досталось древним рептилиям, именуемым динозаврами. Лишь нескольким, относительно небольшим по размерам тварям удалось дожить до наших дней, все прочие преставились без всякого благословения. Кстати, водным рептилиям пришлось еще хуже, чем сухопутным, поскольку цикл преобразования биологического углерода в воде, в частности, в океане, короче. Inter alea³⁸, небольшие млекопитающие, существовавшие в то время и не имевшие в царстве динозавров особых эволюционных перспектив, выжили. Так что причинная связь между вымиранием динозавров и антропогенезом, очевидна.

– Մտնուիլ բի էս րսիլ հիսլիցուի³⁹ – пробормотал Чудик себе под нос, но поскольку в классе стояла неслыханная со времен катастрофы мелового и третичного периодов тишина,

³¹ Заметано? (англ.).

³² Совершенно верно! (фр.).

³³ Хорошо, моя любезная мадам Вилен? (фр.).

³⁴ Да, мой ужасный ребенок (фр.).

³⁵ Помилуйте! (фр.).

³⁶ Ну и пусть! (фр.).

³⁷ Кто не знает безумств – не столь мудр, как он полагает (афоризм Ларошфуко) (фр.).

³⁸ Между прочим (лат.).

³⁹ Помереть мне, если я что-нибудь понял! (армян.).

получился выкрик с места. Однако Антилопа отреагировала куда педагогичнее, чем ожидалось.

– Кто еще ничего из сказанного Брамфатуровым не понял? Ты, Янцзы?! Странно...

– Я не понял, какое отношение имеют вымершие динозавры к лохнесскому чудовищу. То, что оно принадлежит к динозаврам, является всего лишь предположением, а не доказанным фактом.

– Ты полагаешь, что это эпический дракон? – улыбнулся сущим котом, завидевшим бесхозную сметану, Брамфатуров. – В таком случае, мы имеем дело не с научной проблемой, а с чудом. Спорить не о чем. Ибо если лохнесский монстр является чудом, то достаточно любого свидетельства. Если же это факт – нужны неопровержимые доказательства. Разница между чудом и фактом в точности равна разнице между русалкой и тюленем. Закон Марка Твена, господа...

– Кто еще считает лохнесское чудовище чудом? – осведомилась Антилопа. – Ну, смелее, смелее, не бойтесь, в журнал двоек не поставлю...

– Я, – поднял руку будущий медалист.

– Ты?! От кого, от кого, но от тебя, Асатурян, я этого не ожидала!

– Вилена Акоповна, – спал с лица отличник, – я не об этом чуде, я о другом...

– О других чудесах потом. Продолжай, Брамфатуров...

– Если верить показаниям свидетелей, лохнесское чудовище отличается крупными размерами, сопоставимыми с размерами доисторических рептилий вроде динозавров. Даже если Лохнесский экземпляр не относится к динозаврам, дорогой Артур, это ничего не меняет. Раз он не чудо, то должен подчиняться законам генетики и биологии, согласно которым невозможно сохранить в течение долгого времени вид животных от одной пары. Численность популяции может колебаться, но число женских и мужских особей должно быть достаточно большим. Чтобы выдержать эти колебания и выжить, любая популяция животных должна насчитывать несколько сотен экземпляров, иначе вид непременно затухнет. Чтобы вид не затух во времени, необходимо чтобы он насчитывал не менее двухсот особей. Этим двумстам, чтобы выжить, нужно питаться. И тут мы натываемся на еще один параметр – экологический. Способен ли замкнутый водоем озера Лох-Несс обеспечить необходимой пищей популяцию плезиозавров длиной несколько метров и массой много тонн, численностью не менее двухсот особей? Для справки сообщу, что озеро Лох-Несс меньше нашего Севана почти в двадцать пять раз...

– Смотря, чем они питаются, – заметил с места Ерем Никополян.

– Никополян, тебе что, одной двойки мало? Еще захотелось? – поинтересовалась Антилопа.

– За что, Вилена Акоповна?!

– За то, Ерем, что забыл об экологической пирамиде пищи. Лишь около 10 % потребляемой пищи идет на рост животных, остальное расходуется на передвижение и поддержание внутреннего равновесия организма. Основа жизни в воде – планктон. Зоопланктон питается фитопланктоном, рыбы поедают зоопланктон, рыб пожирает Несси. Причем поесть все они должны в десять раз больше собственной массы, иначе им не выжить – всем вместе, всей цепочке. Умножим невообразимую массу фитопланктона, которая требуется для обеспечения пищей одного чудовища, на численность популяции (не менее двухсот особей, господа!) и получим неподъемную для упомянутого водоема цифру. Ответ один: мифы живучи, человек жаждет необычайного, ибо это заложено в его генетической программе выживания и приспособления, но всего этого явно недостаточно, чтобы счесть сообщения о якобы сохранившихся динозаврах, драконах, чудовищах и прочих зоомонстрах заслуживающими серьезного внимания. Во всей этой сенсационной истории с Несси неопровержимым научным фактом является только один-единственный факт: первым увидел и раструбил о существовании Несси никто иной, как содержатель местной гостиницы. Собственно, все приведенные мною биологические

опровержения можно было бы опустить – для здравомыслящих людей достаточно было указать на источник этой газетной утки. У меня всё...

– Вот так бы всегда, Брамфатуров, коротко, ясно и по существу, без увеливаний в литературе, – щедро отрезала скупой ломоть похвалы биологичка.

– Можно вопрос, Вилена Акоповна? – потянулись руки с парт.

– Нельзя! Лично у меня никаких вопросов не возникло. Значит ваши вопросы наверняка окажутся не по теме... Переходи к следующему, Брамфатуров...

– Что прикажете считать следующим, Вилена Акоповна, НЛЮ, Бермудский треугольник, телепатию, телекинез?..

Антилопа замешкалась, затрудняясь с ходу определить, которая из тем окажется более безопасной в плане незыблемости научных устоев.

Класс мгновенно разделился в самом себе на враждующие секты, о чем поведал противоречивый хор шепотливых подсказок учеников – учителю: «Телекинез, Вилена Акоповна!», «Треугольник!», «НЛЮ!» и так далее.

– А сам ты как считаешь, Брамфатуров, которая из тем ближе к биологии? – нашлась биологичка.

– Давайте вместе рассудим, Вилена Акоповна. НЛЮ, ясен пень, по части астрономии. Бермудский треугольник лучше отдать на откуп океанологам и климатологам. О телекинезе всерьез говорить не приходится... Почему? Да потому что передатчик любого типа энергии не может осуществлять воздействие, превышающее его собственную мощность. Если же он производит воздействие большее, чем его установленная мощность, то действует, либо как спусковой механизм, либо нарушает законы сохранения энергии. Спрашивается, где тот особый источник, который доставляет необходимую энергию для пуска процесса?.. Остается телепатия. То есть чтение мыслей на расстоянии. Конкретно, пресловутый маг и чародей Вольф Мессинг... У меня предложение, Вилена Акоповна. Давайте сделаем, как в «Мастере и Маргарите»: сначала сеанс телепатии, потом ее разоблачение.

– А кто будет мысли читать, ты, Брамфатуров?

– Я буду не мысли читать, Вилена Акоповна, я буду доказывать, что это в принципе невозможно. Или, по меньшей мере, что Мессинг такой же телепат, как любой из присутствующих на этом уроке. Ведь главным требованием для двуполого размножения является взаимное отыскивание самцов и самок данного вида. Для облегчения и обеспечения такого поиска эволюция за миллиарды лет создала богатый арсенал специальных сигналов и способов привлечения, снабдив животных предназначенными для этого органами, внешним видом и т. п., что было бы совершенно излишним, если бы они имели возможность телепатического контакта. А значит, само неслыханное богатство сигнальных органов, присущее миру животных, от насекомых до антропоидов, свидетельствует против наличия у них телепатической связи. Она не может проявляться в животном мире даже частично, потому что, какой бы микроскопической ни была эта способность, естественный отбор усилил бы ее, сконцентрировал и закрепил в течение сотен миллионов лет эволюции. Так вы согласны на эксперимент, Вилена Акоповна?

Биологичка задумалась. С одной стороны, черт этого Брамфатурова разберет: слишком уж этот мальчик чреват сюрпризами. Кто бы, к примеру, мог подумать, что он столько по ее предмету знает? А с другой, если эксперимент пройдет как надо, без безобразий, с серьезным поучительным эффектом, обеспеченным ее, Вилены Акоповны Егникян, непосредственным участием, то... Одним словом, предположение, что червячок тщеславия не является объектом изучения биологии, в очередной раз подтвердилось. Проще выражаясь, таможня дала добро. Правда, с условием, чтоб контрабандисты не нагтели. Контрабандисты с готовностью поклялись не только не наглеть, но даже и не навариваться. После чего немедленно забросали разоблачителя телепатии вопросами по существу:

– Вов, а что я сейчас думаю?

– А я?

– А я?

Впрочем, не все были готовы к тому, чтобы их сокровенные мысли стали известны посторонним лицам, тем более одноклассникам. Эти прятали глаза, воротили носы, а некоторые особо впечатлительные натуры прикрывали голову, как вместилище тайных дум, раскрытыми учебниками по биологии.

– Я, конечно, могу изложить суть твоих мыслей, Татунц, – для этого достаточно проследить, куда ты косишь взглядом, а косишься ты на ножки Жанны. Но это будет не телепатия, а догадка. Пусть и верная, но насквозь антинаучная...

Смешки в классе на Жанну никак не подействовали: ни румянца искреннего девичьего смущения, ни стыдливо потупленных глаз, ни даже, наконец, кокетливого тычка локтем в бок обнаглевшего соседа. Прекрасная половина девятого «а» была таким поведением новенькой крайне шокирована.

– А ты, Сергей Бойлух, совершенно напрасно экранируешь свой кочан учебником биологии. Всем и без телепатии прекрасно известно, что перед большой переменной у тебя один буфет на уме.

– Это и есть твой эксперимент, Брамфатуров? – не скрыла своего разочарования Вилен Акоповна.

– Никак нет. Для сеанса нам необходимо избрать жюри из трех человек, разумеется, с вами, Вилен Акоповна, во главе. Желаящие молча... повторяю: молча излагают свое задание на бумаге и отправляют в виде записки жюри. Задание должно быть простым, не содержащим вопросов, не приказывающим вспомнить экспериментатора те или иные стихи, поговорки, считалки, анекдоты. Все должно быть предельно конкретно, ребята. Возьми то-то, сделай с ним се-то... Жюри выбирает задание, вызывает автора на сцену. Автор выходит, кладет свою руку экспериментатору на запястье и начинает изо всех сил думать в строгой последовательности шагов над своим заданием. Все ясно?

– Что тебе, Асатурян? – обратилась к тянущему руку Седраку Антилопа.

– Вилен Акоповна, я думаю, что для чистоты эксперимента Брамфатуров должен покинуть класс, пока мы тут все подготовим...

– Правильно! Верно! Пусть выйдет, а то он такой у нас проницательный, что обо всем догадается по выражению наших лиц...

– Я не против, я выйду, Вилен Акоповна. Но с одним условием – в сопровождении внушающего доверие лица. Не ровен час, нарвусь на Лидию Парамоновну, так хоть будет кому подтвердить со стороны, что я не верблюд...

– Ладно, – согласилась биологичка. – Кто хочет пойти с Брамфатуровым – проконтролировать, чтобы он не подслушивал и не подсматривал? Задние парты прошу не беспокоиться...

– А можно мне? – подняла руку новенькая.

Одна половина класса уставилась на Жанну из Мариуполя, другая – на Борю из Еревана. Во взглядах какой из половин сквозило осуждение, а в которой – усмешка, догадаться не трудно.

Вот как случилось, что спустя пару минут Брамфатуров и сопровождающее его лицо в виде новенькой предстали пред взыскательными очами завуча Лидии Парамоновны Вахрамевой.

– Лидия Парамоновна, это не то, что вы думаете, это научный эксперимент на уроке биологии. Разоблачаем телепатию как антинаучный способ чтения мыслей, – доложил начальству, не дожидаясь наводящих вопросов, Брамфатуров.

– Это не объясняет, почему вы прохлаждаетесь в коридоре во время урока! – с места в карьер отмела оправдания завуч. – Ну, с тобой все ясно, Брамфатуров. Но вот от тебя, Пого-

сова, я этого не ожидала! Трех дней не прошло, как тебя приняли, а ты уже болтаешься во время урока по коридорам с сомнительными личностями...

– Спасибо за комплимент, Лидия Парамоновна, – поблагодарил Брамфатуров. – Только она не болтается, а приглядывает за мной по поручению Вилены Акоповны, чтобы я за ради чистоты эксперимента ничего не подглядел и не подслушал...

– Какого еще эксперимента, Брамфатуров?

– Тема эксперимента: сублимация идеомоторных реакций организма Homo Sapiens в телепатические претензии отдельных представителей того же самого вида. В общем, жуть, Лидия Парамоновна...

– Так, не поняла. Вилена Акоповна выгнала тебя с урока за телепатию?

– Типа того, Лидия Парамоновна. Только не выгнала, а попросила подождать за дверью, пока они припрячут свои мысли так, чтобы я их не нашел. А чтобы я не подглядел и не подслушал – куда, ко мне приставили Жанну из Мариуполя – следить за чистотой эксперимента.

– Какого еще Мариуполя?!

– Имени Жданова. Город такой в Донецкой области. Порт на Азовском море. Четыреста тысяч жителей. Металлургические заводы «Азовсталь» имени Ильича. Морской и грязевый курорт. Основан в 1779 году. Награжден орденом Трудового Красного Знамени в 1971-м... Ну что, вспомнили, Лидия Парамоновна?

Обе представительницы лучшей половины человечества уставились на представителя худшей половины в полном безмолвии. Но если во взоре молодой и неопытной можно было различить изрядную долю недоумения смешанную с внушительной толикой восхищения, то более зрелая особа просто не находила слов.

– Лидия Парамоновна, хотите, скажу, что вы сейчас думаете и о ком? – предложил Брамфатуров.

– Нет! Не смей! – едва не подпрыгнула от столь неожиданных перспектив завуч. – Только попробуй!.. Да, только попробуйте слоняться мне тут по коридорам. Стоите и стойте... там, где стоите, пока вас не позовут...

Лидия Парамоновна развернулась и скрылась за углом, ведущим к лестнице, не оглядываясь. Железная леди...

– Страшный ты человек, Брамфатуров, – произнесла новенькая без всяких признаков кокетства в тоне, позе и выражении глаз.

– Зато жутко интересный, правда, Жанночка?

– Скажи, а о чем я сейчас думаю, ты тоже знаешь?

– Догадываюсь. Но произносить вслух не буду. Замечу тебе только одно: Боря Татунц, несмотря на весь свой скепсис и цинизм, парень нежный, ранимый и влюбчивый.

– Я ему, между прочим, ни в чем не клялась и никак обещаний не давала...

– Что ж, весьма предусмотрительно и благочестиво с твоей стороны.

– Благочестиво?

– Ну да, в точности по Христу: «А Я говорю вам: не клянись вовсе... Но да будет слово ваше «да, да», «нет, нет»; а что сверх того, то от лукавого».

– «Да» я тоже не говорила!

– Никому никогда и ни по какому поводу? Прости, но что-то не верится...

– Эй, Мессинг, все готово, заходи, – позвал, открыв дверь, легкий на помине Татунц. Перевел невеселый взгляд, оттененный беспечной ухмылкой, на новенькую: – Ну и ты, Жанна из Жданова, заваливай...

Задание оказалось не из трудных, а Галя Шильникова – прекрасным индуктором. Так что потыркался попервоначалу Брамфатуров неразумным щенком, потом освоился, принорочился к реакциям проводника и сделал все, как по писанному: забрал у Седрака Асатуряна

его дневник, попросил Вилену Акоповну поставить в него пятерку, отнес обратно, вручил и в ножки будущим страданиям будущего медалиста поклонился. Опля!

Аплодисменты, смех, остроумные реплики с мест. Кабинет биологии находился на первом этаже, в противоположном от учительской крыле здания. Правда, на том же этаже находился служебный кабинет директрисы, но поскольку ему предшествовала приемная, в которой восседала за неизбывной пишмашинкой секретарша Леночка, то звуконепроницаемость была обеспечена, в том смысле, что ржать можно было в волю. Если было над чем или над кем.

– А ну замолчали все! Вам что, захотелось самостоятельную работу о пестиках и тычинках на дом получить?

Такой доли никто из 9-го «а» даже врагу бы не пожелал. Смех стих, овации смолкли, реплики стушевались.

– А теперь, Брамфатуров, расскажи нам, как ты это сделал.

– Не надо, Брамфатуров, не рассказывай! Оставь нас в приятном заблуждении относительно человеческих возможностей...

– Артур Янц, два! Дневник ко мне на стол!

– За правое дело и пострадать приятно, – пробормотал Янц, вставая и препровождая дневник на экзекуцию.

– Брамфатуров, мы ждем, – напомнила Антилопа, расписываясь в отгрузке «неуда» блудному внуку Поднебесной.

Если кто и ждал еще, помимо училки, то только не звонок. Пронзительная трель возвестила о благой вести: начале большой перемены. 9-а моментально превратился в цыганский табор, срочно меняющий место своей дислокации. Однако не тут-то было.

– Звонок для учителя, – напомнила Антилопа школьную аксиому. – Предупреждаю, не дадите Брамфатурову разоблачить телепатию, поставлю ему двойку, а вам всем задам на дом самостоятельную...

– А если дадим разоблачить, Вилен Акоповна, Брамфатурову пять поставите?

– Зависит от убедительности разоблачения.

– Вов, давай разоблачай быстрее, а то так кушать хочется, что курить охота!

– Вилен Акоповна, осмелюсь напомнить вам французскую народную мудрость: Un homme affamé ne pense qu'à pain⁴⁰. Объяснять им сейчас, что такое идеомоторика – все равно, что chantez à l'âne, Il vous fera des pets⁴¹. Не верите? Regarder à notre marchand! Il vaudrait mieux le tuer que le nourrir⁴²...

Биологичка, напряженно вслушивавшаяся в грассирующую речь, вдруг рассмеялась, приведя класс из индифферентного недоумения в оскорбленное.

– По-моему, это на наш счет прохаживаются, – задумчиво произнес Татунц.

– Во-ов?! – послышалось с разных концов кабинета разно окрашенные возгласы: от просительных до угрожающих.

– Attendez, enfants⁴³, – отмахнулся Вов. – Вилен Акоповна, я предлагаю провести открытый урок разоблачения телепатии.

– Почему открытый?

– Потому что слухи все равно поползут. Они уже ползают где-то в районе учительской...

– Что ты этим хочешь сказать?

– Ничего, кроме того, что стены имеют уши, а языки не имеют костей. Но это нам даже на руку, Вилен Акоповна. Пусть посудачат, посплетничают, а мы по антинаучным суевериям

---

⁴⁰ У голодного в мыслях ничего, кроме хлеба (фр.).

⁴¹ Здесь: метать бисер перед свиньями (фр.).

⁴² Взгляните на нашего купца. Его дешевле похоронить, чем накормить (фр.).

⁴³ Подождите, дети (фр.).

открытым уроком разоблачения вдарим! Вон и стенгазету можно будет к этому благому делу подключить, правда Маша?

Маша тряхнула головой и показала кулак. Правда, не в смысле «но пасаран», а в значении «ты у меня доиграешься по-французски над нами издеваться».

– Je suis d'accord⁴⁴, – согласилась биологичка. – Вот после разоблачения на открытом уроке ты свою пятерку и получишь.

– Как, всего одну?! – изумился класс.

– Две! – не стала скардничать Вилена Акоповна.

– Ну хотя бы одну из этих двух поставьте ему сегодня, Вилена Акоповна! Неужели вам его не жалко? Вон он как с вами по-французски старательно лопочет!

– Ну хотя бы одну – условную – сегодня поставлю, – окончательно смягчилась биологичка.

– Vive le biologie!⁴⁵ – пробормотал восторженно Брамфатуров и поплелся за дневником.

---

⁴⁴ Ладно (фр.).

⁴⁵ Да здравствует биология (фр.).

Большая перемена

Русская средняя школа № *09 занимала, согласно типовому проекту, три корпуса. Проект, по слухам, имел кубинское происхождение, что подтверждалось отсутствием гардеробной и присутствием благодатной прохлады во время летних каникул. Впрочем, не исключено, что именно эти два обстоятельства и послужили причиной возникновения слухов. Как бы то ни было, но таких школ в новостройках города насчитывался уже не один десяток. Очевидно, конструктивные преимущества кубинской архитектурной мысли перевешивали жалкую горстку отдельных недостатков. В трехэтажном корпусе под бдительным присмотром дирекции, администрации и учительской грыз гранит науки средний и старший школьный возраст. В двухэтажном постигал азы младший. В третьем же корпусе, примыкающем к середине застекленной галереи, связующей первые два, располагались актовый и физкультурный залы, а также его величество буфет. Туда-то и направили свои стопы отдельные представители 9-го «а» сразу после описанного нами вкратце урока биологии. Впрочем, не они одни. Всяк взалкавший учащийся спешил воспользоваться оказией большой перемены, чтобы утолив бессовестный желудок, вновь вдохновиться жаждой знаний. Поэтому действовать приходилось коллективно и комплексно. Часть компании взалкавших торопилась занять в буфете очередь, другая часть обеспечивала транспортировку верхней одежды и багажа с учебниками и тетрадами из одного кабинета в следующий, в данном случае – из кабинета биологии в кабинет русского языка и литературы, находившийся на том же первом этаже, впритык к директорской резиденции. Вряд ли такое расположение предусматривалось гипотетическими кубинцами, скорее всего это было местной инициативой, о чем мог догадаться всякий, кто знал, что директриса школы Арпик Никаноровна Нахапетян, помимо административных тягот, несет еще и крест преподавания русского языка и литературы не в каком-нибудь там 8-м «б» или 10-м «в», а именно в 9-м «а» классе.

Герой трех предыдущих уроков, позабыв в пылу ученой рассеянности об упомянутом разделении труда, был немало озадачен, не обнаружив ни портфеля, ни пальто там, где он их в кабинете биологии пристроил. Стоял, уставившись на парту и подоконник, глупо теребя дневник, полный свежих пятерок.

– Вов, – вывел его из задумчивости Грант Похатян, – извини, но мы решили освободить тебя на сегодня и от занимания очередей в буфете и от перетаскивания портфелей.

– А-а? – замялся Брамфатуров, указывая на дневник.

– Бери с собой. Покажешь буфетчице – получишь бесплатный мацун...

– Да ну?

– А ты думал! Новое постановление министерства просвещения: каждый старшеклассник, получивший кряду три пятерки, получает бутылочку мацуна.

– А кто четыре или пять подряд?

– Кебаб, хоровац⁴⁶ и сто граммов коньяка «Наири»...

– И уши от мертвого осла с бантом, – распознал розыгрыш Брамфатуров.

– Вот-вот, – согласился Грант. – Но тебе это не грозит. Потому что следующие два урока у нас – контрольное общешкольное сочинение. За него пятерку раньше двух-трех дней получить, увы, не получится...

– Увы – в том смысле, что уши мертвого осла мне были бы к лицу?

– Не в том. Я бант имел в виду...

– Бант без ушей не вручается, не увиливай...

⁴⁶ От армянского «խորոված» – шашлык.

Так, мило беседуя, дотопали они до актового зала, пересекли его и попали в буфет, где Брамфатуров в очередной раз продемонстрировал всему честному народу одноклассников свою рассеянность, если только не ранний старческий склероз на стадии взросления и возмужания.

– Вов, ты куда?

– Как – куда? – удивился Вов, извлекая из кармана брюк мятый рубль, выданный ему сегодня утром матерью из расчета, что этого ему должно хватить на три дня. – В очередь...

– Там Чудик с Бойлухом и без тебя справятся...

– А-а...

– А миллионы свои побереги, они тебе еще пригодятся...

– Ты хочешь сказать, что они и для нас возьмут?

– Они для всех возьмут. Пошли – сядем...

Брамфатуров не стал спрашивать: куда. Увидел – воздержался. За сдвоенными столиками расположились в ожидании ленча лучшие люди 9-го «а» во главе с Купцом Авакяном. Присутствовало все мужское население класса, кроме Седрака, Артура Янца, Игоря Деридуха и Бори Татунца.

– Что заказали, ребята, пиццу? – осведомился Брамфатуров, занимая свое место среди сливок общества. – Только ради Бога, не грибную и не рыбную!..

– Вообще-то они сосиски берут, – не слишком уверенно объяснил Павлик Зурабян.

– Хот-дог или в тесте? Эй, ребята, мне, пожалуйста, без кетчупа! И колы тоже не надо, лучше минеральной. Если нет «Джермука», «Бжни», «Нарзана» или «Боржома», то берите сильногазированную «Бонакву»...

– Ты о чем? О пепси-коле?

– Да по мне любая кола помой, что пепси, что кока... Как выражается, мой дед, кола – это просто газированный сапожный крем с сахаром...

– Тебя послушать, Вов, так у нас этих кол на каждом шагу – хоть утопись, – усмехнулся Витя Ваграмян.

– У нас – нет, а вот у Вовы в Америке – именно так: куда ни плюнь, везде кола, – рассмеялся будущий житель штата Калифорния Артур Гасамян.

– Не печальтесь, вьюноши, как раз в этом году в Новороссийске заводик по разливу пепси-колы построят. Замучаетесь в ней топиться...

– Брамфатуров, иди к нам! – позвали с соседнего столика одноклассницы – Лариса, Карина, Тамара и Асмик. – Булочку хочешь?

– С чем? – разборчиво поинтересовался Брамфатуров.

– С какао...

– Уау, здесь подают какао?!

– Здесь всегда подают какао...

– Девочки, а можно я сначала этих мерзких хот-догов отведаю, а потом уже к вам, так сказать, на десерт загляну?

– Ай Вов, – не выдержал Купец, – что еще за хот-доги? Мы никаких хот-догов не заказывали...

– Известно какие, – пожал плечами Брамфатуров. – Вонючая куриная сосиска в продолговатой булочке да с гадким кетчупом.

Все застольное общество перевело недоуменные взоры с Брамфатурова на Гасамяна.

– Это такой американский бутерброд, – пояснил спец по Штатам. – В переводе на русский – «горячая собака»...

– Брр, какой ужас! – донеслось с девичьего столика.

– Тогда за чем стоят Чудик с Бойлухом? Только не говорите, что за бигмаками, это не еда, а энергетическая заправка! Я бы на месте Макдональдса выпускал бы их в ампулах, как глюкозу. Ширнулся и сыт... Уж лучше чизбургер, чем гамбургер...

– Ладно, кончай издеваться! – не выдержал Ерем.

– А он не издевается, Ерем, – спокойным задумчивым тоном произнес Грант. – Не знаю как ты, Ерем, и как тот третий парень, что был с вами, но вот Вова до Америки точно добрался!

– Ага, – поддержал Гранта Гасамыч. – И даже успел пару лет отучиться в каком-нибудь Гарварде...

– За пару лет столько всего не узнаешь, – заметил Грант. – Тут нужны годы и годы интенсивных занятий...

– По физике и биологии? – уточнил Павлик.

– И по телепатии тоже, – дополнил Купец. – Слушай, Вова, а можно этой телепатии научиться?

– Той, которой пользуюсь я, без проблем. Только зачем она тебе?

– Как зачем?! Ты что! Это ведь какая экономия на репетиторах получается! Да и аттестат до ума довести можно без всякой зубрежки. Стой себе да читай ответы в голове учителя, правда, Вов? А ты, Грант, говоришь годы учебы...

– Грант прав, моя телепатия тебе, Купец, в учебе не поможет. Она совсем из другой оперы...

– Какой еще оперы?

Но тут Бойлух с Чудиком принесли, наконец, тарелки с сосисками, с хлебом плюс два стакана с обыкновенной холодной водой.

– Я бы того, кто придумал сосиски в целлофане, похоронил не в гробу, а завернув в его любимый целлофан, – мрачно изрек Брамфатуров, глядя на споро разбираемую снедь. – Это уже не сосиски, не франкфутер, а какой-то иной продукт – сосискообразное, вязкой замученное мясopodobное желе. В общем, երկարիկը կարճիկը կարճիկը⁴⁷...

– Ну, ճիշտ или не ճիշտ, а есть можно, – философски рассудил Чудик, макая горячую сосиску в холодную воду и ловко сдирая с нее предосудительный целлофан.

– А то я не знаю, – сварливо возразил Брамфатуров. – Курятина, соя, да крахмал. Радость племса...

– Значит, мы все тут плебеи? – оскорбился Ерем, переставая активно жевать упомянутую радость.

– погоди, Ерем, – вмешался Купец. – Пусть он сперва объяснит, о чем речь. Какая курятина? Какая соя? Какой крахмал?

– Тоже мне, английский лорд нашелся, – пробормотал Никополян и демонстративно отправил в рот полсосиски.

– Только не говори мне, Рач-джан, что там молочная телятина со свежей поросятиной...

– Попробуй – узнаешь...

И Брамфатуров попробовал и узнал. Узнал давно забытый вкус, в гамме которого напрочь отсутствовали, по меньшей мере, два из инкриминированных им ингредиента: не было там ни сои, ни курятины, а крахмал если и присутствовал, то отнюдь не в катастрофических пропорциях.

– М-да, – признался Брамфатуров ничуть не кривя душой ради достижения консенсуса, – ну и балда же я! Ну и дубина же стоеросовая!

---

⁴⁷ Сложносочиненное слово, предложенное Государственным Институтом Армянского языка в качестве аналога макарон – предмет бесконечных насмешек со стороны облагодетельствованного народа. (Երկար – длинный; կարճ – круглый; խմոր – тесто; ճիշտ – дырка). К слову сказать, некоторые другие неологизмы упомянутого института (такие как հեռախոս – телефон, հեռուստացույց – телевизор) более или менее прижились. Правда, более – в литературной речи, менее – в разговорной.

– Вот и я о том же, – радостно подхватил Ерем и полез в общее блюдо за следующей сосиской.

– Эй, девятый «а», это правда, что вы сегодня на биологии телепатию проходили? – поинтересовались с дальнего конца буфета отдельные представители конкурирующей фирмы под названием «Девятый В».

– Не телепатию, а телекинез. Вырывание крышек парт силой мысли. Лучше всех получилось у Ерема. Не верите, так он вам ваш стол сейчас взглядом перевернет...

– Если ногой дотянусь, – присовокупил Ерем угрюмой репликой в сторону.

Сергей Бойлух умудрился разразиться смехом, не выпустив сосиску изо рта.

– Верим, верим! Пусть Ерем отвернется!..

– Вов, – позвали девочки по-соседски, – как думаешь, какие темы на сочинении будут?

– А что тут думать, – не переставая жадно жевать, беспечно откликнулся Вов. – Наверняка что-нибудь вроде «Новые люди в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?»». Или «Обломов как самый лишний из всех лишних персонажей русской литературы XIX века». Если только не «Тема «маленьких» людей в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»...

– Вот первое и последнее похоже на правду, – задумчиво заметила Лариса.

– Это потому что про Обломова он сказал с насмешкой, – пояснила Карина. – Мне кажется, что про Чернышевского и Обломова точно будет...

– Почему тебе, свет очей моих, так кажется? – живо переспросил Гранта.

– Потому что Обломова я толком не прочла...

– Тьма сердца моего, – добавил Брамфатуров от себя, но как бы от Карины в плане ответного комплимента.

– Почему «тьма»? – не понял Грант.

– Потому что темнота – лучший друг молодежи. А там, где молодежь, там обязательно любовь, которая успешно обходится светом своих очей, не прибегая к помощи других осветительных приборов...

– Кроме свечки, – внес поправку Витя, на что отдельные личности сочли своим долгом отреагировать сытым смехом.

– Обязательно все надо опошлить! – одернула пошляков строгая Лариса.

– Кстати, о пошлости, Брамфатуров, – подала голос Тамара Огородникова. – Как тебе наша новенькая?

– Никак. Спроси об этом у Бори Татунца.

– По-моему, он в нее влюбился, – поделилась своими наблюдениями Асмик. – А ей явно нравишься ты...

– Полагаю, не ей одной, – самодовольно улыбнулся Брамфатуров и вдруг, без предупреждения, продолжил тему поэтическим языком, прибегнув к услугам великого Гете:

Freudvoll
und leidvoll,
gedankenvoll sein,
Langen
und bangen
in schwebender Pein,
Himmelhoch jauchzend
zum Tode betrübt,
Glücklich allein

ist die Seele die liebt.⁴⁸

Две десятиклассницы, сидевшие поодаль, заслышав немецкую речь, прекратили оживленную болтовню и уставились на чтеца. Реакция, обличающая в них учениц класса «б», поскольку все классы под этой маркировкой проходили, в отличие от прочих, не язык будущего потенциального противника, а язык бывшего, уже однажды побежденного...

– Переведи, – потребовали девятиклассницы.

– Не надо, Вов, все и так понятно: ча-ра-ра, – чуть не подавился сосиской Чудик от поэтических перспектив.

– Пожалуйста! – присоединились к девятиклассникам девушки из выпускного класса.

– Bitte, meine Freundin⁴⁹:

La race en amours ne sert rien,
Ne beauté, grace, ne maintien;
Sans honneur la Muse gist morte;
Les amoureuses du jourd'huy
En se vendant aiment celui
Qui le plus d'argent leur apporte.⁵⁰

– Вова, ты несносен! Мы на русский просили, а не на французский!

– Да? – удивился несносный. – Что ж вы сразу не сказали. S'il vous plaît, mademoiselles, s'il vous plaît⁵¹. Вот вам точный перевод:

Словно солнце, горит, не сгорая, любовь,
Словно птица небесного рая – любовь.
Но еще не любовь – соловьиные стоны,
Не стонать, от любви умирая, – любовь!⁵²

– Это с французского или с немецкого? – уставились в недоумении на чтеца десятиклассницы.

– С фарси, – сказал чтец.

– Опять ты со своими стихами, Брамфатуров! – возроптал Ерем.

– К сожалению, Ерем, это не мои стихи, как впрочем, и вот эти, словно с тебя, Никополян, списанные, о тебе, Хореныч, сказанные:

Дитя печали, гнева и гордыни,
С тысячелетней тяжестью в очах...

Реакция Ерема если и была предсказуема, то только лишь поначалу. Да, он вскочил, готовый физическим воздействием оградить свою личность от интеллектуальных посягательств третьих лиц, но вдруг задумался, сел, хлебнул из стакана теплого какао и попросил повторить. Брамфатуров повторил. Никополян кивнул, соглашаясь. Его только сроки не устроили: ему

---

⁴⁸ Радости горе, волнение дум, сладостной мукой встревоженный ум, трепет восторга, грусть тяжкая вновь, счастлив лишь тот, кем владеет любовь. (Пер. А.К. Толстого).

⁴⁹ Пожалуйста, подруги (нем.).

⁵⁰ Ни ум, ни сердце, ни душа в любви не стоят ни гроша. Как сохнет без похвал Камена, Так все красотки наших дней. Люби, страдай, как хочешь млей, Но денег дай ей непременно. (Пьер де Ронсар в переводе В. Левика.).

⁵¹ Пожалуйста, барышни, пожалуйста (фр.).

⁵² Омар Хайям в переводе Г. Плисецкого.

хотелось, чтобы тяжесть в его очах насчитывала, как минимум, три тысячи лет, то есть, ровно столько, сколько патриотическая традиция насчитывает за плечами многострадального армянского народа.

– Блажен народ, чье имя отсутствует в анналах истории, – вздохнул Брамфатуров после нескольких безуспешных попыток совместить размер стиха с требуемым числительным. Но тут девочки, потеряв терпение, потребовали еще стихов: не о Ереме, само собой, а о любви, разумеется. Брамфатуров вопросительно взглянул на сотрапезников. Десятиклассницы, уговорив какую-то мелкоту из младших классов поменяться с ними местами, пересели поближе. Чудик хихикнул, Витя усмехнулся, Грант занялся последней сосиской, Рачик-Купец выдвинул условие:

– Только, чур, не спрашивать у Вовы, чьи это стихи. У нас не урок, у нас перемена...

– Причем большая, – тоскливо заметил Бойлух.

– Пусть лучше скажет нам, о чем он там с Антилопой по-французски трепался, – внес альтернативное предложение Витя Ваграмян.

– Попытался донести до нее простую истину о том, что голодное брюхо к учению глухо, только и всего, – пожал плечами Брамфатуров.

– Да? – сделал недоверчивое лицо Виктор, явно стараясь оттянуть экзекуцию рифмой до самого звонка на урок. Однако не тут-то было – любительниц поэзии на мякине прозаических препирательств не проведешь.

– Стихи! Стихов! Любовных!.. – потребовали с соседних столов.

– И желательно на немецком языке, – уточнили десятиклассницы из 10-б...

– Чтоб потом мучить нас еще и переводом?! – запротестовали мальчики. – Ни шиша! Читайте, Вова, сразу на русском.

– Не обессудьте, девочки, но угощали меня они, а не вы. А мы – поэты, проститутки, политики, чтецы и декламаторы – народ такой: с кем ужинаем, с тем и танцуем, – принес как бы свои как бы извинения Брамфатуров. – Впрочем, и вы в накладе не останетесь: любовных – так любовных.

Я Вас хотел, хочу ещё, быть может,
Хотень в душе угасла не совсем!!!
Но пусть ХОЧУН Вас больше не тревожит,
Я не хочу хотеть уж Вас ничем!!!
Я ВАС хотел, что аж синели дали,
Я Вас хотел и ГЛАЗОМ и РУКОЙ,
Я Вас хотел, но Вы хотеть не дали, —
Так дай Вам бог, чтоб вас хотел другой...

Примерно с четверть минуты озадаченная аудитория молча пыталась сопоставить услышанное с некогда пройденным на уроках литературы. Первым догадался Чудик:

– Пушкин?

Кто-то из девочек несмело прыснул, кто-то из мальчиков (догадайся, читатель, с трех раз – кто?), давась сосиской смеха, чуть не свалился со стула...

– Фи, – сказал одна из десятиклассниц, но с места почему-то не сдвинулась.

– А теперь будет Лермонтов, – предупредил то ли чтец, то ли декламатор, то ли провокатор.

Она лежала на кровати,
Губу от страсти закусив,
А я стоял над ней в халате,

Ошеломительно красив.

Она мою пыталась шею
Руками жадными обнять,
Ей так хотелось быть моею.
И здесь я мог её понять.

Бог ведаёт, каких бы ещё неизвестных широкой публике стихов Некрасова, Баратынского, Блока, Есенина и других классиков наслушалась покладистая аудитория буфета, если бы сразу после Лермонтова не грянул товарищ Звонок на урок, вызвав у мальчиков явную досаду (оказывается не все стихи ча-ра-ра, случаются среди них и приличные), а у девочек – потаенную...

Контрольное сочинение

Как уже упоминалось выше, кабинет русского языка и литературы располагался в непосредственной близости от служебного кабинета директрисы. Столь тесное соседство объяснялось не только вечной административной занятостью Арпик Никаноровны, но и философской основательностью ее походки (не путать с монументальной поступью иных рядовых учительниц). Казалось, директриса вознамерилась опровергнуть на практике разом обе антиномические истины: апорию Зенона об Ахиллесе и черепахе, и народную мудрость «тише едешь – дальше будешь». Впрочем, апологеты, без которых немислимо никакое начальство, утверждали, что все это глупости, что ни о каких эмпирических опровержениях спекулятивных истин не может быть и речи, а может – только о мудром следовании древнему правилу: «поспешай медленно»⁵³.

Как бы там ни было на деле в действительности, но в прошлом учебном году, когда еще не существовало кабинетной системы, то есть когда учителя ходили к ученикам в гости (а не как ныне, когда неприкаянные ученики, обремененные поклажей портфелей и верхних одежд, кочуют на переменах в поисках пристанища), Арпик Никаноровна не всегда успевала вовремя достичь классной комнаты 8-го «а», находившейся, не далеко не близко, аж на втором этаже противоположного крыла главного учебного корпуса. Бывало только войдет, только поздоровается с ликующим от радостной и долгожданной встречи классом, как уже звенит звонок, урок окончен и пора ей, горемычной, оправляться восвояси несолоно хлебавши. А тем временем гениальный Пушкин, великий Лермонтов и бесподобный Гоголь остаются для ребят совершенно непонятными, неразъясненными, а некоторым так и вовсе неизвестными. Но это еще полбеда, полная беда, – что заполняя ожидание разговорами, иные из учеников пытались по-своему, не сообразуясь с рекомендациями РОНО, ГОНО и лично Министерства просвещения, прочесть, понять и интерпретировать отдельные произведения гениальных классиков. Особенно усердствовал в этом Брамфатуров, – мальчик, безусловно, начитанный и неглупый, но склонный к отвлеченным умствованиям неконтролируемого содержания. Сама лично Арпик Никаноровна ничего почти из этих умствований не слышала. Но, естественно, нашлись добрые люди, примерные ученики, сознающие свой долг перед преподавателем, и сообщили, и просветили, и поведали в подробностях. Волосы у директрисы от этих подробностей дыбом не встали исключительно благодаря хорошему качеству лака, которым она пользовалась. Однако делать организационно-административные выводы, основываясь, пусть и на достоверных, но все – же слухах, подробных, но доносах, Арпик Никаноровна не стала. Из принципа. Если бы компетентные органы в 1938 году руководствовались схожим убеждением, то отец ее, – видный профессор-математик, – не сгинул бы на стройках социализма в тундрах Сибири... Каждый обвиняемый заочно должен быть заслушан лично и наказан согласно совокупности конкретных обстоятельств, а не предполагаемой вины. Так считала Арпик Никаноровна. И надо сказать, такое благородство особенно шло ее мало подвижному, но выразительному лицу.

Брамфатуров был вызван, что называется, на ковер и обстоятельно допрошен. Согласно его же личным показаниям, он не говорил о Пушкине, что-де «вот был великий человек, а пропал, как заяц», а нес этот вздор агент царской охраны Фаддей Булгарин. Выяснилось также, что клерикальная интерпретация «Послания в Сибирь» тоже не принадлежит ученику 8-го «а» класса ***девятой средней школы Брамфатурову Владимиру, но самым преестественным образом вытекает из содержания означенного стихотворения. Будто бы не абы какую, а именно эсхатологическую свободу предрекает Александр Сергеевич своим друзьям-декабристам, отбывающим срок за неудачную попытку последнего в истории России дворцового

⁵³ Festina lente (rus.).

переворота⁵⁴. Причем делает это в выражениях буквально дословно повторяющих пророчества Иоанна Богослова: «оковы тяжкие падут», «темницы рухнут», после чего Свобода вооружит их мечами для последнего и решительного Армагеддона. Мол, именно в виду весьма отдаленной перспективы такого исхода, поэт и призывает узников проникнуться тремя христианскими добродетелями: Верой («Храните гордое терпенье», ибо это и есть вера), Надеждой («Несчастью верная сестра») и Любовью («Любовь и дружество»).

Пришлось директрисе давать немедленный отпор столь махрово-поповскому прочтению пушкинского шедевра: цитировать атеистические высказывания Александра Сергеевича, глухо намекать на «Гавриладиу», красочно описывать духоту и маету реакционного царского режима, в общем, изо всех сил стараться вернуть заблудшую душу в лоно единственно верного диалектически-материалистического учения. Оченьгодились Арпик Никаноровне и сведения из истории религии, почерпнутые ею в свое время от деда-епископа. В частности, факт позднего включения в канонический текст Евангелий (да и то лишь под бешеным нажимом мракобесных монахов) так называемого Апокалипсиса, который по сути своей является ничем иным, как литературным памятником антиримской пропаганды. Вот!

Ну, вот или не вот, Брамфатуров, слава Богу, спорить не стал. Лишь с иронией заметил, что некоторые экзегеты относят факт позднего включения в текст Евангелий Откровений Иоанна Богослова на счет Провидения, которое якобы всячески препятствовало его ранней канонизации по причине глубоких сомнений в композиционной компетентности канонизаторов. Дескать, в противном случае эти Откровения могли оказаться как посреди Деяний, так и посреди Посланий, что непоправимо исказило бы Божественную архитектуру Нового Завета. Не ожидавшая подобной покладистости директриса, хотела было ограничиться взятием торжественной клятвы «никогда впредь и больше ни за что», да вовремя вспомнила о других классиках, также не избегших вопиющих умствований того же недоросля. О Лермонтове вспомнила. О Михаиле, об Юрьевиче. В частности, о его лирическом герое, которому было «И скучно, и грустно и некому руку подать в минуту душевной невзгоды», и так далее, вплоть до скорбного финала с его горькой констатацией жизни как пустой и глупой шутки, каковую, конечно же, следовало трактовать не расширительно – ибо жизнь сама по себе для поэта прекрасна, – но исключительно в применении к той отвратительной форме, что сложилась в 30-е годы прошлого века в николаевской России. Что, кроме идейной связи этого стихотворения с программной «Думой», и восхищения простотой выражения да естественностью и свободой стиха, мог вызвать этот шедевр в душе 14-летнего мальчишки, наверняка воображающего себя в душе Печориным?

Оказалось, много чего такого иного, что опять спасибо хорошему качеству лака для волос за нерушимость директорской прически. Хотя не скроем, был момент, когда казалось, что даже французской парфюмерии не справиться с напором слившихся воедино чувств: праведного негодования, изумленного ошеломления и нравственного возмущения. Подобную ересь в пору выслушивать только лысым преподавателям словесности. Но не стричься же наголо из-за всякого литературного хулигана! Он, видите ли, полагает, что нет ничего ни в этом мире, ни в том, что не показалось бы пустой и глупой шуткой, если взглянуть на все на это (и то) так, как взглянул поэт, то есть с холодным вниманием. Быть может, архангел Сатанаил именно

⁵⁴ Как он имел наглость назвать восстание декабристов, не преминув заявить о своем категорическом несогласии с В.О. Ключевским, ограничившим «эпоху дворцовых переворотов» всего-навсего тридцатью семью годами (1725–1762), в то время как на деле эта эпоха растянулась ровно на столетие и насчитывает не пять удачных переворотов, а семь удачных и одно неудачное. Ибо воцарению Павла на престоле были присущи все характерные признаки дворцового переворота с его опалами для фаворитов прежнего правления и отличиями для приверженцев нового. О способе прихода к власти Александра I через лейб-гвардейский заговор и убийство того же Павла нет смысла спорить. Что же касается декабрьской бучи ста двадцати блаженных поручиков, то переворот им не удался единственно потому, что в их рядах не оказалось в наличии реального претендента на трон; удовлетвориться отсутствующим Константином и женой его Конституцией смогла лишь незначительная, обладающая отвлеченным мышлением, часть гвардии.

такого взгляда и удостоил излюбленное детище Господне – человека. В результате чего загремел в тартарары. Следовательно, холодное внимание взгляда суть дьявольское состояние души, весьма характерное для Лермонтова с его байроническим демонизмом. Тогда как небрежный, но, тем не менее, заинтересованный и сочувственный взгляд Пушкина, более Господу угоден, да и всем нам куда ближе и душеприятнее. Не случайно, Пушкин, будучи в том же 26-летнем возрасте, что и Лермонтов, когда последний сочинил разбираемое нами стихотворение, поэтически предвосхитил это лирическое событие гениальным советом:

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.

Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло:
Все мгновенно, все пройдет;
Что пройдет, то будет мило.

С выражением прочитав сей несомненный пушкинский шедевр, этот *enfant terrible*⁵⁵ пустился во все тяжкие ложного истолкования, поминая не к месту разных библейских персонажей, а именно царя Соломона, у которого на заветном кольце, оказывается, было выпарапано жалкой прозой примерно то же самое, что Александр Сергеевич запечатлел бессмертными стихами. Настойчивые попытки Арпик Никаноровны обратить внимание еретика на то, что он, быть может, сам того не желая, оказался по одну сторону классовых баррикад с реакционерами, травившими Лермонтова за его свободолюбивые антимонархические, антикрепостнические убеждения, в том числе за гениальное «И скучно, и грустно», успеха не имели. Даже, как всегда, к месту и ко времени процитированный Белинский (««И скучно, и грустно» из всех пьес Лермонтова обратила на себя особенную неприязнь старого поколения. Странные люди! Им все кажется, что поэзия должна выдумывать, а не быть жрицею истины, тешить побрякушками, а не греметь правдой!») не смог вернуть заблудшего отрока на стезю добродетели. Напротив, вызвал ряд не укладывающихся в голове критических замечаний о том, что он-де не видит большой разницы между любителями побрякушек и обожателями громовых раскатов, поскольку и те, и другие являются рабами собственных слуховых галлюцинаций. И что по здравом размышлении, он находит положение любителей побрякушек менее безнадежным, чем любителей громов, так как от последних можно вполне эстетически оглохнуть. Что, между прочим, и случилось с «неистовым Виссарионом» в пору его маниакального увлечения тем, что ему угодно было именовать «натуральной школой» – этим москательным отделом в мелочной лавочке реализма. Только эстетически глухой человек мог поставить Жорж Санд выше Бальзака, а Гоголя причислить к сатирикам и реалистам (все равно как считать Данте юмористом на том очевидном основании, что он является автором пусть и Божественной, но все же *комедии*). Между тем любому мало-мальски сведущему в словесности человеку уже из ранних сочинений Николая Васильевича было ясно, что кончит он религиозным мракобесием «Выбранных мест из переписки с друзьями» и творческой импотенцией второго тома «Мертвых душ». Для этого достаточно было вдуматься в финал повести о том «Как поссорились Иван Иванович с Иваном же Никифоровичем»: «скучно жить на *этом* свете, господа», – констатирует Гоголь, отчасти предвосхищая Лермонтова, но по большей части стараясь подвести

---

⁵⁵ Ужасный ребенок (фр.).

читающую публику к inferнальному выводу, что на *том* свете жить куда как занимательней и веселее.

Ученика несло на волнах словоблудия все дальше, директрису трясло мелкой дрожью все амплитуднее, что губительным образом сказывалось на даре членораздельной речи: она его периодически утрачивала и вновь внезапно обретала. Так, когда этот юный демагог, софист, схоластик и резонер-негодник вдруг признал открытое письмо Белинского к Гоголю «благородным документом», дар речи вернулся к Арпик Никаноровне практически в полном объеме. Но когда этот фальсификатор и ревизионист-очковтиратель, затронув тему влияния древнегреческой литературы на русскую словесность, попутно заметил, что последней сиреной на свете была крыловская ворона от Эзопа, утратившая в результате эволюции столь бесполезные в новых демифологических условиях соблазнительные органы, такие, как женская грудь и привлекательное личико, но сохранившая главное свое достоинство – ангельский голосок, слухи о котором будто бы и подвигли любознательную лису просить ворону-сирену, отложив ужин, предаться вокалу (ибо наивная лиса не подозревала, насколько вкусы древних отличались от нашего скверновкусия), то дар речи надолго покинул бедную директрису, равно, как впрочем, и лису с вороной, взаимную обиду которых не дано было подсластить никакому сыру, будь то французский камамбер, итальянская горгонзола, грузинское гуди, или армянский чанах, наконец...

Но, как говорится, нет худа без добра (должно быть, поэтому добро не отваживается являться к нам без какого-нибудь худа). Административным итогом вызова литературного разбойника на ковер стало введение в следующем учебном году прогрессивной кабинетной системы. Отныне Арпик Никаноровна могла не оставлять ребят без строгого методического присмотра лицом к лицу со сложным, идеологически неоднозначным материалом, каким считается русская литература второй половины XIX века. Но что представлялось еще более важным, завиральным идеям Брамфатурова был положен педагогический предел. Попросту говоря, этому мальцу-удальцу отныне элементарно не хватало времени на то, чтобы навдумывать и нагородить чепухи с ерундовиной. Только класс притихнет, сосредоточиться, наострит уши в предвкушении очередной порции несусветной отсебятины на ниве русской и мировой словесности, ан Арпик Никаноровна уже тут как тут, – еще не войдя полностью в кабинет, уже командует: «Брамфатуров, молчать! Марш на место! Здравствуйте, ребята!...»

Поначалу случалось, просили хором позволить Брамфатурову досказать начатое, мотивируя тем, что это и ей, Арпик Никаноровне, будет интересно послушать, в чем директриса сильно сомневалась, утверждая, что наслушалась этого Брамфатурова на всю оставшуюся жизнь. В том, что она не кривила душой, класс убедился в течение первой же четверти, в ходе которой Арпик Никаноровна ни разу не вызвала Брамфатурова для дачи устных показаний о пройденном учебном материале. Сколько последний ни тянул руки, сколько ни изощрялся в комментариях с места, официального полновесного слова ему ни разу не предоставили. Правда, при этом ничего, кроме пятерок, Арпик Никаноровна ему по литературе не ставила. Ну а по русскому языку – другое дело: там гоголем от демагогии не пройдешься, не покрасуешься, там только знания в цене, причем желательно точные... И Брамфатурову приходилось довольствоваться по русскому языку теми оценками, которые он действительно заслужил, а не вынудил путем софистического террора. А больше четверки он по грамматике редко когда чего-нибудь заслуживал. Вот так и получалось, что имея за содержание домашних и контрольных сочинений неизменную пятерку в числителе, в знаменателе он зачастую обнаруживал унизительную для такого всезнайки троечку.

Он, конечно, пытался с этим бороться, но каким-то, мягко говоря, странным образом. Вместо того чтобы, как это делают все порядочные ученики, стремящиеся исправить плохую отметку на лучшую, приналечь на учебники, не чуждаясь неизбежной в данных обстоятельствах зубрежки, он, наоборот, пустился во все тяжкие, пытаясь доказать, что для творческой

личности, каковой он, Брамфатуров, несомненно, является, вериги, налагаемые грамматикой, слишком тесны и обременительны, что они-де подрезают крылья его вдохновению, и что вообще, если на то пошло, у каждого приличного автора своя грамматика, своя орфография, свое правописание, лексика, синтаксис, пунктуация, а коли что не так, на то есть корректоры и метранпажи... Et cetera et similis⁵⁶.

Поперваху Арпик Никаноровна, не ожидавшая столь оголтелой атаки на твердыню языка – грамматику, – даже слегка растерялась и даже позволила себе ввязаться в никчемную дискуссию о незыблемых основах образованности, об объективно-исторических особенностях того или иного языка, о том, что школьника, пишущего сочинение на заданную тему, можно считать автором лишь в очень условных пределах, поскольку автор по определению есть сложившаяся личность, постигшая не только азы, но и глубинную связь хитросплетений жизни – как на бытийном, так и на бытовом уровнях – с учебным материалом, и, стало быть, не подвергающаяся сомнению необходимость существования и функционирования последнего именно в той форме и в том сущностном содержании, в каком он исторически сложился... Однако краткое изложение Арпик Никаноровной отдельных тезисов своей некогда задуманной и в силу различных обстоятельств тогда же недописанной диссертации произвело эффект обратный ожидаемому. Вместо того чтобы удивиться, вдуматься, проникнуться, смириться и снять с повестки дня свои наглые претензии, этот *enfant terrible*, напротив, оскорбился в лучших чувствах и представлениях о самом себе и принялся с жаром доказывать, что он не какой-то там условный автор сочинений на заданную школьной программой тему, а самый что ни на есть доподлинный автор, которому приходится, подчиняясь возрастным предрассудкам общества, писать школьные сочинения на всякие малоинтересные темы, что, между прочим, негативно сказывается на его творческом духе, тормозя его саморазвитие в самовыражении. И в качестве доказательства попытался немедленно довести до сведения директрисы и всего класса один из своих перлов под названием «Последняя ночь Франсуа Вийона» с отвратительно легкомысленным эпиграфом:

Я – Франсуа, чему не рад:
Увы, ждет смерть злодея.
И сколько весит этот зад,
Узнает завтра шея.

Бурная реакция класса на эпиграф вывела директрису из заблуждения, что будто бы этому Брамфатурову можно что-то доказать, в чем-то переспорить или вообще удержать в общепринятых рамках эвристических приличий. И Арпик Никаноровна решила прибегнуть по отношению к возмутителю спокойствия к более жестким мерам, а именно вызвать в школу его отца, слывшего человеком строгим, справедливым, просвещенным хранителем традиций, культурным оплотом устоев, словом, военным. Что она и сделала. Однако обстоятельства сложились так, что когда отец Брамфатуров выкроил время для встречи с директрисой, последней пришлось вести речь не об его первенце, а о своем собственном непутевом младшем сыне. И хотя разговор в итоге получился плодотворным, с жесткими мерами в отношении первенца пришлось повременить. Иными словами, отложить до худших времен, которые не заставили себя долго дожидаться. Не успела третья, определяющая, четверть вступить в свою длинную колею, как Брамфатуров выкинул номер с побегом в Америку. Правда, он был не один, а в компании с Никополяном, но и дураку ясно, кто в этой провокационной вылазке верховодил... Разумеется, и у Арпик Никаноровны, как директрисы школы, возникли в связи с этим из ряда

⁵⁶ И так далее и тому подобное (лат.).

вон инцидентом кое-какие неприятности, но у майора Брамфатурова их наверняка появилось на порядок больше...

Почти недельное отсутствие виновника идеологической диверсии на уроках заронило надежду, что мальчик, наконец, осознает недопустимость своего поведения, возьмется за ум, перестанет ерничать, прекратит паясничать и постарается загладить свою вину отличной учебкой вкупе с примерным поведением – словом, сделается достойным сыном достойного отца и достойным учеником достойнейшей из школ. И надежды эти в первый же день появления Брамфатурова на уроках стали вроде бы оправдываться: пятерка по НВП, пятерка по физике, пятерка по биологии, в конце концов, – все свидетельствовало в пользу исправления, взятия за ум и глубокого осознания случившегося. Арпик Никаноровна уже заранее тихонько под сурдинку ликовала (хотя, будучи реалисткой, нет-нет и одергивала себя от рецидивных проявлений былой романтичности), представляя какое политически грамотное, идеологически выдержанное сочинение способен накатать этот раскаявшийся грешник, дабы оправдаться перед вышестоящими органами: собственным отцом, дирекцией школы и органами государственной безопасности.

И ведь как все удачно сложилось: не какое-нибудь обычное классное сочинение, а общешкольное, общерайонное, а может быть, и общегородское *контрольное*. А это значит обязательное присутствие на уроке как минимум двух методистов из РОНО, призванных строго следить за чистотой соблюдения всех требований, важнейшее из которых – чтобы ученики только свои мысли сообщали бумаге, а не заемные, – из учебников, шпаргалок, подсказок. Поэтому на партах ничего, кроме личных авторучек, быть не должно. Все остальное доставят с собой методисты: и темы сочинений, и проштампованные грозными печатями двойные листки, как для беловиков, так и для черновики, ибо сдаче на проверку подлежит все написанное. Рвать и метать в творческом порыве сочинительства категорически запрещается – дома надо было готовиться, учиться, мучиться, а на контрольном общешкольном сочинении будьте любезны спокойно, аккуратно и желательно грамотно изложить по доставшейся на вашу долю теме весь запас ваших знаний о ней. Сначала на черновике. Затем на беловике. И да поможет вам Бог, – в смысле, единственно верное учение Маркса-Энгельса-Ленина!

«Аминь», – подумали ученики, встали, поздоровались, сели и приготовились к худшему...

Все было организовано по высшему разряду, как в кино: командующему нарочный вручает сверхсекретный пакет, командующий расписывается в получении, распечатывает, засекая точное время, знакомится с содержанием, скликает командный состав, дает вводную... Арпик Никаноровна расписаться в получении расписалась, но времени засекают и командный состав скликать не стала, хотя вводную дала: велела Маше Бодровой изобразить на доске своим ясным почерком все три темы контрольного сочинения. Маша изобразила, дети прочли и некоторые из них, оборотившись к доске затылками, послали долгий, исполненный многообразных чувств – в диапазоне от осуждения до восхищения – взгляд, адресованный, само собой разумеется, не дяденьке средних лет, который на пару с тетенькой примерно того же возраста доставил секретный пакет директрисе и теперь, уже не в качестве нарочного, а в должности особоуполномоченного представителя высших структур восседал на последней парте крайнего ряда бок обок с самим Брамфатуровым. (Для справки: тетенька нашла себе приют на второй парте первого ряда, так что вся пересеченная местность, насквозь просматриваясь и накрест прослушиваясь, пребывала под бдительным контролем.)

Дяденька, как то и полагается мужчинам средних лет недурственной наружности, находящимся при исполнении, в соответствующем это высокой миссии наряде общечинового образца, сперва принял столь явно выказанное внимание на собственный счет, и не то чтобы возгордился или, наоборот, закомплексовал, скосив глаза на будто бы съехавший на сторону галстук, но как-то весь подобрался, приосанился, умудрившись при этом не утратить профес-

сионально отсутствующего, сходу все секущего выражения лица. Но как он ни изощрялся в проявлении нордической сдержанности, всем глядящим сразу стало ясно, что в буфет он на перемене не наведывался и пророчеств своего соседа по парте о возможных темах контрольного сочинения не слышал. Впрочем, оно и к лучшему, иначе заподозрил бы незнамо что, потому как пророчества сбылись самым, что ни на есть, досадным образом. За исключением третьей, свободной, темы, о которой девятиклассников особо предупредили, что писать ее может любой, невзирая на доставшийся ему вариант, но получить высшую оценку в состоянии только Лев Толстой и Антон Чехов вместе взятые.

Итак, министерство просвещения по явному наущению Брамфатурова разродилось следующими обязательными темами контрольного сочинения:

I вариант. Новые люди в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?»

II вариант. Тема маленького человека в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание».

Свободная тема: Оглянись на себя.

Пророк отреагировал на свой триумф достаточно скромно: плечами пожал да губы скривил. Взиравшие отвернулись, пророк склонился над своими девственно чистыми (лиловые печати не в счет) листками и поспешил устранить это безобразие. «Черновик. Предполагаемые эпитафии для беловика», – вывел он не дрогнувшей рукой, после чего слегка призадумался, чему-то улыбнулся и пошел строчить: «τοῦ λόγου δ'έόνιος ξυνοῦ ζώουσιν οἱ πολλοί ὡς ἰδίαν ἐχούτες φρόνησιν». I. p. 77. Fr. 2. (Heraclites).

И с красной строки: «The words are many, but the Word is one». G. K. Chesterton⁵⁷.

Поглядел на все на это, вновь порывлся в памяти, просиял и опять заскользил разбойным пером по беззащитной казенной бумаге, выводя: «Habent sua fata libelli». Terentius Mauro⁵⁸. Вывел и это, но перечитывать не стал, продолжил с красной строки, морщась в сомнениях – то ли память подбросила, что ему нужно?

«Je ne parlerai pas, je ne penserai rien». A. Rimbaud⁵⁹.

Передумал, зачеркнул, усмехнулся (черновик все-таки!), изложил другую французскую мысль, но на сей раз русским языком. Вероятно, для разнообразия.

«... если уничтожить все людские мечты и бредни, мир утратит свои очертания и краски, и мы закоснеем в беспросветной тупости». Анатолий Франс.

После чего обратился к особоуполномоченному за товарищеской помощью, интересуясь, какой из эпитафий точнее выражает общую мысль и лучше выглядит графически. Особоуполномоченный покосился на листок неодобрительным оком, затем присоединил к нему второе, еще более мрачное, и воззрился на дерзкого школяра:

– Это контрольное сочинение. Самостоятельная работа. Подсказки исключаются. Так что на ваше усмотрение...

Дерзкий школяр кивнул, соглашаясь:

– Естественно на мое, но должен же я извлечь хоть какую-то пользу из того счастливого обстоятельства, что моим соседом на контрольном сочинении оказался не свой брат-двоечник, а просвещеннейший представитель высших педагогических сфер...

– Вы слишком много болтаете, – сухо заметил представитель высших сфер. – Можете не успеть...

– Двойку схватить я всегда успею... Впрочем, все равно спасибо, вы мне очень помогли!

– Каким образом? – вскинул брови методист.

⁵⁷ Слов много, но Слово – одно. Г.К. Честертон (англ.).

⁵⁸ Книги имеют свою судьбу. Теренциан Мавр (лат.).

⁵⁹ Ни слова, ни мысли. А. Рембо (фр.).

– Самым что ни на есть деликатным. Отказавшись высказаться по существу, дали тем самым понять, что ни один из эпитафий не имеет к заданной теме непосредственного отношения.

– Ничего подобного! – запротестовал уполномоченный. – Это вы сами так решили. Я ни о чем не умалчивал и ни на что не намекал!

– Брамфатуров, потише! – потребовала директриса.

– Здорово! – обрадовался Брамфатуров, переходя на заговорщический шепот: – Оказывается мы с вами однофамильцы, если не родственники! Скажите, как звали вашего дедушку по отцовской линии, часом не Мкртыч?

– Моя фамилия Дарбинян! – гордо уведомил уполномоченный. Шепот для выказывания гордости мало подходящ, но у методиста получилось: и шепотом, и гордо.

– А-а, мистер Смит из Смитсоновского института!⁶⁰ – вроде как про себя заметил школяр.

– А вы, как я понял, классный клоун-провокактор?

– Почти угадали. Только не просто классный, а первоклассный. И не клоун-провокактор, а клоун-гуру. И в порядке ответной любезности рискну охарактеризовать вас как весьма отзывчивого, просвещенного и интеллигентного человека, который так и не усвоил амикошонской привычки тыкать незнакомым людям, в том числе даже школярам...

– Вы не можете знать, какой я человек, потому что видите меня впервые, – возразил ничуть не польщенный уполномоченный.

– Я знаю вашу фамилию, выкованную огнем и железом. Я знаю ваш герб – молот Тора. И я знаю, что род ваш древней древнейших наций. Вам есть чем гордиться, товарищ Дарбинян! Вы имеете полное право смотреть на остальных свысока, не скрывая снисходительной усмешки. Ибо следить за соблюдением школьниками правил игры РОНО, не менее поэтично, чем предаваться неистовой мощи кузнечного дела в какой-нибудь деревенской кузнице, как это делали ваши предки... Послушайте, мистер Смит, коль с эпитафиями у меня не заладилось, не обратится ли мне к свободной теме, попытавшись совместить в моей скромной особе Чехова с Толстым, Пушкина с Гоголем, да и Маркса с Лениным, думаю, не помешало бы, а?

– Пишите что хотите, только не мешайте ни мне, ни себе, ни другим! – прошипел в сердцах представитель РОНО и демонстративно отвернулся от своего назойливого соседа. Но соседа не так-то легко было пронять.

– То есть как «что хочу»?! Вы данной вам властью разрешаете мне писать контрольное сочинение на любую тему, невзирая на те, что указаны на доске, я правильно вам понял?

Особоуполномоченный молчал, притворяясь глухим, немым, а возможно, еще и слепым и безумным в придачу. Но поскольку безумным он все же не был, то вскоре понял: этот клоун вполне может счесть его молчание знаком согласия, и, хотя впоследствии вряд ли сможет доказать, что ему лично им, товарищем Дарбиняном, было разрешено писать на любую тему, игнорируя официально утвержденные, но разговоров потом не оберешься, неприятный осадок останется, а это чревато, по меньшей мере, задержкой в карьере. Вот почему глухой услышал, немой отверз уста и, обернувшись к тому, от которого давеча столь решительно отвернулся, заговорил, имитируя строгим шепотом раздраженное шипение закипающего чайника:

– Выбор ваш ограничен: либо первый вариант, либо свободная тема, либо если вы не перестанете паясничать, удаление с урока!

– Вы не только интеллигентный и отзывчивый, но и даром убеждения обладаете, – прошептал уважительно клоун. – Уговорили. Всё. Возвращаюсь к своим баранам. То бишь к новым людям в романе Чернышевского «Что делать?», хотя назвать эту убогую агитку романом можно только в пылу идейного иконоборчества...

---

⁶⁰ Дарбинян, как и Смит, эквивалентны русской фамилии Кузнецов.

– Вам не нравится Чернышевский? – вдруг утратив склонность к партизанскому молчанию, живо заинтересовался методист.

– Мне не нравится «Что делать?», а лично к Николаю Гавриловичу, к этому аргонату идеала, у меня минимум претензий, в основном касающихся его абсолютного невежества в искусстве слова. Но как личность я его даже немного уважаю. За святость. Именно из такого сорта людей в эпоху раннего христианства получилась великомученики, а во второй половине XIX века, в период зажравшегося православия, – пламенные революционеры-семинаристы. Юристы воспламенились позднее...

– Какие еще юристы? – вкрадчиво шепнул уполномоченный.

– В основном, неудавшиеся...

– Вы на кого намекаете?

– На Вышинского, который считал признание обвиняемого матерью доказательством, а презумпцию невиновности – буржуазным предрассудком. Правда, он был генеральным прокурором, но разве можно назвать его удавшимся юристом?.. А теперь, пожалуйста, успокойтесь и постарайтесь сосредоточиться на своей ответственной работе. Вас ведь сюда не праздно спрашивать, а строго следить за соблюдением порядка прислали, или я, пардон, ошибаюсь?

– Ну ты и гусь! – задыхаясь от восхищения прошипел методист, изо всех сил удерживаясь от антипедагогического подзатыльника.

– Арпик Никаноровна, – поднял руку гусь. – Можно выйти?

– А ты что-нибудь написал?

– Почти две страницы.

– Интересно, когда же ты успел, если рот у тебя не закрывается?

– Рот болтает, а руки пишут, Арпик Никаноровна.

– Тоже мне Юлий Цезарь! – проворчал Ерем во всеуслышание.

Арпик Никаноровна одобрительно усмехнулась.

– Можно, Арпик Никаноровна?

– Нет, нельзя. Я ведь предупреждала: выходят только на перемене и только парами, причем пара должна состоять из учеников пишущих разные варианты, и пока вышедшие не вернутся, следующая пара никуда не выходит. Кстати, ты, Брамфатуров, как не имеющий пары, и сидящий на последней парте в последнем ряду, идешь в последнюю очередь...

– Арпик Никаноровна, вы необоснованно преувеличиваете верблужьи свойства моего мочевого пузыря! Между прочим, я до шести лет страдал энурезом и внезапные рецидивы этой мокрой болезни отнюдь не исключены...

– Брамфатуров, вон из класса!

– Спасибо, Арпик Никаноровна, я по-быстрому...

– Нет, сиди.

– А как же энурез?

– Что?

– Мочевой пузырь...

– Вон из класса!

– Повторно благодарствуем...

И не давая опомниться, опрометью выскочил из помещения. И, разумеется, в ближайший туалет. А там задумался над струей: мать моя женщина, а где же у нас в школе библиотека находится?.. Вспоминал, вспоминал, ни шиша не вспомнил. Уже и в мочевом пузыре ни капли в разлив не осталось, а он все тряс свое хозяйство в задумчивом мнемоническом оцепенении...

Поэтому, выйдя в коридор, юркнул мимо кабинета русского языка и литературы в директорскую приемную, где скучала над пишущей машинкой секретарша Леночка, – бывшая выпускница этой же школы – лениво перепечатывая одной рукой диету американских астронавтов, ныне пользующуюся бешеным спросом в качестве «кремлевской».

- Hallo honey! Please tell me where is our school's library?⁶¹
- Брамфатуров, тебя что, с урока турнули? С контрольного сочинения?!
- Что значит – турнули? Сам ушел. По делу...
- Покурить?
- И покурить тоже. Кстати, ты какие куришь?
- Новые. «Ереван». Угостили. Пробовал?
- Нет, но горю желанием, и как я понял, только ты, Леночка, можешь утолить его!
- Кого? – наморщила лобик Леночка.
- Желание.
- Какое? – продолжала она в том же духе непонимания.
- То самое.
- Խլմամբ՝ – все поняла она и тут же перевела свою праведную реакцию с армянского на русский: – Хулиган!
- А-а, ты в этом смысле! – дошло наконец и до хужана-хулигана. А как дошло, так немедленно отпрыгнулось. Четверостишием:

Дева тешит до известного предела —
дальше локтя не пойдешь или колена.
Сколь же радостней прекрасное вне тела:
ни объятье невозможно, ни измена!

– Слышала, слышала о твоих подвигах, – сразу успокоилась Леночка. – И о поэтических, и в особенности о телепатических. Вся школа на ушах стоит. Учителя только про тебя и говорят: одни рассказывают, другие не верят... Вов, а это правда, что ты ответы на вопросы учителей узнаешь из их же мыслей?

– Неправда. К сожалению. Пробовал, ни черта не получилось. Они свои мысли экранируют методическими указаниями РОНО. Пришлось воспользоваться мысленными подсказками с мест...

– Серьезно?! – миндалевидные глазки Леночки округлились.

– Ты не представляешь, Леночка, как бы я хотел, чтобы это оказалось всего лишь шуткой, или на крайний случай антинаучным стечением обстоятельств. Но, увы! Горе мне, несчастному: мозг мой скоро совершенно атрофируется от отсутствия практики. Ведь читать чужие мысли, – не значит мыслить самому. Вот и сейчас сам не ведаю, что говорю, потому что мозги заняты твоими размышлениями...

– Моими размышлениями?! – глаза секретарши наглядно продемонстрировали, каким образом можно разрешить древнюю математическую шараду о квадратуре круга.

– Только Леночка, солнышко, пожалуйста, думай помедленнее, не перенапрягай так свой интеллект, я же ни слова понять не успеваю!

– Издеваешься, да?

– Я что, извращенец – над красивыми девушками издеваться? Красивых девушек надо холить, любить и лелеять. Հեղինակն Եւ ընդ գոնն տեսնն, սիրնն, սիւշտնն, սնրերն շնորհամ⁶², – переврал Брамфатуров лирическим фальцетом популярную песню.

– Да, – покачала головой Леночка, – язычок у тебя подвешен, будь здоров!

– Ты не можешь об этом судить, ты со мной не целовалась.

– Брамфатуров, не пошли!

---

⁶¹ Привет, сладенькая! Не подскажешь, где тут наша школьная библиотека? (англ.)

⁶² Хотя бы издали видеть тебя, любить, обожать, мыслей твоих не читать (армян.).

– Истинная правда, Леночка: не пошли мы с тобой ни в кино, ни в цирк, ни в зоопарк, и как я понял, закурить ты мне тоже не дашь, вероятно, не хочешь лишить меня великой радости...

– Ой, конечно дам! – спохватилась секретарша и полезла в сумочку, но на полдороги спохватилась повторно: – Погоди, какой такой радости я не хочу тебя лишить?

– Один мудрец утверждал, что желание – радость более упоительная, чем удовлетворение желания.

– Ну?

– Баранки гну. В смысле, целую ручки. Дай закурить, а то поцелую!

– Ручки?

– Ножки.

А пока они препирались о том, о сём и о прочем, в непосредственной близости от приемной, а именно в кабинете русского языка и литературы хозяйка обоих этих помещений, с молчаливого согласия особоуполномоченного методиста, просматривала черновик то ли изгнанного из класса за употребление в официальном разговоре неуместных органов мочеиспускания, то ли отпущенного в краткосрочную побывку в ближайший ватерклозет. Почерк у вундеркинда оказался недетский, размашистый, с уклоном в стенографическую неразборчивость, но кое-что при достаточном желании разобрать было можно. И Арпик Никаноровна прилежно старалась прочитать, что же там начеркал этот кающийся, вставший на путь осознания и исправления грешник. В результате упорных прищуриваний и манипуляций с очками удалось разобрать подзаголовок, из которого выяснилось, что ниже воспоследует перечень предполагаемых эпитафий к беловику еще ненаписанного сочинения.

Наткнувшись на греческую вязь, директриса бросила недоуменный взгляд на методиста-соглядатая, и тут же отвела его в сторону, едва сдержав улыбку усилием тренированной административной воли.

– Бодрова Маша, подойди на секундочку, – тихо позвала она и когда Маша подошла, шепотом спросила, указывая взглядом в текст: – Что тут написано, Машенька?

– Ой, Арпик Никаноровна, это же не по-русски, даже не по-армянски, а кажется, по-гречески. Я не знаю, – виновато зашелестела в ответ Бодрова.

– По-гречески я без тебя все прочла. И по-латыни и по-французски тоже. Я английского не знаю. Читаю как Пушкин – как написано. Только в отличие от Александра Сергеевича ни черта не понимаю...

– А-а, по-английски, – обрадовалась Маша почти вслух. – Тут написано: «Слов много, но Слово одно». Слово – с прописной буквы...

– И чье это изречение?

– Если верить ему, то Честертон. Хотя он может и наврать. В том смысле, что сказал это Диккенс, а он приписал Честертону...

– Может, – мрачно согласилась директриса. – Он все может. Может и по-грузински написать. Но это еще полбеды, найти знающего грузинский язык не проблема. Хуже, если он изобразит нам что-нибудь кхмерским письмом или китайскими иероглифами, а потом заявит, что это-де цитата из Цинь-Чуня...

– Так ведь у нас Артур Янц есть, – напомнила Маша. – Если не он сам, то отец его уж точно в иероглифах разбирается...

– Артур есть, – согласилась Арпик Никаноровна, – но кхмера нет.

– Арпик Никаноровна, а что он по-гречески написал?

– Фрагмент из Гераклита: «Слово означает для всех одно, но люди живут так, как если бы каждый понимал его по-своему».

– Знаете, что я думаю, Арпик Никаноровна, – с надеждой в шепоте обратилась отличница к директрисе. – А что если этот фрагмент Гераклита – единственное, что ему по-гречески известно? Он же обожает повыпендриваться...

– А то я не знаю! Ладно, иди, пиши. Спасибо.

И Арпик Никаноровна углубилась в дешифровку остальных кандидатов в эпиграфы, большинство из которых оказались написаны простым русским языком, хотя нет-нет и попадались выходцы из-за рубежа английского, французского, испанского, итальянского и немецкого происхождения. Правда, китайского или кхмерского, слава Богу, ни одного не повстречалось... Ликовала директриса, впрочем недолго. Не то чтобы повод был не тот, просто надежды не желали оправдываться. Ни единого покаянного слова правды о допущенных ошибках, вопиющих проступках, несознательном поведении. А все как-то в лучшем случае не о том, о чем следовало бы. В худшем – о чем бы не следовало никогда, ни за что и ни при каких обстоятельствах!

– Нет, – с сожалением размышляла директриса, – напрасно я положила на его хваленую смекалку. Надо было прямым текстом дать понять, чтобы он писал свободную тему. А так, что же? Пусть он и умен, и начитан, но ведь мальчик совсем, как ему угораздилось соединить тему личного раскаяния с темой новых людей в романе Чернышевского? Хотя, конечно, если не совсем дурак, то мог бы догадаться – как. Мол, вот, чистые души, идеалы, борьба за новую жизнь без эксплуатации, неравенства, нищеты. Дескать, хотелось бы походить. Приму все меры и очень сожалею, корю себя и чещу за то, что прежде вел жизнь недостойную светлых идей и позволял себе позорящие меня, моих родителей и лично директора школы Арпик Никаноровну Нахапетян отвратительные поступки и чрезвычайные происшествия. Глубоко раскаиваюсь и желаю искупить честной и возвышенной жизнью, взяв за образец для подражания новых людей из романа Чернышевского «Что делать?»... Вот Ерем может догадаться, а он – никогда! И его еще считают умным и начитанным!.. И ведь теперь уже поздно: ни записки не написать ему, ни на ухо шепнуть, ни в черновике вопросительного знака напротив особенно рискованного эпиграфа не поставить – вон, как оба-два роноевца уставились, глазами стригут, за порядком следят. Следственный эксперимент какой-то, а не контрольное сочинение...

В дверь робко постучали, стыдливо вошли, виновато потупились, весело взглянули:

– Можно, Арпик Никаноровна? Я все осознал, раскаялся, я больше не буду...

Директриса бросила пристальный взгляд на вошедшего, надежда вновь затеплилась в ее темных выразительных глазах.

– Садись, Брамфатуров, и чтоб это было в последний раз! На вот, черновик свой возьми. Если не можешь обойтись *без эпиграфов*, – тут директриса учинила более чем внушительную паузу, – то будь любезен снабдить их переводами. Современные педагоги мертвых языков знать не обязаны.

– Всенепременно, Арпик Никаноровна! Все сделаю в лучшем виде, – клятвенно прижал свой листок к сердцу Брамфатуров и пошел тревожить своего высокопоставленного соседа, поскольку парты третьего ряда стояли впритык к стене с окнами.

Сосед встал, пропустил, сел, принюхался, строго спросил:

– Вы что, курили?

– Нет, целовался с обкуренной, – с кроткой невинностью отвечал ученик. У методиста отвисла челюсть. Не слишком низко отвисла, дюйма на два, не больше. Но стоило сидевшей впереди Оле Столяровой передать украдкой записку, как челюсть соседа мигом вернулась с лязгом на место.

– Что это? Отдайте мне сейчас же! – потребовал уполномоченный, не повышая голоса, но достаточно жестко и внушительно.

– Это не шпаргалка, товарищ Дарбинян. Это записка. Судя по всему, личная...

– От той, с которой целовались? – не скрыл сарказма методист.

– Нет, от той, с которой еще не целовался. Видимо, хочет узнать, когда это мероприятие у нас с ней состоится. С вашего разрешения, я ознакомлюсь и отвечу. Даю слово джентльмена, что если это все же окажется шпаргалкой, предоставить ее в ваше распоряжение как неопровержимую улику моей лояльности...

И он развернул, прочитал; прочитав, усмехнулся и передал записку соседу.

– Как я и предполагал, это – личное, но поскольку я ничего от вышестоящих контролирующих органов скрывать не намерен, прошу убедиться в этом их самих собственной персоной.

Колебания уполномоченного были велики по амплитуде, но непродолжительны по времени: служебный долг победил все, что им не являлось. Роноевец схватил записку и прочел следующее: «Я Вам пишу, чего же боле, что я могу еще сказать? Теперь я знаю: в Вашей воле себя презреньем наказать...» И подпись: Татьяна Ларина. Под ней постскриптум: *Sapienti sat*⁶³. А более ни слова...

– Что это значит? – потребовал объяснений проверяющий, ткнув пальцем в латынь.

– А Бог его знает, – пожал плечами Брамфатуров. – Очевидно, какое-нибудь *locus communis*⁶⁴ из числа *ria desideria*⁶⁵. В общем, нечто крылатое, латинское, непостижимое. По крайней мере, для меня...

– Вы что, издеваетесь?! Вы же только что на этой латыни писали!.. говорили!..

– Писал, – согласился со вздохом школяр. – И говорил... Но это все так, – огрехи памяти, проделки шалуны Мнемозины... И потом, если современные педагоги мертвых языков знать не обязаны, то странно было бы требовать обратного от их учеников, вы не находите?

Последний вопрос оказался, что называется, не в бровь, а в глаз. Уполномоченный действительно не находил, хотя, судя по отчаянной мимике и лихорадочным жестам, искал весьма добросовестно – и слова и даже целые фразы для синтаксического сооружения достойной отповеди.

– Глядя на ваши страдания, товарищ Дарбинян, поневоле уверуешь в правоту Демокрита, полагавшего мышление физическим процессом, – сочувственно обронил Брамфатуров, пряча записку в карман и вновь склоняясь над своим черновиком.

Методист тяжело вздохнул, застонал и, схватившись за щеку, выбежал вон из класса.

– Что с ним? – озадачилась директриса, переводя взгляд с единственного оставшегося посланца (точнее, посланницы) РОНО на Брамфатурова и обратно.

– Зубы разболелись, – доложил ученик. – Я пробовал их заговорить, но у меня ничего не вышло. То ли опыта маловато, то ли метод антинаучный...

Перемена, проигнорированная доброй третью класса, в том числе неудачливым заговаривателем зубов, охваченным писчим зудом, внесла в дислокацию представителей высших структур некоторые коррективы: женщина заняла место рядом с Брамфатуровым, а мужчина, очевидно, укротивший приступ зубной боли изрядной дозой тройчатки, расположился, соответственно, на второй парте первого ряда. Рокировка была произведена столь естественно и согласовано, что скорее наводила на мысль о заранее спланированном маневре, чем о спонтанной реакции на развитие непредусмотренных событий.

Как ни был поглощен Брамфатуров сочинением сочинения, но при приближении дамы вскочил на ноги, дождался пока она сядет и лишь после этого позволил себе вернуться к своим разносортным стадам – кириллице, латинице, греческой вязи, армянской клинописи, кхмерской готике... Эти джентльменские манипуляции не укрылись от окружающих, настроив часть из них на – у кого радостное, у кого тревожное – ожидание дальнейших происшествий.

---

⁶³ Разумеющий поймет (лат.).

⁶⁴ Общее место (лат.).

⁶⁵ Благие пожелания (лат.).

– Хочу тебя, мальчик, сразу предупредить: зубы у меня здоровые, в заговаривании не нуждаются, – поставила в известность своего соседа роноевская дама, тем самым дав недвусмысленно понять, что никаких выходов за рамки предписанных устоями взаимоотношений не потерпит.

Брамфатуров искоса взглянул на соседку, словно раздумывая, сообщить ли ей о той каменной глыбе, которая свалилась с его сердца в связи с известием о завидном здравии ее зубных недосчетов или не стоит. И вероятно, предпочтя последнее, ограничился красноречивым кивком: дескать, понял, рад, постараюсь не сглазить...

– Вот и хорошо, что понял, – сказала дама и, достав из своей сумочки какую-то толстую тетрадь, развернулась всем корпусом к проходу.

– Хорошо-то хорошо, – пробормотал Брамфатуров, – да ничего хорошего, – заключил он тут же. И ни к кому конкретно не адресуясь, а как бы рассуждая с самим собой, продолжил членораздельным полупшепотом о том, как он опростоволосился и какого сваял дурака, когда только сейчас вспомнил, что вообще-то на уроках русского языка и литературы он всегда сидит с краю, возле прохода, а значит, должен был писать второй вариант, а не первый, и что ему теперь делать – просто ума не приложит...

– Могу подсказать, – тихо, но внушительно, не дав себе труда обернуться, произнесла роноевская дама. – Переписывай то, что написал, на беловик, а я уж, так и быть, постараюсь уладить с Арпик Никаноровной это маленькое недоразумение.

– Спасибо, – поблагодарил растроганный школяр, так же не глядя на соседку, как и та не него. – Но, увы, беловик я уже написал. Это – во-первых. А во-вторых, вы плохо осведомлены о наших с ней взаимоотношениях. Я имею в виду литературные разногласия. Учитывая оные, я не нахожу для себя иного выхода, как не попытаться написать тот вариант, который я должен был писать изначально...

– Какие разногласия? – затлело, пока еще не дымясь, естественное любопытство методистки.

– Известно какие: она горой за социалистический реализм, а я – за метафорический...

– И в чем же это выражается?

– В поэтических пристрастиях, например. Ей по душе Маяковский, мне – Мандельштам...

– Вы еще не проходили ни того, ни... гм... другого, – слегка замялась в своей назидательности дама, должно быть, вспомнив, что того другого проходить не будут вовсе. – Да и что такое социалистический реализм тебе еще только предстоит узнать в следующем учебном году...

– Ах, мадам, во mnogой мудрости много печали, – пожаловался Брамфатуров. – Увы, но этот бином Ньютона стал мне известен еще в прошлом...

– Неужели? – заметила дама, постаравшись возместить скудость содержания язвительностью эмфазы.

– Je regrette beaucoup, mais...⁶⁶

– И что же это за бином, мальчик?

– Официально, тетенька, социалистический реализм – это правдивое, исторически конкретное изображение жизни в ее революционном развитии. А неофициально, то есть в действительности, соцреализм есть воспевание начальства в доступной ему форме.

Дама изменилась в лице. Для этого у нее имелось по меньшей мере два повода: во-первых, тетенькой называли, а не Офелией Суреновной или на худой конец товарищем Ашхужяном, а во-вторых... во-вторых, она, кажется, ослышалась. Ну, конечно же, ослышалась! Не мог этот скверный мальчишка сказать такую... такое... этакое... в общем, явную чушь, смахива-

---

⁶⁶ Мне очень жаль, но... (фр.).

ющую на провокацию. Или все же мог? Дама села прямо, прикрылась тетрадью и, скосив глаза на соседа, увидела, что тот, абсолютно не интересуясь ее реакцией, что-то быстро пишет, иногда останавливаясь, задумываясь, зачеркивая одно и вписывая поверх строки другое. Пишет по-взрослому неразборчиво и по-мальчишески увлеченно. Рядом, по правую руку ученика, почти на ее половине парты, притягивал внимание исписанный двойной листок черновика. Дама сочла своим долгом углубиться в эти незрелые каракули со всем тщанием задетого за живое знатока школярской криптографии.

«Роман г. Чернышевского – явление очень смелое, очень крупное и, в известном отношении, очень полезное. Критики полной и добросовестной на него *здесь* и *теперь* ожидать невозможно, а в будущем он не проживет долго.
Н. С. Лесков.

Скудость изобретения, положительное отсутствие творчества, беспрестанные повторения, преднамеренное кривлянье самого дурного тону и ко всему этому беспомощная корявость языка превращают чтение романа в трудную, почти невыносимую работу.

А. А. Фет, В. П. Боткин. *О романе Чернышевского «Что делать?»*

Подумать: какой из двух эпиграфов выбрать, и если второй, то не дать ли в сноске ответное мнение Чернышевского об одном из его авторов. Кажется, в письме сыновьям из Сибири? («Можно ли писать по-русски без глаголов? Можно – для шутки. Шелест, робкое дыханье, трели соловья. Автор ее некто Фет, бывший в свое время известным поэтом. Идиот, каких мало на свете. Писал это серьезно, и над ним хохотали до боли в боках»). Выходные данные? *Какие к черту могут быть выходные данные, если в школе нет библиотеки!*

Введение. Экспозиция. Преамбула. Мысли «вслух». Психологический этюд. Приступ разлития юношеской желчи. – Уточнить, что именно?

С первого взгляда тема сочинения кажется чисто патетической, годной лишь для пышных заздравиц да беззастенчивых панегириков – уже хотя бы потому, что заранее предполагается, *образы* (!) «новых людей» в этом романе имеются. Для школьника, не желающего осквернять свой интеллект благонамеренными глупостями, заимствованными из наших достохвальных учебников (этих неиссякаемых источников утомительной риторики общих мест и гнетущего официозного вздора), проблема представляется неразрешимой: либо, презрев проповедуемый автором «Что делать?» разумный эгоизм, изложить честно и откровенно свое мнение и о теме сочинения, и о самом романе, либо, кривя душой, предаться тому паратактическому безобразию, которым занят в данный момент практически весь наш 9 «а». Третьего не дано. Ученик поставлен перед жестким выбором экзистенциалистского толка, почти по Сёрену Кьеркегору: или – или.

Лгать или не лгать – вот в чем вопрос;
Достойно ль примириться с ложной темой,
Иль надо оказать сопротивление
И в честной схватке с целым морем лжи
Спознаться с пораженьем?

– Сердце бедного школяра питит, как орех в клещах, при мысли об ожидающих его перспективах...»

Товарищ Ашхужян вновь покосилась на соседа, перевела дух и отважно отправилась расшифровывать дальше.

«Еще и потому автор романа швейную мастерскую завел, что там девушки. А вот возьми его герои концессию на разработку месторождения угля, несладко бы им пришлось со своими теориями, потому как мужики имеют привычку пить горькую и посылать куда подальше тех, кто им в этом препятствует. А так, конечно, набрал в артель Сонь Мармеладовых и – вперед, к сретенью социалистической истины! Тем более, что все внешние препоны по достижению в отдельно взятой мастерской идеалов «равенства, братства и справедливости» Чернышевский предусмотрительно убрал: нет ни спадов, ни кризисов, ни конкуренции, посему можно всю прибыль распределять между работниками во славу ее величества уравниловки, платя закройщице столько же, сколько подносице горячих утюгов, не заботясь ни о расширении производства, ни о внедрении новых технологий, ни о рекламе, ни даже, кажется, об амортизации...»

«Чернышевский не потому узок, что так велит его революционно-демократическая вера. Это не Маяковский, наступающий из высоких идейных соображений на горло собственной песни. Нет, Чернышевский изначально узок, был таким, когда упражнялся в наследственном православии или когда упорно изобретал перпетуум-мобиле, и таким же остался, уверовав в иную, а по сути, в ту же веру. Как католицизм породил протестантизм, а последний, – если верить Ницше, – немецкую философию (*Esse Homo? – präzisieren!*), так русское православие зачало и произвело на свет Божий собственного противника в виде дантистов нигилизма с их базаровской вольницей (Герцен). Чернышевский, Добролюбов и К^о остались верующими людьми, причем догматически верующими. Менее всего им был свойствен скептицизм, который вообще не присущ русской природе. Типический русский человек (а Чернышевский был именно типическим русским) не может долго сомневаться, он склонен довольно быстро образовать себе догмат и целостно, всей душой, всем сердцем своим отдаться этому догмату. Русский материализм – феномен того же ряда, что и русское православие. (Мысль Бердяева. Приводится им, кажется, в «Истоках и смысле русского коммунизма». Или все же в «Судьбе России»? – вспомнить!)... Соответственно и «новые люди», которых методическое пособие по преподаванию русской литературы настоятельно советует нам обнаружить в романе Чернышевского, буквально потрясают читателя своей неслыханной новизной, в особенности по части чистоты их нравов. Не было до них никого сопоставимого: ни кротонских пифагорейцев, ни иудейских ессеев, ни прозревших овечек раннехристианских общин, ни тем более манихеев, моравских братьев или квакеров. Их взаимоотношения исполнены беспримерной честности и не имеющей аналогов святости, покоящихся на интеллектуальной твердыне теории разумного эгоизма имени блаженного Иеремии Бентама...»

««Что делать?» как социально-психологический феномен. Роман стал неизбежен с момента ареста Чернышевского и привлечения к делу его дневников. Н. Г. собирался одним выстрелом даже не двух зайцев прикончить, а трех или четырех. Во-первых, показать властям, что крамольный его дневник есть не что иное, как черновые подготовительные записи к роману. Во-вторых, продемонстрировать не только властям, но и почтенной публике, что он не Робеспьер верхом на Пугачеве (Лесков). В-третьих, снабдить своих приверженцев образцами для подражания. В-четвертых, доказать городу и миру, что судить его не за что, что учение его разумно, ибо

эгоистично... В-пятых, человеку, который на протяжении нескольких лет только тем и занимался, что без конца критиковал, поучал и высмеивал в письменном виде всю просвещенную Россию, было крайне тяжело вдруг замкнуться в вынужденном молчании. Словом, все сошлось один к одному – к нашему великому читательскому сожалению! Власти, публикуя роман Петропавловского сидельца, рассчитывали на его провал, но публика «просекла» и приняла его на ура. Вместо ожидаемых насмешек вокруг «Что делать?» сразу создалась атмосфера всеобщего благочестивого поклонения. Его читали, как читают богослужебные книги. Гениальный русский читатель понял то доброе, что тщетно хотел выразить бездарный беллетрист. (Сюда бы «Психологию толпы» Гюстава Лебена привлечь, если память сжалится, расщедриться, снизойдет, озарит и обяжет...)»

«Генри Дэвид Торо полагал, что не все книги так бестолковы, как их читатели. Однако «Что делать?» Чернышевского настолько бестолковая книга, что практически любой читатель средней руки вправе вообразить себя толковее ее сочинителя. Чтобы зачитываться такой агиткой, надобно быть лишенным свыше всякого вкуса к литературе как к искусству слова, но взамен высоко ставить простоту, не освященную вдохновением, и нравоучительство, напичканное пафосом. Включать подобные сочинения в школьную программу – значит вольно или невольно отваживать подрастающее поколение от истинной словесности...»

Представительница РОНО прервала чтение и попыталась собраться с мыслями. Однако далеко не все мысли сочли эту попытку удачной. Многие поспешили укрыться в подсознании, иные прикинулись подавленными представлениями, а наиболее дальновидные прибегли к услугам вытеснения. Поди, соберись с этими саботажницами! Пришлось довольствоваться склонными к лояльности порождениями интеллекта. Увы, большинство из них оказались на деле самозванками с поддельной родословной. Эмоция – вот их альма-матер. Ну и повели себя в полном соответствии со своим происхождением, *толкую, словно чернь тупая*, примерно так:

Зачем всё это он несет?
Напрасно знаньем поражая,
К какой он цели нас ведет?
Почто нудит? О чем хлопчет?
Зачем в тупик поставить хочет,
Как своенравный диссидент,
Как бузотер, как инсургент,
Как несознательный юнец,
Как провокатор, наконец?

Неизвестно, до чего бы довели свою номинальную хозяйку эти искусницы, если бы одна из саботажниц не раскаялась, не развоплотилась из первичного во вторичное вытеснение, и не посоветовала немедленно показать этот пасквиль директрисе на предмет обсуждения психиатрического состояния его автора. Офелия Суреновна протянула руку, схватила черновик и... обнаружила под ним беловик сочинения на ту же тему. Рука ее с черновиком застыла на полдороги, глаза пытливо впились в текст, ища и не находя чего-либо схожего с ранее прочитанным.

«Контрольное сочинение. Вариант I.

Новые люди в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?»

...есть у нас повсеместное честное и светлое ожидание добра, желание общего блага и прежде всего вера в идею, в идеал. Юношество наше жаждет подвигов и жертв.

Ф. Достоевский. Дневник писателя.

...Бывают случаи, когда обаяние человеческого подвига искупает литературную ложь, и тогда начинаешь понимать, что такие люди, как Чернышевский, при всех их смешных и страшных промахах, были, как ни верти, действительными героями в борьбе с государственным порядком вещей, еще более тлетворным и пошлым, чем их литературно-критические домыслы.

В. Сиринъ. Дар.

Вначале была мысль. И мысль была у революционных демократов во главе с Чернышевским. И мысль была о новых людях и новых взаимоотношениях между людьми. И воплотилась мысль в слове агитационном, под беллетристику стилизованном. И тогда прочли люди, и поняли суть, и возгорелось из искры пламя борьбы за Свободу, Равенство и Братство. И стали читатели Слова новыми людьми, и завели между собой новые взаимоотношения. Так в очередной раз Ее Величество Литература заставила жизнь подражать себе, творя новые формы последней по образу своему и подобию. Ибо, в конечном счете, важно не что и как написано, а как написанное читают, как воспринимают, какие выводы из прочитанного делают, какой думкой – социальной, моральной, или эстетической – при этом богатеют. И в этом смысле роман Чернышевского «Что делать?» есть явление поистине феноменальное. Сила его воздействия на современников сопоставима (не по масштабам, но по глубине) с воздействием Библии, или, если слегка умерить пыл и чуть-чуть добавить скромности, – с влиянием «Вертера» на просвещенную молодежь конца XVIII века. Правда, с той разницей, что любовь в произведении Гете сделалась чем-то трагическим, от чего полагалось умирать с шумом (Анатоль Франс). Тогда как в романе Чернышевского то же самое чувство приобрело черты благородного альтруизма и великодушия, так что в голову внимательного читателя порой закрадывалось сомнение: что перед ним, Эрос или все же Агапе?..»

Но тут поверх беловика первого варианта контрольного сочинения лег беловик второго варианта, а на беловик второго – его же черновая версия.

– Пардон, мадам, не имею чести знать вашего имени, но... – зашептал заговорщически сосед.

– Офелия Суреновна, – представилась шепотом же проверяющая. Причем сделала это чисто механически, на автопилоте, поскольку мысли ее были заняты разгадкой мучительной тайны, а именно: каким образом черновики оказываются поверх беловиков, а не наоборот?

– Oh, it is very oblige name! If you are Ophelia, therefore, you are honest and fair and your honesty is discourse to your beauty. In addition, I seems, they always to come to concert⁶⁷...

– Что? Что ты там бормочешь?

---

⁶⁷ Весьма обязывающее имя! Коль вы Офелия, значит, вы добродетельны и прекрасны, и ваша добродетель дискутирует с вашей красотой. И, как мне кажется, они всегда приходят к согласию (англ.) [Аллюзия из первой сцены третьего акта «Гамлета»].

– Да так, Билла на память цитирую...

– Какого еще Билла? – ужаснулась проверяющая (только американцев им в его сочинении не доставало!).

– Есть такой: Билл Шекс – автор нескольких удачных голливудских сценариев и множества слезливых сонетов. Неужели не слышали? Кнут Гамсун уверяет, что он еще и танцы преподает, но мне что-то не верится...

– Не слышала и слышать не хочу! – отрезала Офелия Суреновна. Отрезала, правда, шепотом, но от этого не менее категорически. – Ты хоть понимаешь, что ты написал?!

– Я понимаю, что у меня бумага кончилась, а мне еще третье сочинение писать. На свободную тему. Досточтимая Офелия Полониевна, будьте так добры, снабдите меня парой двойных листочков с печатями. Хочу проверить, смогу ли я соединить в своей скромной особе Чехова с Толстым, Пушкина с Гоголем и Дэвида Юма с Марксом-Энгельсом в придачу, или даже такая малость не по зубам моим молочным?

– Суреновна я! Офелия Суреновна! – вспыхнула дама почти что вслух.

Класс перестал писать, директриса зорко следит за тем, чтобы посланцы РОНО не застали пользователей шпаргалок, товарищ Дарбинян сочувственно покачал головой: паршивая овца все стадо портит...

– Брамфатуров, ты что, уже закончил?

– Нет, что вы, Арпик Никаноровна, я только начинаю!

– Как – только начинаешь? – неприятно поразилась директриса. – До конца урока всего десять минут осталось...

Класс перестал пялиться на заднюю парту у окна и с удвоенной энергией заскрипел шариковыми ручками.

– Ничего, Арпик Никаноровна, напишу что успею, а что не успею, наведаюсь в РОНО, и изложу им устно...

Девятый «А» нервно хихикнул и вновь сосредоточенно задвигал перьями.

– Прошу прощения, Офелия Суреновна, я не хотел вас обидеть. У меня автоматически вырвалось. Болезнь у меня такая: нервная инерция литературных ассоциаций. Врачи говорят: неизлечимо, но я с ней справлюсь, вот увидите! Хотя, все равно приятно: Сурен – канцлер Дании! Как я раньше не догадался! Сын – Лаэрт, дочь – Офелия, спрашивается, кто же у них отец, если не армянин?! Да, проникновенье наше по планете особенно заметно вдалеке: в дворцовом эльсинорском туалете есть надпись на армянском языке...

Офелия Суреновна не отреагировала, она была чрезвычайно занята – пожирала расширенными до предела глазами черновик второго варианта. Поскольку размером глаз Бог методистку не обидел, определить в точности, какой именно абзац привлек ее потрясенное внимание, не представляется возможным. Посему имеет смысл привести всю первую страницу, как она есть. То бишь была...

«В отличие от апологетов Достоевского (Кирпотина, Кожинова, Фридлендера и др.), считающих, что «Преступление и наказание» принадлежит к вершинам романного искусства, я нахожу этот роман затянутым, нестерпимо сентиментальным и дурно написанным. Меня корбит от синтаксических привычек и семантических обыкновений этого болезненного гения нашей классики».

«Мучиться Раскольников должен вовсе не из-за того, что убил, а из-за того, что сглупил, нелепой и крайне сомнительной идеей увлекшись до голодных обмороков и сомнамбулического бреда. Продешевил он, прежде всего не нравственно, но интеллектуально. Вот где стыд! Вот в чем позор! Вот почему его «глядение в Наполеоны» кажется клиническим случаем из жизни постояльца психушки».

«Достоевский – это, прежде всего, патология. Даже здравая мысль или резонное соображение принимают у него патологическую форму. Не о нем ли Фридрихом Ницше сказано:

«Вместо здоровья – «спасение души», другими словами, folie circulaire⁶⁸, начиная с судорог покаяния до истерики искупления!» Его герои суть случаи из психиатрической практики, в том числе из практики бреда (см. Учебник психиатрии от 1954 г.: «Кто там ходит без крышки на голове?»)»

«Вместо того чтобы, изучив немецкий язык и досконально проштудировав сочинения гг. Маркса и Энгельса, организовать революционную партию рабочих, свергнуть царизм и осчастливить весь трудовой народ лампочкой Ильича, эта ходячая идея, этот неудавшийся студент задался преглупой мыслишкой – выяснить, человек он или тварь дрожащая, и попытался разрешить этот гамлетовский вопрос с помощью тривиального убийства беззащитной старухи. По нем психушка плачет и не может утешиться, ибо он на свободе, а не в ее стенах, обитых периной, а мы, бедные девятиклассники, изучай историю его болезни, представленную припадочным беллетристом Достоевским в виде душемутительного романа с душеспасительным эпилогом. Мало того, еще и изощрайся в сочинительстве школьных сочинений на тему «Маленького человека» в этом эпикризе».

– Ты что, сначала беловик пишешь, а потом черновик? – прошептала наконец проверяющая.

– Угу, – подтвердил Брамфатуров. – Рад, что вы это заметили. Так интересней. Хоть что-то творческое в процессе... Как насчет проштемпелеванных листков для свободной темы? – И заметив колебания в глазах методистки, вдруг оживился: – O rose of May! O sweet Ophelia! I need some pepper not violets. Please, help me now and thou memory will always live in my heart⁶⁹!

Офелии Суреновне очень хотелось показать этому выскочке кукиш, козу, язык, если только не что-нибудь более существенное, но она сдержалась.

– Ничего вы не получите! Не положено! – отчеканила она вполголоса. И нарвалась на лирическое признание:

– Дурное *ты* учтивым *вы*
Она, обмолвясь, заменила
И все безумства трынть-травы
В душе подростка возбудила.
Пред ней я мысленно стою,
Просить повторно нету силы;
И говорю ей: это мило!
И мыслю: как я вас люблю!

Офелии Суреновне стало дурно. Не до степени обморока, а до степени невозможности находиться долее в этом помещении. «Pardon moi»⁷⁰, пролепетала уполномоченная особа, пролетая мимо директрисы на крыльях легкого нервного припадка.

– Офик?⁷¹ Что случилось? Ты куда? – вскочил со своего места товарищ Дарбинян.

У Арпик Никаноровны как бы сама собой, по собственному почину, приподнялась левая бровь: к французскому «мерси» вместо армянского «шноракалуцюн» все уже привыкли, но вот «пардон», да еще и «муа», были пока в диковинку.

⁶⁸ Маниакально-депрессивный психоз (фр.).

⁶⁹ О, роза мая! О, Офелия святая! Бумага мне нужна, а не фиалки. Помогите мне, и память о тебе жить будет вечно в моем сердце! (англ.). (Аллюзия из все того же «Гамлета». Акт IV, сцена 5).

⁷⁰ Простите меня (фр.)

⁷¹ Так армяне кличут Офелий. Соответственно Джульетт называют Джуликами, Ромео – Ромиками, Гамлетов (Hamlet) – Гамиками (Hamik), но Лаэртгов почему-то Лариками не именуют, равно как и Лиров Лириками. А так – полная шекспиризация армянского быта, как говорится, налицо.

– Брамфатуров! – строго воззвала директриса после того как второй проверяющий покинул кабинет русского языка и литературы вслед за первым. – Может, объяснишь, что происходит?

Брамфатуров нехотя оторвался от выцганенных двойных листков с заветным штампом:

– Понятия не имею, Арпик Никаноровна. Но подозреваю, что приступ кислородного голодания. Все-таки тысяча метров над уровнем моря... Со всеми ереванцами время от времени такое случается. Со мной, например, каждые три-четыре часа. Правда, желудочного, а не кислородного...

– Понятно, – произнесла директриса многозначительно, после чего, упершись обеими руками в стол, приступила к процессу перехода от положения сидя к положению стоя, попутно давая ценные руководящие указания ответственным лицам класса.

– Лариса, Грант, Маша, мне срочно надо выйти. Сами понимаете... Пока не придет Лючия Ивановна, за порядок на уроке отвечаете вы. Брамфатурову слова не давать! Ни под каким предлогом! Дадите – пожалеете, это я вам гарантирую...

Ответственные лица, напустив на свои физиономии неподкупную строгость, обернулись к задней парте у окна, но Брамфатуров даже не поднял глаз подмигнуть, увлеченный своей писаниной.

Большое окно

Школьное расписание – система хрупкая, неустойчивая, легко дестабилизируемая. Стоит кому-нибудь из учителей захворать, как прощай гармония, здравствуй хаос, сравнимый с сумятицей первых дней учебного года, когда расписание еще пребывает на стадии рабочего становления, и учителям приходится то обучать за один академический час разом два класса (хорошо если параллельных), а то изнывать от безделья, перемогая скуку неожиданно образовавшегося «окна». Вот и учителю истории Авениру Аршавировичу Базилян сегодня жутко не повезло, когда к заранее оповестившей о своем недомогании учительнице математики внезапно присоединилась срочно забюллетенившая географичка. В результате у Авенира Аршавировича образовалось большое окно из четвертого и пятого уроков. Причем окно безнадежное, поскольку на последнем, шестом, уроке ему предстояло одновременно обучать своему предмету сразу два девятого класса: «а» и «в». Вот если бы урок не был сдвоенным, то еще можно было надеяться, что ребята догадаются смяться всем классом в киношку. Но двум классам одновременно об этом ни в жизнь не додуматься. Прецедентов, во всяком случае, Авенир Аршавирович что-то не припомнит...

Авенир Аршавирович не стал растравлять себе душу несбыточными надеждами, а вместо этого решил посвятить первый свободный урок размышлениям о том, как с толком скоротать второй. Разумеется, живи он неподалеку от школы, он бы отправился домой и плодотворно поработал бы над своей диссертацией – сочинением не менее безнадежным в перспективе научной защиты, чем ожидание от двух классов синхронной смысленности на предмет прогула последнего урока. Впрочем, тема диссертации не отличалась какой-либо особой актуальностью или, не приведи Господь, антисоветской направленностью. Авенир Аршавирович, как ему казалось, благоразумно избрал отдаленные аполитичные времена – V век нашей эры. Времена действительно аполитичные, хотя идеологически сложные, в виду повальной христианизации южноевропейских государств, племен и народов. Неудачным, как выяснилось позже, оказался географический выбор: первые армянские поселения в Карпатах. Из фактов и обусловленных этими фактами выводов у Авенира Аршавировича как-то само собой получилось, что своим названием Карпаты обязаны двум сложносоединенным армянских словам: «րիւր», что значит «камень», и «ւշիւ», означающем «стена». Множественное же число с окончанием «ы» появилось значительно позднее, так как еще великий Гоголь в своих ранних произведениях (смотри «Страшная месть») употреблял название этой горной системы в его исходном варианте – «Карпат», не склоняя и не преумножая сущностей без крайней на то необходимости. А это уже грозило межнациональными осложнениями в дружной семье советских народов. Получалось, что украинский, или, выражаясь точнее и строже, древнерусский народ сам не мог додуматься, как назвать родные горы, и был вынужден обратиться за помощью не к грекам, не к римлянам, а к армянам. Вы, товарищ Базилян, возьмите карту СССР и измерьте, пожалуйста, циркулем: где Кура, а где ваш дом. В смысле, где Карпаты, а где Армения. Может, вы еще станете утверждать и, подтасовывая исторические факты, доказывать, что древние русичи отправили с этой целью в далекую Армению дипломатическое посольство: мол, товарищи армяне, Христом-Богом просим, помогите как-нибудь родные горы поприличнее окрестить, а то одни их так именуют, другие этак... Не кажется ли вам, уважаемый Авенир Аршавирович, что вы, дипломированный историк, уподобляетесь таким образом всяким нахальным в своей безапелляционности дилетантам вроде Гургена Айказяна, у которых, что ни исторический деятель, то армянин; что ни историческое событие, то армяне либо вызывают его, либо в нем участвуют самым деятельным образом, либо провоцируют в том же неугомном национальном ключе. Они уже докатились до того, что Киевскую Русь объявили детищем армянской диаспоры. Неужели и вы туда же, уважаемый Авенир Аршавирович, со своим армянским топонимом?

мом в Галиции?! Разве вы не видите, что здесь, кроме всего прочего, присутствует явный намек на варяжскую, давным-давно разоблаченную советскими историками, версию возникновения Киевской Руси? Ах, не видите! Ах, не кажется! А вы подумайте, поразмыслите. Если необходимо, можете осенить себя крестным знаменем, партия не поставит этого суеверного жеста вам в вину...

Разумеется, Авенир Аршавирич не поленился, ознакомился с творениями авторов, которых едва не приписали ему в соратники и вдохновители. И был более чем впечатлен. У этих чудных панарменистов (иначе их не назовешь) без деятельного участия армян ни одно историческое событие не в состоянии произойти, равно как и ни один исторический деятель, в жилах которого не течет – хотя бы частично – армянская кровь, не может таковым стать. Воистину, если бы эти сонмы успешных на чужбине армян сделали хотя бы 5 % того, что они сделали для других народов, для собственной родины, то, как минимум, хотя бы к одному из трех морей выход у современной Армении сохранился бы⁷². Печально и абсурдно с этими странными армянами от панарменизма получается: дома мы от турок бежим быстрее лани от орла, а в Грюневальдской битве в первых рядах с теми же турками бьемся. Возразить хочется: Здесь Родос, здесь прыгай! Хрена ты прыгаешь там, где тебя никто не видит и оценить твой рекордный прыжок через Гибралтар не в состоянии?!.

Все эти и многие другие соображения по поводу прочитанного в списках и перепечатках панарменистов, Авенир Аршавирич излил в взволнованно-саркастической статье, опубликованной в университетском историческом бюллетене, которая, увы, не смогла оградить его детище (диссертацию) от нападков с противоположной, традиционалистской стороны. Конечно, он защищался изо всех своих научно-академических сил, не забывая при этом о разумном компромиссе, в особенности по тем пунктам, в коих не был уверен, поскольку исторические свидетельства по своему обыкновению противоречили друг другу. Но в главном пытался отстаивать каждую пядь текста, хотя и согласился под давлением неопровержимых идейно-политических доводов признать, что армянская колония в Карпатах была не настолько многочисленна и влиятельна, чтобы посягать переименовывать приютившие их горы на свой национальный манер. Помимо этого, стремясь внести в затянувшийся диспут с научным начальством как можно больше конструктивности, соискатель ученого звания согласился считать спорным факт происхождения из киликийских армян императора Юстиниана. Дальше больше: в порыве редкостной среди авторов научных трудов жертвенности, Авенир Аршавирич дал понять академическому начальству, что готов представить свою версию не доказанным историко-этимологическим фактом, а всего лишь научной гипотезой. Однако жертва была высокомерно отвергнута, равно как и вся кандидатская диссертация в целом, на корню, – как не подлежащая улучшению в плане доведения до политически грамотного, идеологически выдержанного ума.

Но если бы тем и ограничилось, а то ведь в результате научных дискуссий с начальством Авенир Аршавирич, преподававший в то время не где-нибудь, а в Ереванском государственном университете, попал под пристальный присмотр вышестоящих организаций, в частности, под надзор Государственного Института Истории, и прекрасно зная об этом, в гордыне своей посчитал ниже своего достоинства изменить несколько фрондерский тон своих лекций. Ну и как водится, стоило ему однажды с похвалой отозваться об Александре II, как оргвыводы не заставили себя долго ждать. И то сказать: хвала этого царя, порицаете тем самым его благородных убийц-народовольцев, в том числе, – не как убийцу, но как видного революционного демократа, – нашего великого Микаэла Налбандяна!..

---

⁷² Устойчивая формула «ճովից ճով շուշուսի» («Армения от моря до моря»), аналогичная по своему влиянию на армянский этнос влиянию Manifest Destiny на этнос американский. [Manifest Destiny – «Явное предначертание» (англ.) – религиозно-политическое клише, символизирующее идею богоизбранности американской нации и мессианскую роль США как мирового лидера.]

Так Авенир Аршавирович оказался учителем истории в школе № *09. А мог бы, между прочим, оказаться в каком-нибудь месте похуже, если бы ученые власти не приняли во внимание славные подвиги его отца-генерала, героя Великой Отечественной войны. И все же, несмотря ни на что, упрямый товарищ Базилян диссертации своей не забросил, напротив, неспешно, но неукоснительно увеличивал ее объемность и научную ценность, так что она уже, по мнению некоторых его коллег, тянула не на кандидатскую, а на докторскую акцию протеста. Ничего, успокаивал себя Авенир Аршавирович, Пушкин тоже под конец своей жизни сделался по милости властей графоманом, пишущим в стол... И потом, писание научного труда дисциплинирует, не дает опуститься, да и надеждами не оставляет. Мало ли чем черт не шутит даже среди своих, – вдруг опять оттепель, опять какой-нибудь клоун вроде Хрущева свято место опустевшее займет, частичному развенчанию предыдущего маразма очередной съезд партии посвятит... В этой стране возможно всё, кроме действительно необходимого!..

Так думал, надеялся, мечтал и ужасался Авенир Аршавирович Базилян, бывший преподаватель истории Ереванского Государственного университета, ныне школьный учитель, не знающий, как скоротать два свободных часа. Сидел печально в учительской и недоумевал: что мне делать, как мне быть, как окно свое избыть?..

Оказалось, зря, – судьба в виде осознанной необходимости, именуемой случаем, уже обо всем позаботилась. Причем сделала это заблаговременно, лет этак за 35 до внезапного нарушения школьного расписания, когда решила вознаградить за долготерпение и фертильное упорство Пашика Тельмановича Мерцумяна долгожданным сыном Сашиком после четырех подряд дочерей. Та же судьба устроила так, что Сашик Пашикович, закончив одновременно с институтом физкультуры свою спортивную карьеру борца наилегчайшего веса, был направлен учителем не куда-нибудь в горное село в окрестностях Арагаца, а напрямиком в школу № *09.

Быть учителем физкультуры в большой столичной школе, значит иметь в своем распоряжении, кроме зала с раздевалкой, еще и кабинетик типа склада спортивного инвентаря. Сравнимым богатством по части государственной недвижимости обладал только военрук Крапов. Остальные двое участников маленького сабантуйчика в честь новорожденного ничем подобным похвалиться не могли. Правда, учитель труда, Самсон Меграбович Арвестян, мог похвастать, в отличие от Авенира Аршавировича, не просто кабинетом, то есть большой комнатой о полутора десятке парт, одном столе, одном стуле и одной доске, но фактически целым маленьким цехом, оснащенный всем необходимым для воспитания подрастающего поколения могильщиков мирового капитала. Кроме всевозможных станков и инструментов, был у Самсона Меграбовича еще и несгораемый сейф, в котором он, как парторг педагогического коллектива школы, хранил всякие протоколы заседаний, собраний, летучек и слетов, а также суммы добровольных пожертвований в пользу строящегося социализма на базе неолита народов Африки.

Таким образом, в кабинет-складе физрука Сашика Пашиковича, за письменным столом, уставленном закусками и коньяками, сошлась практически вся мужская половина преподавательского состава, при этом мощь представлял подполковник Крапов, интеллект – Авенир Аршавирович, спортивную ловкость – новорожденный, а умелые руки и одновременно партийную мудрость олицетворял собой Самсон Меграбович Арвестян.

После третьей рюмки, опрокинутой, согласно незыблемым армянским законам, за здравие родителей новорожденного, официальная часть посиделок подошла к концу и началась вечная импровизация на заданную профессиональными невзгодами тему.

– Слушай, Крапов, – обратился к подполковнику парторг. По-русски он говорил с трудом, зато протоколы с осуждением американского империализма, китайского ревизионизма и сионистских провокаторов составлял безошибочно. – У тебя сегодня урок в девятый «А» был? Брамфатуров к доске вызывал? Расскажи, что он говорил, а то весь школь о нем

սիւն-յոյնիւն⁷³, Эмма хвалит, Виля тоже хвалит... А я помню он у минэ в шестом и в седьмом был, совсем ни черта не умэль. Напилник как ручка шариковый дэржалъ. Фрэзэрный станок чуть не запороль... У него руки из жопа растут, честный слова!

– Зато ноги, откуда надо, – вмешался физрук. – В футбол играет, если не как Пеле, то почти как Андреасян. И прыгает выше всех, сто шестьдесят в прошлом году прыгнул...

– Ох, допрыгается этот Брамфатуров, – проворчал военрук, косясь на ополовиненную бутылку коньяка, которого не прочь был бы хлебнуть немедленно, не дожидаясь пока взявший на себя роль тамады Самсон разразится очередным протокольным тостом. А он вместе тоста завел речь об этом кошмарном малом. Тем хуже для малого, раз он такой нескромный, что заставляет взрослых людей, забыв о деле, сплетничать о своей особе.

– А зачему дапрыгается? – не отставал от военрука трудовик.

– А потому! То шлангом прикинется, дескать я убежденный... этот... как его? В общем, религиозный пацифист. Дескать оружие в руки – ни-ни! Мы, квакисты, мол, даже ножами на кухне не пользуемся, грех, дескать, вдруг кого-нибудь зарежем сдуру...

– Может, квакеры? – предположил Авенир Аршавирович.

– Да один черт сачки мандражные! – махнул рукой подполковник. – И как они хлеб режут, руками, что ли, рвут?.. А то вдруг окажется, что такое об оружии знает, чего ему знать не положено.

– Это уже интересно, – молвил новорожденный, откусывая от здоровенной – с четверть своего роста – кубинской сигары кончик и приступая к кропотливому процессу раскуривания. – Что может знать ученик девятого класса, чего знать ему не положено, а, Анатолий Карпович?

Однако Анатолий Карпович не ответил, храня молчание, которое при желании можно было счесть загадочным.

– А этот бажак⁷⁴ ми вишьем за твоих детей, Сашик-джан, а в их лице за всех наших детишек. Մըր գլխից անցնող խնկն⁷⁵, – разлив по рюмкам коньяк, провозгласил опытный парторг неминуемый тост и немедленно привел приговор с исполнением. Подождал пока все присутствующие выскажутся на заданную тему и опорожнят свои рюмки, после чего опять насадил на заметно подобрешего военрука.

– Так что, говоришь, этот Брамфатуров знает, чего знать ему не положено, а, Крапов?

– Может, и нам не положено этого знать? – предположил Авенир Аршавирович.

Военрук обвел компанию захмелевшим оком и кивнул, лапидарно подтвердив: «И вам».

– А тебе положено, да? – уязвлено спросил Самсон.

– Я офицер! Я присягу принимал! Подписку давал! – с кастовой гордостью заявил подполковник.

– В отставке, – не без ехидства напомнил новорожденный.

– А ми тут все офицеры, – сказал примирительно парторг, которого действительно уже с месяц как произвели из сержантов запаса в младшие лейтенанты того же резервистского вида войск, как идеологически выдержанного, политически грамотного кадра, которого можно использовать в военное время на должности замполита роты, батареи и проч. – Все подписку давали...

Но Крапова не так-то просто было уговорить сдаться на милость круговой поруки не кадровых бумажных офицеров. Пока бутылка пятизвездочного коньяка не опустела, военная тайна оставалась за семью замками. Но она ведь так и заплесневеть может, если вовремя ее не проветрить в замкнутой среде особенно доверенных лиц.

⁷³ Здесь: талдычит (армян.)

⁷⁴ От армянского բիւթիկ – стакан.

⁷⁵ Чтоб были всегда рядом с нами (армян.).

– Что такое АК–47 знаете?

– Ии! – оповестил о своем разочаровании кратким армянским междометием с долгим гласным звуком парторг Арвестян. – Кто же его не знает! Автомат Калашникова знаменитый... Я слышал, даже американцы во Вьетнаме его больше любят, чем свой родной американский автомат...

– Точно! – пыхнул густым сигарным дымом Сашик Пашикович и, взгромоздив коротенькие ножки на свободный стул, добавил: – Я тоже об этом слышал. А еще слышал, что наши уже какой-то новый автомат изобрели. Почтище Калашникова. Говорят, чуть пуля заденет, и все – либо труп, либо инвалид...

– А как этот новый автомат называется, знаешь? – с трудом, но все же сумел насторожиться подполковник Крапов.

Физрук в недоумении взглянул на военрука.

– Вай! – всплеснул руками Самсон, – конэшно не знает. Откуда ему знать?

– А вот Брамфатуров знает! – огорошил компанию военрук.

– Ну, – подумал вслух Авенир Аршавирович, – у Брамфатурова отец военный. Так что ничего удивительного...

– Военный, – пренебрежительно дернул ртом Крапов. – Но он ведь не в штабе армии, даже не в штабе округа служит, а всего-навсего в каком-то военкомате...

– Не в каком-то, Крапов, а в Республиканском!

– Все равно, – отмахнулся Крапов. – Министерство Обороны даже с республиканскими военкоматами секретами новейших разработок стрелкового вооружения не делится... Я сам и то об этом новом автомате узнал только по случаю, от старинного друга, который его испытывал на секретном полигоне. Причем, заметьте, ребята, только после третьей бутылки!.. А этот Брамфатуров говорит о нем, как о чем-то всем давно известном. Мало того, модификации называет, о которых мой кореш не заикнулся даже после четвертой банки!

– Ну, после четвертой вы, наверное, уже лыка не вязали, – высказал не лишнее вероятия предположение физрук.

– А вот и вязали! – запротестовал подполковник. – Мы без прицепа употребляли, под хорошую закуску керосинили. А он все равно ни словом о модификациях не обмолвился...

– Ну, тогда я не знаю, что и думать, – глубокомысленно заметил историк.

– И я не знаю, – признался Крапов. – И что думать не знаю, и как поступить – ума не приложу.

– Слюшай, а это правда, что он автомат лучше тебя разбирает и собирает?

– Ну... лучше – это неточно сказано. Он с этим автоматом обращается, как опытный, понюхавший пороху боец со своим личным оружием. А я – офицер, мое дело – толково командовать, а не с автоматом бегать...

– То есть вы хотите сказать, что в его манере обращения с оружием чувствуется долгая практика? – соорудил вопрос по существу Авенир Аршавирович.

– Я бы даже сказал: боевая практика, если бы не знал наверняка, что ее у пятнадцатилетнего мальчишки просто быть не может.

– Почему не может? – возразил новорожденный. – А что если он на зимние каникулы во Вьетнам ездил, нашим узкоглазым братьям с американцами биться помогал?

– Чушь собачья! – отрезал Крапов. – Какой на фиг Вьетнам? Кто его туда пустит? И потом за десять дней каникул такой практики не приобретешь...

– Правильно Крапов говорит, – поддержал военрука парторг. – Если бы он на каникулы во Вьетнаме был, то зачем ему было сейчас в Америку бежать? Да исчо так глупо, с этим ненормальным Еремом Никопольном?.. Нет, тут явно что-то не так. Тут что-то другое... Я слышал, Карпич, он у тебя на уроке что-то о Наполеоне рассказывал...

– Сто раз просил тебя, Самсон, тудить твою растудить, не называй меня по отчеству! У тебя Карпыч как «кирпич» получается. Школьники ржут...

– Ладно, Карпич, буду называть тебя Тольком, если не возражаешь...

– Возражаю.

– Тогда генералом...

– Называй его подполковником и дело с концом, – нетерпеливо оборвал парторга учитель истории. – Так что там Брамфатуров о Наполеоне рассказывал?

– Да ни о каком Наполеоне он не рассказывал. Нес какую-то чушь, будто он в одной из прошлых своих жизней служил сапером в подразделении какого-то французского генерала, схватил воспаление легких, когда мост через Березину ладил, и копыта отбросил. А выпей он вовремя спирту и натришь гусиным жиром, в живых бы остался...

– Откуда в отступающей французской армии мог взяться спирт, не говоря уже о гусином жире? – пришел в изумление историк.

– Так, – сказал физрук, – выходит, этот Брамфатуров еще и буддист: прошлые жизни помнит и все такое. Тогда ясно, почему он умеет обращаться с оружием. Навыки из прошлой жизни. Может, он в Великую Отечественную автоматчиком был...

– Не говори глупостей, Сашик, – остудил пыл физрука военрук. – Тогда и автоматов-то практически не было.

– Как не было? А ПэПэШа?

– Вот именно, что ППШ. Знаешь, как оно расшифровывается? Пистолет-пулемет Шпагина. Потому что стреляет пистолетными патронами от ТТ.

И разборка у него совершенно иная, чем у Калашникова...

– Тогда я сдаюсь: отказываюсь догадываться, почему этот парнишка с автоматом на «ты», – признал свое поражение новорожденный. – Может, вы, Авенир Аршавинович, что-нибудь более правдоподобное предложите?

Авенир Аршавинович закурил и задумался: не столько по теме вопроса, сколько о щекотливости своего положения. Ни в какие метемпсихозы с реинкарнациями он, конечно, не верил, равно как и в Высшую Разумную Силу, поскольку, будучи дипломированным историком, прекрасно знал, что если эта сила и существует, то никоим образом на людей не влияет, ибо разума в деяниях человеческих, – что в прошлых, что в нынешних, – кот наплакал. В чем-чем, а в этом старик Эпикур был прав: богам до нас нет никакого дела... В то же время, как человек не лишенный эстетической жилки, Авенир Аршавинович не мог отрицать присутствия в человеческом историческом бытии чего-то иррационального, не поддающегося ни определению, ни учету иными средствами, кроме поэтических. «Природа – сфинкс», – вспомнилось ему глубокое тютчевское обобщение. Человек – сфинкс в кубе, – подумалось ему.

– Да что тут думать! – воскликнул вдруг парторг, решив положить конец двусмысленной дискуссии, перешедшей в тревожное молчание. – По книжкам научился. Он ведь только и знает, что книжки читать...

– Теперь тебя на ерунду потянуло, Самсон? – с военной прямоотой осведомился Крапов. – Сам же говорил, что руки у него из одного места растут. Как же он при таких руках мог выучиться по книжкам с автоматом, как с родной ширинкой обращаться?

– Родной ширинкой, – усмехнулся Арвестян.

– Но если бы только автомат! – тяжело вздохнул подполковник.

– Неужели что-то еще сверхсекретное выдал? – живо откликнулся на вздох новорожденный.

– Еще как выдал! Вот вы знаете, какой новейший танк принят у нас давеча на вооружение и где он производится? А Брамфи знает. Предлагал даже боевые характеристики привести. Еле открестился!

– Полагаю, лучше всего спросить обо всём этом у его отца, – нашелся наконец Авенир Аршавинович с ответом.

– Ճիշտ⁷⁶, – обрадовался Самсон Меграбович соломонову решению историка. – Я его рабочий номер узнаю, а ты, Крапов, позвонишь и спросишь. Եղիւի⁷⁷?

– Ничего не еգáv⁷⁸, – запротестовал военрук. – Вот еще! Стану я к незнакомому человеку с глупостями приставать!

– Хороши глупости! – удивился новорожденный. – Четыре взрослых мужика сидят, мозги напрягают, и ни хрена придумать не могут...

– Ну не можем, и ладно. Черт с ним, – устало махнул рукой подполковник.

– Анатолий Карпович в чем-то прав, – вступился за военрука историк. – Ну, позвонит он его отцу и спросит: не вы ли научили вашего сына профессиональному обращению со стрелковым оружием? Не от вас ли он узнал о новых секретных разработках автомата Калашникова и новейшем танке, составляющих на данный момент государственную и военную тайну?

– М-да, – просветлел вдруг внешностью Самсон Меграбович. – По книжкам этого не узнаешь. Нету исчо таких книг, правда, Крапов?

– Вот именно! А я о чем толкую! Так что сам его отцу и звони. Ты парторг, он тоже коммунист. Разберетесь по партийному...

– И позвоню, – сказал парторг, – но не только... – и умолк, не договорив. А мог бы и не умолкать. Все и так всё поняли. Поняли, что позвонит. Поняли, что не отцу Брамфатурова. А некоторые, например, Авенир Аршавинович, даже поняли, что звонком товарищ Арвестян не ограничится, что без письменного сигнала дело не обойдется. И правильно сделает, что не ограничится, – с его точки зрения, конечно. Потому что если не позвонит и не напишет, то об этом все равно где надо узнают: и что не позвонил, и что не написал, и что партийным долгом и государственными интересами в неизвестных целях пренебрег. Да, действительно, в какой еще стране так вольно дышится человеку? Ясное дело – ни в какой. Почти. В Китае, наверное, дышится еще вольнее, хотя он и не так широк, как наша Совдепия...

– Кстати, о мозгах, – встрепенулся физрук. – Я тут краем уха слышал, что этот вундеркинд якобы еще и телепат. Будто бы мысли на уроке биологии читал на заказ... Может быть, в этом все дело?

– Только этого нам не доставало! – вырвалось у историка.

– Из моих мыслей о модификациях новейшего автомата он узнать не мог, я сам их не знаю, – усмехнулся подполковник Крапов.

– Где слышал? От кого? От Вилены Акоповны? – взял след парторг.

– Не помню, – беспечно отмахнулся физрук. – Скорее всего, в буфете на большой перемене...

– Школьники болтали? Из девятого «а»? – гнул свое партийный организатор.

– Нет, буфетчица с посудомойкой сплетничали... И вообще, хватит об этом супермене! Все-таки сегодня у меня день рождения, а не у Брамфатурова, – положил конец дискуссии физрук, и, затушив сигару, полез под стол за следующей бутылкой коньяка.

– Прошу прощения, но я – пас, у меня еще урок, – собрал волю в кулак Авенир Аршавинович. – И не у кого-нибудь, а в девятом «а»!

– Тем более, – стоял на своем виновник скромного торжества. – За удачу выпить надо. Мало ли какой номер выкинет этот интеллектуальный гигант. Судьбу необходимо заклясть. Случай урезонить. Лучше способа, чем коньяком, наши предки не придумали, а мы и подавно не придумаем.

---

⁷⁶ Здесь: Правильно! (армян.).

⁷⁷ Здесь: Договорились? (армян.).

⁷⁸ Искаженное от армянского «Եղիւի» – договорились.

– Тогда полрюмки, не больше, – согласился, сраженный доводами физрука, историк. Бутылка весело забулькала. Рюмки празднично наполнились и резво взмыли.

– Ну, ни пуха, тебе, ни пера, Авенир Аршавирович, – разразился прочувствованным напутствием подполковник. – Ты, главное, спуску ему не давай. Чуть что про маршала Неделина начнет заливать – гони вон из класса.

– Не слюшай его, Авенир Аршавирович – предостерег парторг. – Вернее, слушать слушай, но делай все наоборот. Не исключено, что этот пацан проговорится о том, откуда он военный секрет знает... И насчет телепатия его проверь на всякий случай. Ты – умный, у тебя получится...

– А вот если бы у меня обнаружился такой вундеркинд по физкультурной части, – заметил Сашик Пашикович, – я бы, честное слово, предоставил вести урок ему самому. И если бы он справился, поставил бы ему пять с плюсом!

– Хороший мысль, – одобрил физрука парторг и пристально взглянул на историк. – А что вы сейчас по истории проходите, Авенир Аршавирович? Великий Отечественный?

– Вторая мировая в десятом. В девятом – революция.

– Любопытно было бы послушать, что Брамфатуров о революции нагородит, – мечтательно пыхнул свежераскуренной сигарой физрук. – Не может быть, чтобы он в то время не жил какой-нибудь своей очередной прошлой жизнью...

– В виде матроса-анархиста? – развеселился Крапов.

– Поживем – увидим в виде кого, – не разделил его веселья парторг Арвелян.

Урок истории

Авенир Аршавирович был настолько удручен предстоящим уроком, что даже забыл зажевать коньячный запах кофейным зернышком или на худой конец импортной жвачкой, которую предусмотрительный физрук не преминул вручить ему прощаясь. Да что там выхлоп, когда, как ни прикидывай, какую часть тела с какою ни стыкуй, но худшего не миновать. Уж кто-кто, но Самсон в точности узнает, и что на уроке творилось, и о чем говорилось, и какими идеями поделился с обоими классами и с преподавателем истории этот несвоевременный Брамфатуров, и, главное, какова была реакция ученических масс и лично его, Авенира Аршавировича Базиляна... Положение хуже губернаторского, – вспомнилась историку старинная поговорка русских бюрократов. Шахматное сравнение создавшейся ситуации подоспело чуть спустя. Цугцванг. Любой ход ведет к поражению, и нет никакой возможности воздержаться, проявить благородную галантность французского офицера в битве при Фонтенуа: «Messieurs les Anglais, tirez les premiers»⁷⁹...

Авенир Аршавирович почти физически ощутил, как его диссертация накрывается большой беспроектной негритянской задницей.

– Տէր Աստուծո՞՞⁸⁰, – обратился он мысленно к Высшему Разумному Существо, в которого не верил, но без обращений к которому (как и любой из нас) не мог обойтись, – хоть бы он сбежал с урока! Хоть бы все они – оба-два класса – смылись куда-нибудь: в кино, в музей, в театр, в тартарары!..

Взмолился, усмехнулся, насмешничал: раньше, мол, надо было обращаться, загодя. Сбегание с уроков всем классом требует определенной подготовительной работы. А ты, Авенир свет Аршавирович, в самый последний момент вдруг спохватился, мольбой потревожить соизволил, а времени-то тью-тью, практически не осталось. Конечно, для Бога всё возможно, но не всё, возможное для Бога, возможно в мире человеческом, где правит беспощадное время. Недаром Христу легче было воскресить протухшего мертвеца, нежели повернуть время вспять, дабы исцелить смертельно занемогшего Лазаря одним своим прикосновением. Или вот еще пример, вспомнил он, кстати и к месту рассказ, переведенный его женой с испанского на армянский для готовящейся к изданию Антологии латиноамериканской прозы. Он, кажется, так и называется: «Тайное чудо». Все чудо Божие в этом рассказе заключается в том, что Бог в ответ на мольбу героя останавливает персонально для него время, чтобы он успел досочинить в уме свою поэму. А весь драматизм в том, что останавливает Господь время прямо посреди расстрела героя. Для стреляющих ничего не изменилось. Офицер скомандовал, они выстрелили, приговоренный упал и умер. Но для последнего прошел целый год за то время, пока пули долетели до цели... Сомнительно, чтобы Бог для него, для Авенира Аршавировича, учудил бы нечто подобное. Даже если бы он обратился к Нему в соответствующих выражениях: «Ты, владеющий химерами нашего мозга и наважденьями наших душ, веками и временем, буквой и словом...» Господи, прервал сам себя Авенир Аршавирович, ну почему Тебя обязательно надо потчевать пафосом и велеречием? Не достойнее ли и Тебя и меня, если я скажу просто и ясно: Տէր Աստուծ, էրէ արժանի եւ, օգնիր ինձ, էրէ արժանի չեմ, գննէ խորարար արար, հաւսնիւմի՞ր⁸¹. Авенир Аршавирович помедлил, прислушался, усмехнулся, уразумел: не потому не сподобился, что недостойн, или повод недостаточен, а потому что без толку. Какую пользу может он извлечь из того обстоятельства, что между двумя мгновениями – скажем, открыванием двери в кабинет истории и вхождением в нее – пройдет целый год? Диссерта-

⁷⁹ Господа англичане, стреляйте первыми. (фр.).

⁸⁰ Господи Боже! (армян.).

⁸¹ Господи Боже, если я достоин, помоги мне, если же нет, то хотя бы дай знать, мы поймем (армян.).

ция не поэма, в уме ее не сложишь, до беловика без чернового текста и уймы вспомогательной литературы не досовершенствуешь. А уж что касается спасения себя и Брамфатурова от крупных неприятностей, то тут и вовсе ничего путного достичь не представляется возможным. Вот если бы Бог сделал так, чтобы они могли бы секретно между собою снестись, выработать какую-то общую линию поведения, отредактировать предстоящие моно- и диалоги, то тогда... А впрочем, не много ли им всем чести, – ради их мелкотравчатых козней Всевышнего беспокоить, на великие тайные чудеса его подбивать! Да и какой смысл? Лично он, Авенир Аршавинович Базилян, давно уже в их черном списке значится. Да и этот мальчик тоже уже успел в нем отметиться. Черный список – белая книга в красном переплете... И потом, что такого особенного может быть известно девятикласснику об этом несчастнейшем из всех смутных времен России? Вряд ли ему ведомо, что Плеханов назвал знаменитые апрельские тезисы Ленина бредом, ибо был убежден, что-де история еще не смолола той муки, из которой будет испечен пшеничный пирог социализма. Господи, какая наивность! Какое верхоглядство! Да Ленину вовсе и не нужна была мука, он согласен был удовольствоваться в качестве сырья для конечного продукта измельченной лебедой. Уверить массы, что полученная при этом дрянь и есть чаемый пирог социализма – дело зубодробильной техники, в которой Ленин и К^о оказались большими мастерами... А что Ленина ЦК его собственной партии не допускал в Смольный, якобы опасаясь за его жизнь, а на самом деле желая спокойно дожидаться II съезда Советов, на котором и решить: брать власть путем вооруженного восстания или не брать. Ленин же, для которого, по словам Валентинова, потребность разоблачать, клеймить, наставлять, проповедовать, указывать была почти такой же физической потребностью, как есть и пить, засыпал свой ЦК письмами и записочками, убеждая, что ждать съезда Советов – это полный идиотизм, и требуя немедленно поднять полки и заводы, арестовать Временное правительство и Демократическое совещание, захватить власть и т. д. – этому мальчику тоже наверняка неизвестно... И вообще, что он может знать, кроме того оголтелого и наглого вранья, которым *они* нас с тех самых пор и потчуют, делая бывшее небывшим, а небывшее возводя в догмат веры? Известно ли ему, что большевики заграбастали власть под соусом гарантии созыва Учредительного Собрания, которое потом и разогнали, не получив на нем большинства, попутно расстреляв из пулеметов мирную демонстрацию рабочих? Возможно, но сомнительно. Даже гениальный лозунг Ильича – «грабь награбленное» – составляет у нас великую государственную тайну, за разглашение которой полагается бесплатная путевка на лесоповал...

Так, успокаивая себя естественной неосведомленностью ученика, Авенир Аршавинович дошел до дверей кабинета истории, взялся за ручку, помешкал, прислушиваясь к гулу сдвоенного класса, мысленно ухватился за соломинку спасения (А вдруг этот вундеркинд и вправду обладает телепатическим даром?), усмехнулся над собой, предал проклятию власть, обрекаяющую нормальных людей на веру во всякую дичь, истово благословился и вошел...

Оказалось, то был гул крови в собственных ушах историка. В кабинете – ни души. Доска исполосована революционными лозунгами и воззваниями самого контрастного содержания: от «Вся власть Совѣтам!» и «Долой войну!», до «Да здравствует Врѣменное правительство!» и «Долой германского шпиона Ленина!» Подытоживало этот революционный раздрай соответствующего стиля уведомление: «Учѣба отмѣняется, всѣ ушли въ синематограф!»

Реакция Авенира Аршавиновича оказалась до странности схожей с реакцией расстрельного героя из рассказа о тайном чуде. Когда последний вдруг понял, что Бог внял его мольбе: растерянность сменилась изумлением, изумление – смирением, смирение – страстной благодарностью. Но в отличие от героя рассказа, решившего немедленно проверить здравость своего рассудка припоминанием четвертой эклоги Вергилия, Авенир Аршавинович на стадии перехода от растерянности к изумлению не смог сдержать эмоций. «Adieu, panier, vendanges

sont faites!»⁸², – пробормотал он первое, что пришло в голову. Второе пришедшее – с чувством продекламировал: «O my prophetic sorrow⁸³ / О, тихая моя свобода / Und keine lebende Himmelsgewölbe⁸⁴ / Միշտ քարի մէջ կրօւծ լինուլիս անսնունդը⁸⁵». И лишь только после приступа безмолвного смирения и молчаливой благодарности, в полном согласии со своей профессиональной ориентацией, попытался достичь аналогичных с героем рассказа результатов с помощью воскрешения в памяти отрывка из дневника Василия Осиповича Ключевского: «Мне жаль тебя, русская мысль, и тебя, русский народ! Ты являешься каким-то голым существом после тысячелетней жизни, без имени, без наследия, без будущности, без опыта. Ты, как бесприданная фривольная невеста, осужден на позорную участь сидеть у моря и ждать благодетельного жениха». Почему Ключевский, а не Лео, не Мовсес Хоренаци, не Геродот, наконец, у Авенира Аршавиновича, учитывая тему урока и личность жениха, которого дождалась оплакиваемая русским историком невеста, удивления не вызвало. Напротив, он, как и герой рассказа, убедился в том, что пребывает не только в твердой памяти, но и в здравом рассудке.

Поскольку чудо, постигшее учителя истории, было не тайным, но явным, свидетельства его неоспоримые следовало немедленно уничтожить, что он и сделал, приведя доску в состояние *tabula rasa*⁸⁶. Педагогический долг обязывал сообщить о произошедшем по инстанции: дескать вот, оба-два девятого класса, вступив в преступный сговор, вероломно сбежали с урока истории. Доложить и откланяться, – вернуться домой к своим баранам на отрогах Карпатских гор. Но Авенир Аршавинович не спешил. Чудо следовало осмыслить. Мысль посмаковать.

Он присел за свой учительский стол и только сейчас обратил внимание, что вместо двух журналов, на нем находится один. А именно – журнал 9-го «а». Значит, 9-ый «в» сбежал с урока раньше. Возможно, еще до перемены. А 9-ый «а», обнаружив, что вместо веселого сдвоенного урока предстоит обычная тягомотина одинарного, почувствовал себя предательски обманутым и... гордо удалился. Пожалуй, никакого чуда в этом бы и не было, если бы не одно обстоятельство по имени Седрак Асатурян, – единственный претендент на золотую медаль в следующем выпуске. Вот то, что этот Седрак не остался наперекор всему классу, – как он это неоднократно делал, – и есть настоящее чудо!

Авенир Аршавинович раскрыл журнал, намереваясь пополнить раздел «История СССР» существенными сведениями о числе, месяце и теме урока, как вдруг уперся взглядом в двойной ученический листок в клетку, исписанный размашистым недетским почерком. «*Caro Maestro! Perdone usted mi...*»⁸⁷ – прочитал он и остановился в ужасе, почувствовав, что волосы на голове у него зашевелились, и даже узрев этот процесс как бы со стороны. «*Animula vagula blandula*»⁸⁸, – прошептал историк, внезапно осознав – потрясенно и пронзительно, – что без Вергилия в подобных ситуациях обойтись просто невозможно...

Испанский, в отличие от английского, французского, немецкого, ассирийского, старославянского, греческого и латыни (предполагалось, что знание этих языков будет большим подспорьем в его научной карьере, но пока что армянского и русского хватало с лихвой), Авенир Аршавинович знал неважно: с Лопе де Вегой еще более или менее справлялся, а вот с Франциско Кеведо впадал в мучительные словарные разыскания. Но отнюдь не посредственное знание языка удержало учителя истории от немедленного ознакомления с посланием, и даже не антинаучное предположение, что Брамфатуров, помимо телепатических способностей обладает еще и даром ясновидения (как же иначе мог он узнать, какие литературные ассоци-

⁸² Прощай, корзина, сбор винограда не состоится! (фр.).

⁸³ О вещая моя печаль (англ.)

⁸⁴ И неживого небосвода (нем.).

⁸⁵ В дерьме казенный потолок (армян.).

⁸⁶ Чистая дощечка (лат.).

⁸⁷ Дорогой Учитель! Простите меня... (исп.).

⁸⁸ Душенька бездомная слабая (лат.).

ации, какой литературы примутся томить разум и беречь душу Авенира Аршавиновича?), а простой, как «голод – не тетка», инстинкт самосохранения. Правое полушарие приказало сжечь листок не читая. Левое, как более благовоспитанное, посоветовало обезопасить себя от внезапного вторжения нежелательных визитеров. Кого именно – не стало уточнять. Авенир Аршавинович выглянул в коридор, запер изнутри дверь на ключ, вернулся на место, закурил, горько усмехнулся неутешительному диагнозу: *psychogenes alternaus*⁸⁹. Затянулся в последний раз, поискал глазами, куда приткнуть окурок, бросил его на пол, задавил каблуком, решился – *սշխարհում մեռնելի կտ*⁹⁰, – взял в руки послание, да как прочитал его! Одним махом, единым духом, захлеб, не переводя дыхание. Знай наших!..

«Дорогой Учитель! Простите меня, это я подбил оба класса сбежать с урока истории. Слишком уж тема щекотливая, боялся не удержаться в рамках советской историографии, исповедующей принцип: «мы имеем ту историю, которая нам нужна». А у Вас и без меня хлопот с вашим моральным обликом *homo soveticus*-а хватает. Полагаю, и в Ваших и в моих интересах сделать так, чтобы я под тем или иным предлогом отсутствовал на занятиях, посвященных истории этой монструозной империи, и впредь. Со своей стороны всегда готов по первому Вашему требованию ответить на все Ваши вопросы по этой неблагодарной теме в конфиденциальной обстановке, дабы Вы не усомнились, какой именно оценки я заслуживаю.

Р. S. Надеюсь, Вы и без меня прекрасно знаете, как поступить с сей эпистолой, и не сочтете эту нахальную приписку неуместным напоминанием».

Ни подписи корреспондента, ни имени адресата. Конспирация, черт побери! Словно кто-то затруднится с атрибуцией этой записки! Да уже то, что написана она не по-русски, прямо свидетельствует, кто именно является ее автором. Разумеется, ты право, правое полушарие: сжечь немедленно! Да и ты, левое, толерантное, не слишком ошибаешься, советуя сделать это не здесь, в кабинете, а в учительской уборной, в присутствии водопровода во избежание возгорания посторонних предметов. Авенир Аршавинович улыбнулся, сложил листок вчетверо и спрятал в бумажник. После чего встал, прихватил журнал и двинулся на выход в учительскую, этажом ниже. А если бы ему вдруг вздумалось подойти к окну – полюбоваться недостроенным четырнадцатизэтажным жилым домом, то он, возможно, обратил бы внимание на пригорюнившуюся на ступенях парадного входа в школу фигурку. Фигурка примостилась на собственном портфеле, и вся ее поза выражала безнадежное отчаяние. Приглядевшись, Авенир Аршавинович, быть может, признал бы в этой фигуре одного из главных участников произошедшего с ним чуда, а именно – единственного претендента на золотую медаль Седрака Асатурыана. Чудо, заставившее Седрака покинуть стены школы раньше окончания указанного в расписании времени, было коллективное, и в миру носило четыре определенных имени: Бойлух Сергей, Витя Ваграмян, Ерем Никопольян и Купец Авакян. Каждая из четырех конечностей отличника оказалась в стальных тисках этого четырехглавого восьмирукого чудовища, не считая Чудика Ваграмяна, бережно поддерживавшего потенциального медалиста за голову, чтобы она не отвалилась, и крепко зажимавшего ему рот, дабы он не натрудил себе горло паникерскими криками о помощи, спасении, карауле. Чудище оказалось настолько предусмотрительным, что, вынеся отчаянно сопротивляющееся тело за предела школы, предупредило школьного сторожа – темного, выжившего из ума старика, – чтобы он ни в коем случае не вздумал впустить обратно этого хулигана Седрака, сушеного, между прочим, маньяка, обожающего ломать стекла, бить лампочки и устраивать в кабинете химии взрывоопасные эксперименты. Устрашенный сторож, чью лояльность Купец не преминул подогреть пачкой «Примы», поклялся солнцем своих внуков: умереть на посту, но маньяка в учебное заведение не допустить. И клятву, кстати

⁸⁹ Раздвоение личности (лат.).

⁹⁰ В мире смерть есть (армян.). Эквивалентно русским выражениям «была – не была», «пропади все пропадом», «семь бед один ответ», «двум смертям не бывать, одной не миновать» и т. п.

сказать, сдержавшего. В смысле не допустить, а не в смысле очучуриться. Чего только бедный Седрак ему через стеклянную дверь не демонстрировал: и дневник пятерками полный, и комсомольский билет с уплаченными взносами, и даже чистый носовой платок, явно свидетельствовавший об интеллигентном нраве его владельца, и ничего никакого впечатления на глупого старика не произвело. На все про все у него был один и тот же ответ: «Փսխի խոժան, թէ չէ սիլիցա կկանչես»⁹¹

---

⁹¹ Убирайся, хулиган, не то милицию позову (армян.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.